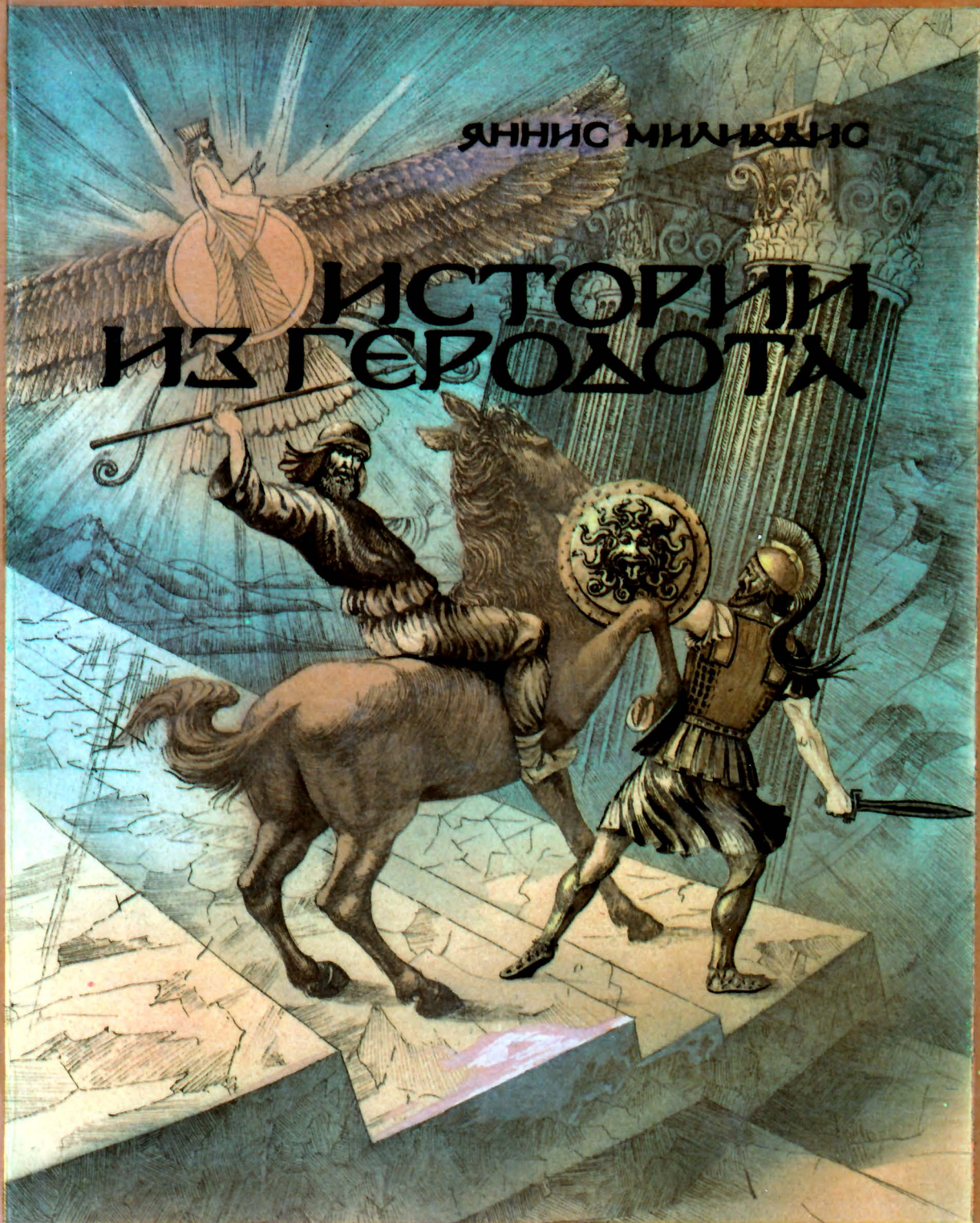
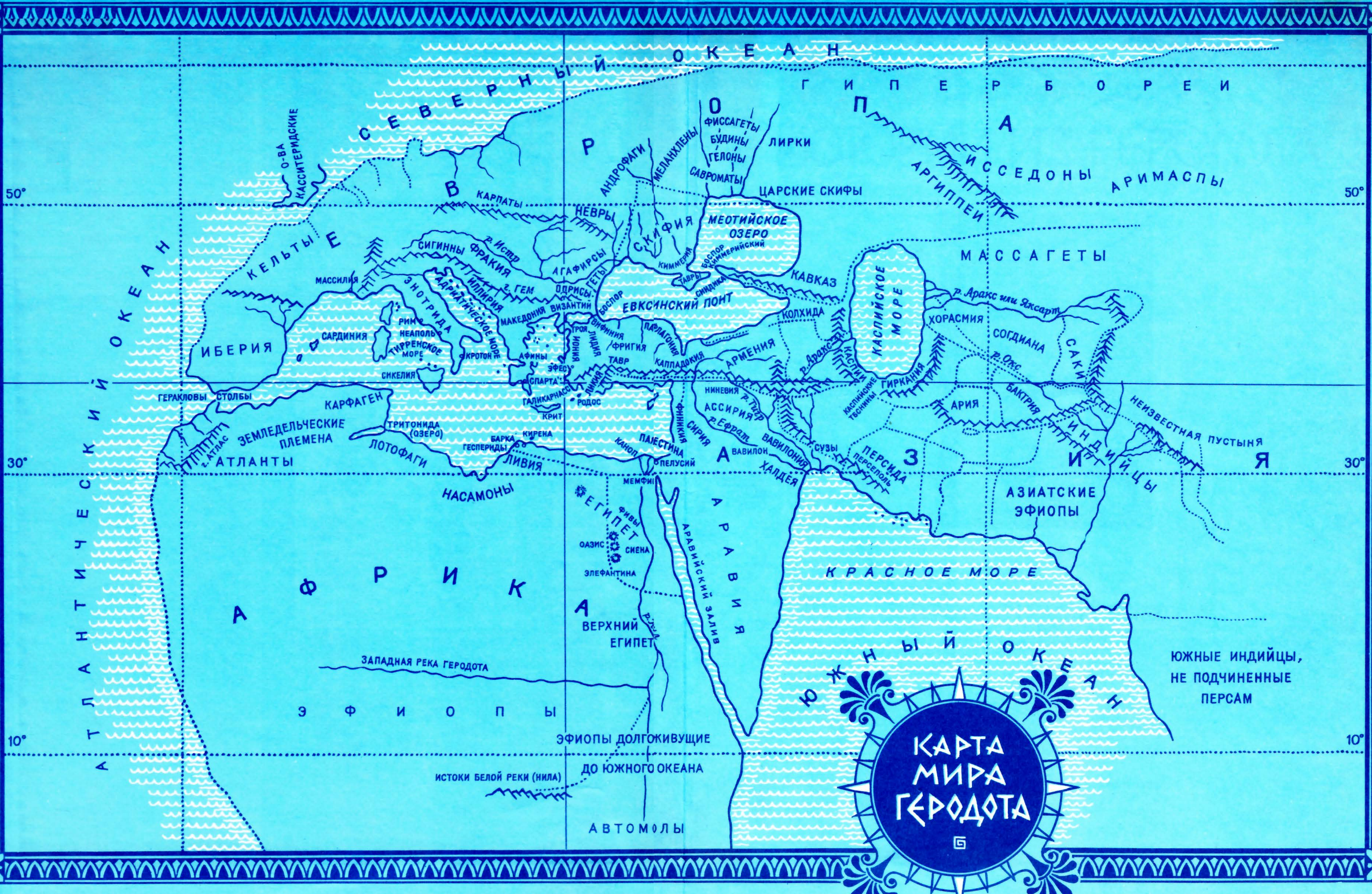

ЯННИС МИХАИΛΙΣ

ИСТОРИИ ИЗ ГЕРОДОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

КАРТА
МИРА
ГЕРОДОТА

50°

50°

30°

30°

10°

10°

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

СЕВЕРНЫЙ ОКЕАН

ЮЖНЫЙ ОКЕАН

ИБЕРИЯ

АФРИКА

ЕГИПЕТ

АВТОМОЛЫ

АРАВИЯ

3

АЗИАТСКИЕ ЭФИОПЫ

3

ЮЖНЫЕ ИНДИЙЦЫ, НЕ ПОДЧИНЕННЫЕ ПЕРСАМ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА

АТЛАНТЫ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ ДОЛГОЖИВУЩИЕ ДО ЮЖНОГО ОКЕАНА

ИСТОКИ БЕЛОЙ РЕКИ (НИЛА)

ЗАПАДНАЯ РЕКА ГЕРОДОТА

КРАСНОЕ МОРЕ

3

3

МАССАГЕТЫ

ГИПЕРБОРЕИ

АРИМАСПЫ

ИССЕДОНЫ

О

ФИССАГЕТЫ

БУДИНЫ

ГЕЛНЫ

САВРОМАТЫ

ЛИРКИ

ЦАРСКИЕ СКИФЫ

МЕОТИЙСКОЕ ОЗЕРО

БОСФОР КИММЕРИЙСКИЙ

ТАВР

КИММЕРИИ

СКИФИЯ

КАВКАЗ

Колхида

Армения

АССИРИЯ

Вавилон

Халдея

Бавилон

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

НЕВРЫ

АГАФИРОСЫ

ОДРИСЫ

ВИЗАНТИИ

МАКЕДОНИЯ

Афины

СПАРТА

ГАЛИКАРАСС

КРИТ

ПАЛЕСТИНА

ЕВКСИНСКИЙ ПОНТ

ТАВР

КАПЛАДОКИЯ

АРМЕНИЯ

НИНЕВИЯ

Вавилон

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

КАРПАТЫ

СИГИННЫ

ФРАКИЯ

Иллирия

МАКЕДОНИЯ

Афины

СПАРТА

ГАЛИКАРАСС

КРИТ

ПАЛЕСТИНА

ЕВКСИНСКИЙ ПОНТ

ТАВР

КАПЛАДОКИЯ

АРМЕНИЯ

НИНЕВИЯ

Вавилон

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

Халдея

МАССИЛИЯ

ЭНОТРИДА

РИМ

НЕАПОЛЬ

ТИРЕНСКОЕ МОРЕ

СИКЕЛИЯ

ТРИТОНИДА (ОЗЕРО)

ЛОТОФАГИ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ГЕРАКЛОВЫ

СТОЛБЫ

КАРФАГЕН

АТЛАНТЫ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ИБЕРИЯ

САРДИНИЯ

РИМ

НЕАПОЛЬ

ТИРЕНСКОЕ МОРЕ

СИКЕЛИЯ

ТРИТОНИДА (ОЗЕРО)

ЛОТОФАГИ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

О-ВА

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

МАССИЛИЯ

ЭНОТРИДА

РИМ

НЕАПОЛЬ

ТИРЕНСКОЕ МОРЕ

СИКЕЛИЯ

ТРИТОНИДА (ОЗЕРО)

ЛОТОФАГИ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ГЕРАКЛОВЫ

СТОЛБЫ

КАРФАГЕН

АТЛАНТЫ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ИБЕРИЯ

САРДИНИЯ

РИМ

НЕАПОЛЬ

ТИРЕНСКОЕ МОРЕ

СИКЕЛИЯ

ТРИТОНИДА (ОЗЕРО)

ЛОТОФАГИ

НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

О-ВА

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

КАССИТЕРИЙСКИЕ

МАССИЛИЯ

ЭНОТРИДА

РИМ

НЕАПОЛЬ

ТИРЕНСКОЕ МОРЕ

СИКЕЛИЯ

ТРИТОНИДА (ОЗЕРО)

ЛОТОФАГИ

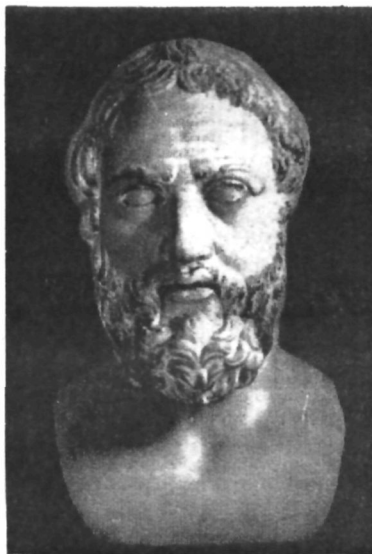
НАСАМОНЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЭФИОПЫ

ЯННИС МИЛИАДИС
ИСТОРИИ ИЗ ГЕРОДОТА

ПЕРЕВОД С НОВОГРЕЧЕСКОГО
В. СОКОЛЮКА

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

М60
И(Греч)

ΓΙΑΝΝΗ ΜΗΛΙΑΔΗ
ΙΣΤΟΡΙΕΣ
ΑΠΟ
ΤΟΝ ΗΡΟΔΟΤΟ

ΕΚΔΟΤΙΚΟΣ ΟΙΚΟΣ "ΑΣΤΗΡ" ΑΘΗΝΑΙ
1976

Предисловие и примечания

В. СОКОЛЮКА

Художник

М. НЕВЕРОВ

М 4803020000—077 425—82
М101(03)83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

О ДЕЯНИЯХ СЛАВНЫХ И УДИВЛЕНИЯ ДОСТОЙНЫХ

Когда самолет, пролетев над лазурными волнами Саронического залива, начинает снижаться над Афинами, пассажиры припадают к иллюминаторам и с волнением смотрят туда, где среди современных кварталов огромного города на легендарном холме — Акрополе — гордо возвышаются в золотистой дымке мраморные колонны Парфенона, который по праву считается жемчужиной мировой архитектуры.

Вы, наверное, знаете, ребята, что столица Греции — самая древняя столица Европы. В Афинах люди жили уже пять тысяч лет назад. А архитектурный ансамбль Акрополя, которым сегодня восхищаются тысячи туристов со всего мира, был построен в честь победы греков над персидской державой еще в V веке до нашей эры.

Два десятилетия подряд — с 1940 по 1960 год — бесменным директором музея на Акрополе был Яннис Милиадис, известный во всем мире ученый-археолог. Он задумал рассказать греческим ребятам о Марафонской победе, о битве при Фермопилах, о морском сражении при Саламине и многих других героических событиях греко-персидских

войн 500—449 гг. до нашей эры. Но не просто рассказать, а пересказать книгу великого греческого историка Геродота, жившего в пятом веке до н. э., посвященную деяниям древних, изложив ее современным языком. Так родилась книга «Истории из Геродота».

А известно ли вам, что слово «история» греческого происхождения? Как, впрочем, и многие другие: философия, филология, география, астрономия, ботаника, зоология, геометрия, математика... Все эти науки возникли в Древней Элладе еще две с половиной тысячи лет тому назад.

В те далекие времена земля Эллады была покрыта непроходимыми лесами, в которых росли диковинные растения и водились хищные звери. Среди этих лесов высились стены независимых городов-государств. Между ними нередко вспыхивала вражда, и тогда город шел против города...

На склонах зеленых гор и в цветущих долинах Эллады росли маслины и виноград. Но хлеба в этой стране было слишком мало; чтобы прокормить всех ее жителей — гончаров, виноделов, пастухов, ткачей, ювелиров, купцов, — его не хватало. И эллины (так называли себя древние греки) отправлялись на парусных кораблях в далекие путешествия, надеясь найти счастье в заморских странах. Так на средиземноморских берегах возникали многочисленные греческие поселения.

В 484 г. до н. э. в малоазийском городе Галикарнасе, основанном греками, родился мальчик, которому было суждено стать первым историком Эллады. Мальчик рос общительным и любознательным. Он часами бродил в окрестностях города, жадно вдыхая запах вечнозеленых сосен и диких трав, любовался ласковым морем, переливающимся всеми цветами радуги под ярким солнцем. Больше всего мальчику нравилось бывать в шумном порту. Здесь собиралась пестрая многоязыкая толпа, с кораблей сгружали пшеницу, финики, инжир, полотно, золото и медь, бывалые моряки готовились к дальним странствиям.

Отважные мореходы путешествовали «как для того, что-

бы торговать, так и для того, чтобы познавать». Много опасностей таили в себе морские дороги. Ведь парусные суда были несовершенны, а компас был еще неизвестен эллинам. Но они на своих легких парусниках ходили не только по Средиземноморью, но проникали даже в Понт Эвксинский («Гостеприимное Море» — так древние греки называли Черное море). В Северном Причерноморье они тоже основывали свои города, которые продолжали существовать еще во времена римского владычества. Вы, наверное, слышали о находках, сделанных нашими археологами при раскопках в основанных эллинами Ольвии и Херсонесе. А знаете ли вы, что в Крыму, на месте таких современных городов, как Евпатория, Феодосия и Керчь, в древности процветали греческие города Керкинитида, Феодосия и Пантикапей, столица Боспорского царства?

В заморских странах мореходы открывали для себя много нового и необычного. Недаром на скалах Египта сохранились греческие надписи: «Увидев, я был чрезвычайно восхищен». Каждый раз, возвращаясь в родную гавань, мореплаватели привозили не только диковинные товары, но и увлекательные рассказы о землях, в которых им довелось побывать.

И как знать, может быть, именно эти рассказы заронили в душу юного Геродота стремление к неизведанному, желание своими глазами увидеть заморские страны, так непохожие на родной Галикарнас. Желание это со временем переросло в страсть к путешествиям.

Покинув родину, Геродот едет на остров Самос. Здесь он знакомится с жизнью самосского государства, в то время одного из наиболее богатых и могущественных эллинских государств. Многие восхищало Геродота на этом гостеприимном острове, многое удивляло, но загадочный шум волн и паруса кораблей в гавани манили его, звали в путь к новым приключениям и открытиям.

Геродот отправляется в дальнейшие странствия. Он плывет по морю и шагает по суше, переправляется через быстрые

реки и поднимается по горным тропинкам. Его не пугают ни зной, ни стужа, ни голод, ни хищные звери. Десять долгих лет длились странствия Геродота. Он исходил и объездил почти весь известный грекам мир: посетил Вавилонию и Финикию, Сирию и Ливию, проехал через весь Египет, побывал в столицах персидского царя, путешествовал по Северному Причерноморью, объездил Пелопоннес и близлежащие острова, а затем отправился на запад, в Сицилию и Италию.

В пути неутомимый эллин приглядывался к новым местам, изучал незнакомых доселе животных: слонов и львов, медведей и гиен, шакалов и пантер, страусов и крокодилов...

Но больше всего Геродота интересовали племена и народы, населявшие чужие земли. Цари и военачальники, ремесленники и купцы, жрецы и моряки, эллины и варвары¹ делились с любознательным путником своими наблюдениями и воспоминаниями. Геродот запоминает или записывает, как эти люди одеваются, как причесывают волосы, как готовят еду и строят жилища, как лечат больных и делают оружие, как празднуют свадьбы и хоронят умерших.

Вы можете спросить: сколько же языков знал Геродот? Всего-навсего один — греческий. Общаться с жителями разных стран ему помогали переводчики. Это были или варвары, изучившие язык эллинов, или эллины, которым был знаком язык того или иного народа. Геродот высоко ценил труд своих помощников и даже был склонен преувеличивать их численность. К примеру, он считал, что в Египте переводчики составляют отдельный класс населения, почти касту, наряду с остальными шестью — жрецами, воинами, купцами, корабельщиками, пастухами и свинопасами.

* * * *

¹ Варварами («барбарос») греки называли всех чужеземцев, не говоривших на их языке. Слова чужой речи сливались для греков в непонятное и загадочное «бар-бар-бар». Первоначально в слове «варвар» не было ничего оскорбительного. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

После долгих странствий, около 446 года, Геродот прибыл в прославленные Афины, о которых эллинский поэт (V в. до н. э.) Пиндар писал:

О, прекрасный, венком фиалок увенчанный,
в песнях воспетый славный город Афины,
твердыня Эллады могущественная!

Этот город поражал своим блеском и великолепием. Не только эллины, но и многие чужеземцы, приехав в Афины, оставались здесь навсегда. Недаром в Элладе говорили: «Ты — чурбан, если не видел Афин, осел, если видел и не восхитился, а если по своей охоте их покинул, то ты — верблюд».

В городе шла оживленная торговля, устраивались красочные шествия и спортивные состязания. Афинский театр считался лучшим в Греции, и на его представления собирались зрители из всех уголков страны.

В Афинах, центре эллинского мира, Геродот прожил много лет. Этому городу суждено было стать второй родиной великого историка. Здесь Геродот завязал дружбу с известным родом Алкмеонидов, игравшим видную роль в истории Афин, сблизился со знаменитым кружком Перикла, который в середине V в. до н. э. возглавлял всю культурную и научную жизнь афинского государства. Членами этого кружка были многие выдающиеся ученые, писатели, художники того времени — философы Анаксагор и Протагор, знаменитый поэт Софокл, скульптор и архитектор Фидий, под руководством которого выполнялись скульптуры Парфенона.

Геродот не мог не включиться в острую борьбу между аристократической партией, возглавляемой политиком Фукидидом, и демократической, вождем которой был Перикл. Ведь он всегда осуждал аристократов и с большой симпатией относился к демократии. Слово «демократия» в переводе с греческого означает «народовластие». Самым идеальным государством Геродот считал демократические Афи-

ны. Именно демократический строй, доказывал Геродот в жарких спорах с противниками Перикла, помог афинянам победить огромную персидскую державу в греко-персидских войнах, показавших, «сколь великолепное дело есть равенство». Пока Афинами правили аристократы, афинское государство не могло похвалиться никакими выдающимися достижениями. И, лишь освободившись от аристократов, Афины стали первым городом во всей Элладе.

В Афинах Геродот задумал написать историю греко-персидских войн. Эти войны давали прекрасный повод для того, чтобы показать ведущую роль Афин в отражении персидского нашествия и тем самым обосновать великие заслуги города перед всем эллинским миром. Историк понимал, что события греко-персидских войн имели решающее значение не только для судеб Эллады, но и многих других народов. Разгромив в десятки раз превосходившее их по численности персидское войско, эллины не позволили персам продвинуться дальше на Запад и поработить другие страны.

Принимаясь за работу, Геродот стремился сохранить для потомков славные события недавнего прошлого. Вот как он объясняет во вступлении тему и цель своего труда:

«Чтобы деяния людей не изгладились в памяти от времени и чтобы великие, достойные удивления подвиги, совершенные как эллинами, так и варварами, не потеряли своей славы, в особенности же не изгладилась причина, по которой они начали войну между собой».

Чтобы лучше раскрыть причины войны эллинов с персами, историк подробно рассматривает в своем сочинении историю их взаимоотношений с незапамятных времен, о которых повествуют греческие мифы и персидские сказания. Когда-то финикийские купцы похитили в эллинском городе Аргосе красавицу Ио. В отместку греки увезли дочь царя Агенора Европу из финикийского города Тира. Но этого им показалось мало, и они похитили из Колхиды дочь царя Ээта Медею. Троянский царевич Парис, обуреваемый

мestью, похитил из Спарты Елену Прекрасную. Так началась Троянская война — величайшее столкновение между Европой и Азией. Греко-персидские войны — это, по Геродоту, очередная схватка свободолюбивой Эллады и деспотичного Востока.

Характерно, что, описывая персов, Геродот не стремится их очернить. Подобно поэту Эсхилу, своему великому предшественнику, пережившему нашествие персов, он не питает ненависти к персидскому народу. Он не искажает, не подтасовывает факты, чтобы представить своих соотечественников в выгодном свете. Так, к примеру, историк не умалчивает о том, что некоторые эллинские государства предали общее дело и выступили на стороне персов.

В «Истории» Геродота описаны не только события, происходившие в Элладe и в Персии. Греческий историк рассказывает нам и о жизни других народов и племен, с которыми соприкасались эллины и персы. Знаменательно то, что Геродот первым описал жизнь скифов и некоторых других племен, обитавших в древности на территории нашей страны, в степях между Днепром и Доном. Ученые, занимающиеся древней историей СССР, до сих пор обращаются к описаниям Геродота. Любопытно, что археологические раскопки в северном Причерноморье часто подтверждают достоверность наблюдений историка. Вот только суровость климата Скифии Геродот, как человек южный, явно преувеличил...

Читая «Истории из Геродота», вы, ребята, увидите, что в книгу включены многие события, не имеющие прямого отношения к греко-персидским войнам. Дело в том, что Геродот стремится рассказать своему читателю обо всем чудесном и удивительном, что он видел и слышал в ходе длительных путешествий: необычайных происшествий и случаях из жизни царей, о диковинных обычаях варваров, о невиданных зверях и растениях. Эти рассказы перемежаются красочными легендами и мифами, притчами и сказками многих народов Востока. Как в калейдоскопе, в «Исто-

рии» Геродота мелькают лица, события, факты, подлинные и вымышленные, сливаясь в увлекательное повествование, имеющее не только научную, но и художественную ценность.

В древности Геродота сравнивали с прославленным Гомером. В списке поэтов его имя нередко ставилось на второе место после Гомера. Многие называли Геродота Гомером в истории. И в самом деле, если сравнить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера с «Историей» Геродота, то можно обнаружить любопытные закономерности. Геродот заимствует из поэм Гомера понравившиеся ему слова, выражения, описания... Как и в «Илиаде» и «Одиссее», герои Геродота произносят длинные речи, в которых раскрываются их характеры, определяется отношение к другим персонажам, формулируются моральные каноны и политические идеи. Гомер и Геродот похожи по яркому, образному языку, а также по композиции своих произведений. Если присмотреться, то можно заметить, что отдельные рассказы в труде греческого историка нанизываются на общую повествовательную нить, как бусинки на нитку. Точно так же объединены рассказы Одиссея об удивительных приключениях и далеких странствиях. Такую манеру изложения древние греки называли «называемой речью».

Как и в поэмах Гомера, в сочинении Геродота исторические деятели верят в вещие сны, предзнаменования, обращаются к оракулам¹ и советуются с богами... Это следствие наивных представлений древних греков об окружающем мире. Древние греки, к примеру, считали, что на заснеженных вершинах горы Олимп, находящейся на севере Греции, живут двенадцать бессмертных богов. Зевс, Гера, Афина, Аполлон, Дионис и другие боги-олимпийцы похожи на людей, но они более могущественны и более мудры. В честь

* * * *

¹ Оракул — по преимуществу храм того или иного божества, в который древние обращались за божественными предсказаниями. Оракулом называли также само прорицание.

богов в Древней Греции строили храмы, а в них воздвигали статуи богов.

У храмов, на алтарях, богам приносили жертвы и богатые дары.

К олимпийским богам нередко обращались за советом и помощью. Большой популярностью во всей Элладе и за ее пределами пользовался Дельфийский оракул — святилище в Дельфах у подножия горы Парнас. Волю бога Аполлона здесь изрекала сидящая на золотом треножнике пророчица, которую называли пифия. Прорицания напоминали загадки: они были туманными и двусмысленными, поэтому их можно было истолковывать по-разному. Скоро вы узнаете, какое прорицание дал Дельфийский оракул лидийскому царю Крезу, когда тот захотел развязать войну с персами, и как оно было истолковано.

Читая эту книгу, вы наверняка удивитесь, узнав, что персидское войско Ксеркса насчитывало пять миллионов воинов. Это, конечно, преувеличение, и очень большое. Современные историки называют цифру в пятьдесят раз меньшую. В отличие от Геродота, они утверждают, что мудрец Солон не мог встретиться с Крезом, потому что стал царем только в 560 г. до н. э., а Солон путешествовал с 594-го по 584 год. Не могла состояться и встреча Солона с египетским царем Амасисом, который царствовал с 569-го по 526 год. В «Истории» Геродота имеются и другие неточности, искажения, а то и просто ошибки. К ним нужно относиться с пониманием. Ведь историк древности, в отличие от современного, ставил перед собой несколько другие задачи. Его больше интересовала художественная сторона повествования, а не точность и достоверность фактов. Исторические сочинения, как и поэмы Гомера, в Древней Греции чаще читали вслух при большом скоплении народа, и поэтому историк стремился к тому, чтобы заинтересовать своих слушателей. Известно, что Геродот тоже выступал в Афинах с чтением отдельных глав своей «Истории» и даже получил за это щедрое вознаграждение. Кроме того,

многое из услышанного Геродот записывал по памяти. Ведь тогда писали преимущественно на табличках из меди, камня, дерева и кожи. Понятно, что если бы в своих путешествиях Геродот записывал все услышанное, то не смог бы унести и сотой части своих «записных книжек». И то, что историк через переводчиков расспрашивал разных людей — от царей до случайных встречных, — тоже не могло не сказаться на его «Истории».

Чтобы вы, ребята, представляли себе, как писал Геродот, предлагаем вам прочесть фрагмент из его «Истории» в точном переводе с греческого. Вот как историк описывает Ливию: «...Восточная часть Ливии, населенная кочевниками, низменная и песчаная вплоть до реки Тритона. Напротив, часть к западу от этой реки, занимаемая пахарями, весьма гористая, лесистая, со множеством диких зверей. Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи, ядовитые гадюки, рогатые ослы, люди-песеглавы и совсем безголовые, звери с глазами на груди (так по крайней мере рассказывают ливийцы), затем — дикие мужчины и женщины и еще много других уже не сказочных животных.

В земле же кочевников вовсе нет таких зверей, но зато водятся вот какие: пигарги, зоркады, бубалиды и ослы, но не рогатые, а иные, не пьющие воды (и они действительно не пьют); затем ории (из рогов их делают изогнутые грифы для лир), это животные величиной с быка; далее лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, диктии, шакалы, пантеры, бории, сухопутные крокодилы (длиной до 3 локтей), весьма похожие на ящериц, страусы и маленькие однорогие змеи. Кроме того, в западной Ливии водятся и такие животные, которые встречаются и в других землях (кроме оленя и дикого барана). Оленя же и дикого кабана вовсе нет в Ливии. Мыши там трех пород: одни называются двуногие, другие — «зегерии» (ливийское слово, по-эллински значит «холм»), третьи — ежи. В зарослях сильфия живут ласки, очень похожие на тартесских. Вот какое множество зверей

водится в земле ливийцев-кочевников, насколько я могу судить по обстоятельным расспросам»¹.

Понимая, что не все в его труде безупречно, Геродот предупреждал читателя: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан...» Эти слова свидетельствуют об исключительной добросовестности греческого историка. Известно также, что он, стремясь подробно и точно описать великие битвы греко-персидских войн, побывал на многих полях сражений, в том числе при Марафоне и Платеях.

Геродот работал над «Историей» почти всю свою жизнь, но окончить ее не успел. Умер великий историк между 431—425 годами до н. э. Повествование в его труде прерывается на 478 году.

Хотя «История» Геродота осталась незаконченной, она занимает особое место в сокровищнице европейской культуры и науки. Ведь это первый исторический труд и в то же время первое художественное произведение, написанное прозой.

Римский политик и оратор Цицерон назвал Геродота «отцом истории». Эти слова очень точно определяют значение творчества греческого историка. Данное Цицероном почетное звание закрепилось за Геродотом навсегда.

К «отцу истории» много и охотно обращались в последующие века. И в средневековье, и в эпоху Возрождения, и в наш стремительный двадцатый век... Авторы приключенческих романов заимствовали у Геродота острые сюжеты. Немецкого поэта XIX века Фридриха Шиллера заинтересовала история с перстнем Поликрата, и он создал романтическую балладу «Поликратов перстень». Другой немецкий поэт, Генрих Гейне, взял у греческого историка сюжет для своего романа «Рампсенит». «Историей» Геродота восхищались французские писатели Проспер Мериме

* * * *

¹ Цит. по кн.: Геродот. История в девяти книгах. Л., «Наука», 1972, с. 235—236.

и Ромен Роллан. Обращался к Геродоту и Лев Толстой. В притче «Сколько человеку земли нужно» он использовал рассказ Геродота о нравах и обычаях скифов.

Когда вы, ребята, прочтете «Истории из Геродота», пересказанные Яннисом Милиадисом, то, возможно, вам захочется прочесть в русском переводе все 9 книг «Истории» Геродота. И как знать, может быть, кто-то из вас выучит греческий язык, чтобы прочесть это замечательное произведение, написанное более двух тысяч лет тому назад, в подлиннике. А возможно, кто-то последует примеру Геродота и отправится в дальнейшее путешествие по странам, которые в глубокой древности обошел и объездил греческий историк.

Удачи вам! Открытий вам интересных и удивления достойных!

Виктор Соколюк

Глава 1. КРЕЗ, ЦАРЬ ЛИДИЙСКИЙ

Самым богатым в мире человеком в древности считали царя Лидии Креза. И в самом деле, он был сказочно богат. Столица лидийского царства — город Сарды, стоявший на берегу реки Герм в Малой Азии, — славилась богатством и роскошью украшавших ее величественных дворцов. Слава о Крезе дошла и до нас. Когда мы хотим назвать кого-то очень богатым, мы говорим: он богат как Крез.

Тридцати пяти лет от роду Крез унаследовал от своего отца лидийское царство. Быстро удалось молодому царю расширить его пределы, подчинив себе многие народы, многие богатые и могуществен-

ные эллинские города вдоль побережья Малой Азии. Возгордился Крез и стал считать себя самым счастливым в мире человеком. Невдомек было царю, что быть богатым — одно, а быть счастливым — совсем другое.

Крез совершил немало безрассудных поступков, за которые пришлось дорого заплатить. Наученный горьким опытом, царь стал благоразумнее. Сама жизнь учила его. А жизнь — хороший учитель.

Судите сами, насколько опрометчив был лидийский царь. У него было огромное войско. Ведя войны и покоряя многие народы, это войско достигло побережья Малой Азии и вышло к восточным берегам лазурного Эгейского моря. Но и этого Крезу было мало. Вздумалось царю подчинить и близлежащие эллинские острова Самос, Хиос и Лесбос. А для этого нужно было построить большой флот, чтобы посадить сухопутное войско на корабли. В то время когда царь обдумывал столь дерзкий план, в Сарды прибыл эллинский мудрец по имени Биант¹. Сгорая от любопытства, Крез начал расспрашивать пришельца, что нового слышно в Элладе.

— Что тебе сказать, владыка! — говорит ему Биант. — Островитяне готовят поход против тебя. Они уже собрали огромную конницу из десяти тысяч всадников.

— Прекрасно! — воскликнул обрадованно Крез. — Пусть эти мореходы выступят на конях против меня. Здесь, на суше, они увидят, чего стоит лидийская конница!

— Я смотрю, о царь, — сказал Биант, — ты не прочь увидеть на суше морских конников. Знай же: островитянам тоже не терпится увидеть в своих водах твое сухопутное войско.

Слова Бианта сильно озадачили Креза. Обдумав все еще раз, царь решил отказаться от своего прежнего замысла.

Другой эллинский мудрец странствовал по миру, чтобы свет поведать, разные страны и народы увидеть, их обычаи узнать и стать еще мудрее. Это был афинянин Солон. Побывав в Египте у царя Амасиса, мудрец прибыл в Лидию, в богатые и могущественные Сарды.

* * * *

¹ Ударения в именах смотри в словаре собственных имен в конце книги.

Слава о Солоне шла большая, и Крезу льстило, что он принимает у себя во дворце столь знатного мужа. Все шло хорошо. На третий или четвертый день Крез велел слугам как бы невзначай провести гостя по царским сокровищницам и показать ему свои огромные богатства. Но Солон недаром был мудрецом, эллином, да к тому же еще жителем Афин. Перехитрить его было трудно. Он с интересом осматривал сокровища, всем любовался, но не проронил ни слова. Крез не на шутку обеспокоился.

— Друг-афинянин! — говорит он мудрецу. — Мы много наслышаны о твоей мудрости и странствованиях. Теперь и я хочу спросить тебя: встречался ли тебе уже где-нибудь самый счастливый человек, более счастливый, чем все остальные?

Крез в душе надеялся, что мудрец объявит его самым счастливым на белом свете. Однако Солон ответил:

— Да, царь мой! Это — афинянин Телл.

— И почему же этот Телл самый счастливый человек?

— Прежде всего потому, что Телл жил в процветающем городе, в котором все люди были счастливы. У него были прекрасные сыновья, а у тех родились здоровые дети, его внуки. А еще он имел счастье доблестно умереть, защищая родину от врагов. В этом мы, эллины, тоже видим счастье... Афиняне с большими почестями похоронили Телла на месте гибели.

Не очень понравился Крезу такой ответ. И он спросил опять:

— Ну, а кого же ты считаешь самым счастливым после Телла?

— Клеобиса и Битона. Эти сильные юноши жили в Аргосе. Оба они были прекрасными атлетами и побеждали во многих состязаниях... Вот послушай, что о них рассказывают. Мать Клеобиса и Битона была жрицей в храме богини Геры, в том святилище, что находится примерно в пятидесяти стадиях¹ от Аргоса. В день праздника в честь богини она должна была во что бы то ни стало приехать в святилище на запряженной быками повозке. Однако быки еще не вернулись с пастбища, а ждать было некогда. Тогда юноши сами впряглись в тяжелую повозку и, пробежав значительное расстояние, вовремя привезли мать к храму Геры. Собравшийся на праздник на-

* * * *

¹ Стадий — мера длины, равная 184,97 м.

род восторженно приветствовал юношей. Все славили мать, воспитавшую таких достойных сыновей. А Клеобис и Битон, скромные и благородные, принесли жертву Гере и легли спать прямо в храме. Тогда гордая мать обратилась к великой богине с мольбой даровать ее сыновьям высшее доступное людям счастье. Услышав мольбу жрицы, Гера послала спящим юношам глубокий вечный сон, что возносит смертных на небо. Так богиня дала людям понять, что доблестная смерть лучше недостойной жизни. Аргосцы почтили юношей, воздвигнув их статуи в великом Дельфийском святилище¹.

Крез еле дослушал эту историю до конца и в гневе закричал:

— Чужестранец! Значит, счастье такого царя, как я, ты считаешь ничтожным? Разве я не лучше этих обыкновенных людей?!

— О Крез! Ты спрашиваешь меня о делах человеческих, но тебе не по душе, что в жизни нашей случается видеть и переживать много неприятного... Я считаю, что нормальная человеческая жизнь должна длиться семьдесят лет. Это примерно двадцать шесть тысяч дней. Но нет в жизни нашей двух дней, похожих между собой. Далеко не всегда они проходят, как нам того хотелось бы... Все в человеческой жизни непостоянно! Именно поэтому я никого не могу назвать счастливым, пока не увижу, какими делами будут заполнены его последние дни. Я вижу, что ты и богат, и могуществен. Если и конец твоей жизни будет достойным, то, возможно, я смогу назвать тебя счастливым. Ведь многих боги сначала щедро наделяли счастьем, а затем лишали его.

Слова мудреца совсем не понравились Крезу. Он даже решил, что Солон просто-напросто глуп. Как же это мудрец не может понять, что он бесконечно счастлив? Царь перестал прислушиваться к речам Солона и никак не мог дождаться конца беседы. Больше гость его не интересовал. А когда мудрец покидал Сарды, Крез не одарил его богатыми дарами и не проводил с почестями.

Жизнь не стоит на месте. Приходит время, и мы вспоминаем слова мудрецов. Вскоре после отъезда Солона Крезу приснился страшный сон, предвещавший большую беду ему и его сыновьям.

* * * *

¹ Статуи Клеобиса и Битона найдены при раскопках и сейчас находятся в археологическом музее в Дельфах.

У лидийского царя было два сына. Один из них был глухонемой. И что только ни делали, чтобы исцелить его, — все было тщетно. Только тогда отказался Крез от надежды излечить сына, когда пифия Дельфийского оракула предрекла страшное:

О Крез, лидийский царь! Наивен ты
В своем желании услышать сына голос во дворце.
Так знай: тебе же лучше, чтоб не случилось это, —
В день страшный для тебя заговорит твой сын.

Другой сын Креза, Атис, рос крепким и жизнерадостным юношей. Он был самым доблестным среди своих сверстников. На Атиса царь возлагал большие надежды. Но вот другое кошмарное сновидение предсказало Крезу, что этот его сын погибнет от железного копья.

Проснувшись в ужасе, царь решил никогда больше не отпускать Атиса в поход, а женить его и поселить с женой возле себя во дворце, оградив тем самым от всякой опасности. Сказано — сделано. После свадьбы царь велел убрать из покоев сына дротики, копья и другое оружие, чтобы Атис случайно не поранился.

В то же самое время в окрестностях города появился огромный вепрь и стал опустошать крестьянские поля. Крестьяне пришли к царю и попросили послать Атиса вместе с отрядом отборных воинов изловить этого страшного зверя.

— Вы и не помышляйте о моем сыне! — отвечал им Крез. — Не могу я его отпустить. У него сейчас много других забот. Да к тому же он совсем недавно женился. А отряд отборных воинов я вам дам...

Опечалился Атис, узнав о решении отца. Стал он сетовать, что его держат взаперти, запрещают встречаться с друзьями, не отпускают на охоту, которую он так любит. Тогда Крезу пришлось поведать сыну о вещем сне.

— Но ведь умереть от железного копья можно лишь на войне, — возразил отцу Атис. — А я не о войне речь веду, об охоте. Вот если бы было предсказание, что я погибну от клыков вепря, я бы согласился с тобой. Не может мне на охоте угрожать железное копье!

Атису удалось убедить отца, и тот отпустил его на охоту вместе с друзьями.

Приблизившись к Олимпу Миссийскому¹, охотники разбились на группы и принялись выслеживать зверя. Вепря выследили, окружили, и охотники стали метать в него свои копья. Одно копьё с отравленным наконечником случайно попало в Атиса, и он упал за-
мертво. Так сбылось страшное пророчество...

Долго скорбел Крез о погибшем сыне. Но постепенно стали его одолевать разные дела и заботы... Соседями лидийцев были персы, народ еще более бедный, но такой же воинственный и храбрый. Их царем был знаменитый полководец Кир, одержавший много славных побед на полях сражений. Крез завидовал успехам Кира и искал возможности сразиться с ним и любой ценой победить. Но сначала Крез решил убедиться, что боги благоволят к нему. Очень хотелось царю, чтобы боги поддержали его замыслы. Это умножило бы его силы и оправдало необузданную дерзость.

Итак, лидийский царь послал своих людей узнать, что скажут эллинские оракулы, и прежде всего знаменитый Дельфийский оракул, слава о котором шла по всему свету. Как человек восточный, Крез считал, что необходимо отослать в Дельфы богатые дары, с тем чтобы умиловить бога Аполлона и склонить его к хорошему прорицанию. Мало того что сам царь приносил богу пышные жертвы, он приказал совершать жертвоприношения всем лидийцам. А еще Крез собрал большие, прямо-таки несметные сокровища. Золотая и серебряная утварь, статуи женщин и львов из чистого золота, огромные чаши тончайшей работы, дорогие ожерелья своей жены — все то ценное, что нашлось в стране, царь отправил в дар эллинскому богу Аполлону Дельфийскому. «Ну теперь-то боги на моей стороне!» — потирал руки Крез.

Лидийцы не очень-то поддерживали замыслы царя. Но ничего не поделаешь... Впрочем, нашелся один умный лидиец — звали его Санданис, — который, набравшись храбрости, обратился к царю с такими словами:

— Царь, ты собираешься в поход на людей бедных и голодных,

* * * *

¹ Гора на северо-востоке Малой Азии. Современное название — Кешиш-даг.

которые никогда не едят досыта. Какая тебе будет выгода? Если ты даже и одолеешь персов, то что с них возьмешь? Но если ты потерпишь поражение, они, открыв для себя наши богатые земли, так хорошо здесь устроятся, что мы уже никогда от них не избавимся.

Но Крез и не думал прислушиваться к этим речам. Он ведь послал своих людей с дарами в Дельфы и с нетерпением ждал ответа на занимавший его вопрос: идти ли ему войной на персов, и если да, то с кем надежнее будет вступить в союз?

И вот однажды на рассвете возвратились послы с долгожданным оракулом. Послушайте, что ответил Аполлон Локсий¹:

«Если Крез переправится через реку Галис, то погубит огромное царство. А в союзники ему следует взять самое могущественное эллинское племя».

Река Галис как раз и разделяла земли лидийцев и персов.

Получив такой ответ, Крез возрадовался. Дельфийский оракул не обманул его надежд, и царь опять послал золотые дары в Дельфы, на этот раз всем жителям города.

Нам, людям, иногда свойственно истолковывать все так, как нам это выгодно. Точно так же поступил и лидийский царь. Теперь он был твердо убежден, что разгромит персов. Осталось лишь найти сильнейших среди эллинов. После долгих расспросов Крез убедился, что могущественнее всех спартанцы, и обратился к ним. Почему царь так поступил, вы узнаете чуть позже...

И вот Крез со своим войском достиг бурлящей реки Галис. Царь задумался: «Как перевести войско через реку?» Крезу на помощь пришел Фалес Милетский, сопровождавший его знаменитый эллинский мудрец. Он велел выкопать глубокий ров в виде огромной дуги, так чтобы он огибал войско с тыла. В ров направили речные воды. Река в том месте, где стояло войско, обмелела. Лидийцы легко переправились через Галис и вступили в чужие земли.

Кир не мог больше бездействовать. Он собрал войско и пошел на

* * * *

¹ Локсий — прозвище Аполлона, означающее «запутавшийся в своих предсказаниях».

Креза. Долго сражались лидийцы и персы. Многие из них пали на полях сражений, но никому так и не удалось одержать победу. Тогда Крез решил отступить и, вернувшись домой, дожидаться запоздавших союзников, чтобы выступить вместе с новыми силами. Он даже не подозревал, какая беда его ждет.

Странные вещи случаются порой... Вернувшись в родные Сарды, Крез увидел, что вся страна кишит змеями. Их было такое великое множество, что боевые кони ели уже не траву в лугах, а с жадностью поедали ползучих гадов. Что бы это все значило? Царь без промедления отправил послов к жившим по соседству магам-чародеям. Они быстро дали ответ.

— Змеи, — сказали маги-чародеи, — это дети Земли, значит — коренное население Лидии. Кони, поедающие змей, — это чужеземное войско, нападения которого следует тебе опасаться.

Впрочем, послы не успели передать это толкование лидийскому царю. И вот почему.

Кир и не думал преследовать Креза. Но как только тот покинул пределы его страны, персидский царь со своим войском вторгся в Лидию. Крез вовсе не ожидал, что персы пойдут войной на Сарды. И хотя нападение Кира застало его врасплох, Крез без промедления повел лидийцев в бой. В те времена лидийцы были самым храбрым и сильным народом Азии. Оба войска сошлись на большой равнине неподалеку от Сард. Много было персов, но мало у них было конников. Зато у Креза была очень сильная конница, наводившая ужас на воинов Кира.

На войне хитрость порой имеет решающее значение. Кир знал, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Он велел собрать всех верблюдов и поставить их впереди войска. Затем он выстроил свою многочисленную пехоту, а сзади, в резерве, — небольшую конницу. Крез же совершил большую оплошность. Он выставил свою знаменитую конницу впереди войска. Лишь только кони почувяли верблюдов и увидели их, как повернули назад и в страхе разбежались. Лидийцы тоже обратились в бегство.

Битва продолжалась в Сардах. Персы стали грабить и опустошать город. Крез сражался вместе со своими воинами, а рядом с ним находился его глухонемой сын. Неожиданно какой-то перс бросился к

царю, намереваясь убить его. Сын Креза от страха обрел дар речи и закричал:

— Нет, нет! Человек, не убивай Креза!

Это были первые и последние слова глухонемого юноши. После этого до конца своей жизни он не смог больше заговорить. Крез вспомнил прорицание оракула, что его сын заговорит впервые в страшный для него день.

Никакой надежды на спасение у него не было...

Захватив Креза в плен, персы повели его к Киру. Царь персов приказал принести лидийского царя в жертву богу огня за то, что тот развязал эту кровопролитную войну. Сложили огромный костер, и на него взошел закованный в кандалы Крез. Лидийский царь с достоинством ожидал страшного конца. Его намеревались сжечь заживо.

В одно мгновение перед ним пронеслась вся его жизнь. Было Крезу около пятидесяти лет, из которых четырнадцать он царствовал. Где они, его несметные богатства и сокровища? Почему его счастливая жизнь завершается так бесславно? Кто мог предположить такое? Кто? И вдруг одна мысль поразила его. Несчастный царь закричал:

— Солон! Солон! Солон!

— О ком это ты? — спросил Кир.

— Я вспомнил о том, — отвечал Крез, — кому каждый царь должен отдать половину своих сокровищ только за честь побеседовать с ним. О том, кто не прельщается ни богатством, ни могуществом. Кто утверждает, что человек может только тогда считать себя счастливым, когда жизнь его венчает благополучный конец.

Кира потрясли эти слова. Царь персов тоже не знал, какой конец ему уготован. Он взглянул на пылающий костер, и ему стало страшно. Кир приказал тотчас потушить огонь и увести Креза с костра. Однако огонь все разгорался, и люди никак не могли его потушить. Тогда Крез обратился с мольбой к Аполлону. И свершилось чудо. На ясном небе внезапно сгустились тучи, подул сильный ветер, разразилась страшная гроза, которая и потушила костер.

«Боги благоволят к этому человеку», — подумал Кир. Он велел снять с Креза кандалы и подвести к нему.

— Почему ты пошел войной на мои земли? — спросил Кир.

— Глуп тот, кто предпочитает войну миру, — ответил Крез. —

Ведь в мирное время сыновья хоронят отцов, и это вполне естественно, а на войне отцы хоронят своих убитых сыновей. Как мне кажется, побудил меня к войне один из богов. О, это жестокий бог! Царь! Окажи мне величайшую милость, позволь мне послать эллинскому богу, которого я чтил превыше всех и которого я одарил как никто другой, вот эти кандалы. Я хочу спросить его: разве у небожителей принято быть столь неблагодарными? Не стыдно ли обманывать людей, подстрекая их к войне и заверяя, что их ожидает победа?!

С разрешения Кира Крез послал гонцов в Дельфы с этими дерзкими вопросами.

Богам, конечно, известно больше, чем людям. Но они не в ответе за то, что люди истолковывают их слова в своих интересах... Вот послушайте, что ответила пифия гонцам Креза: «Своей судьбы не может избежать никто из людей. Даже боги подвластны Року¹. Крезу было суждено искупить преступления своих предков. Ему не следует быть столь неблагодарным. Пусть не забывает, что именно Аполлон спас его от гибели на костре. А в оракуле бог действительно предсказывал, что если Крез переправится через реку Галис, то погубит огромное царство, но Аполлон имел в виду не царство персов, а царство самого Креза. Следовало понять, что бог не мог поддержать его коварные замыслы против Кира». Услышав ответ оракула, Крез признал, что Аполлон прав и что во всем виноват он сам, несчастный глупец.

Крез прожил еще много лет, но уже не царем, а советником Кира.

Вот как жизнь научила Креза быть умным и рассудительным. Теперь он уже мог давать мудрые советы другим.

* * * *

¹ Рок — в представлениях древних греков — потусторонняя сила, предreshающая события жизни людей и богов.

Глава 2. КРЕЗ ИЩЕТ СОЮЗНИКОВ

Как нам уже известно, пифия посоветовала Крезу взять себе в союзники самых сильных среди эллинов. И лидийский царь, разузнав через своих людей о положении различных эллинских государств, решил, что выбирать ему придется между афинянами и спартамцами. Вот послушайте, что сообщили Крезу.

В те времена афинское государство находилось в тяжелом положении. Народ был разделен на два враждующих между собой лагеря. Одни жили на побережье, и их предводителем был Мегакл. Другие же обитали на плодородной равнине близ Афин, и во главе их

стоял Ликург. Когда двое не могут поладить между собой, то от этого выигрывает кто-то третий. Этим третьим был знаменитый полководец Писистрат, возглавивший самых бедных и обездоленных граждан, в основном крестьян и пастухов, обитавших на склонах гор.

Хотя Писистрат возглавлял бедняков, сам он был из знатного и богатого рода. Он доблестно и мужественно сражался с врагами и был необычайно честолюбив. Не обладая достаточным весом и силой, чтобы взять власть в Афинах в свои руки честным путем, Писистрат придумал вот какую уловку. В один прекрасный день, нанеся себе неглубокие раны, он стремительно въехал на повозке на рыночную площадь города. Писистрат уверял всех, что рано утром, когда он направлялся на свои поля, враги напали на него, такого достойного и знатного гражданина, и жестоко избили из ненависти. Писистрат просил у афинян телохранителей на это тревожное время.

Афинский народ оказался великодушным и легковерным. Он предоставил Писистрату стражу. Вот с этой-то стражей и отрядом верных ему людей «бедняга» Писистрат захватил Акрополь и стал тираном, то есть диктатором, как сказали бы мы сегодня. Ни Мегаклу, ни Ликургу это не могло понравиться. Объединив свои силы, они через некоторое время изгнали Писистрата из города. Но и в изгнании он не отказался от своих намерений и настойчиво добивался поставленной цели. Писистрат даже сумел помириться со своим заклятым врагом Мегаклом и жениться на его дочери. С помощью тестя ему удалось захватить власть в Афинах во второй раз и удержать ее.

Не обошлось без хитрости и на этот раз. В одной из соседних деревень жила красавица по имени Фия. Высокая, стройная, она была горда и величава. И вот Писистрат надел на девушку доспехи, шлем с длинным хвостом и показал, какие позы принимать, чтобы казаться еще более величественной. Усадив Фию на колесницу рядом с собой, он отправился в Афины. А вперед выслал глашатаев. Прибыв в город, они разбежались по улицам, громко крича, что только что собственными глазами видели богиню Афину. Она якобы приближается к городу на колеснице вместе с Писистратом. «Сама Афина возвращает Писистрата из изгнания! — кричали глашатаи. — Таково желание богини! Будьте же к нему благосклонны, граждане Афин!»

«Впрочем, — читаем у Геродота, — все это выдумка чистой воды, в которую давно уже никто не верит. Ведь эллины славились умом и отличались от варваров своим благоразумием, а также свободой от глупых суеверий». Как бы там ни было, Крез, получив такие вести, решил, что афиняне — союзники ненадежные.

А теперь послушайте, что поведали лидийскому царю о спартанцах.

Спартанцы всегда побеждали в самых жестоких битвах и сражениях. Слава об их силе и могуществе шла большая. Но они никак не могли победить в войне тегейцев и терпели от них одно поражение за другим. Пришлось спартанцам обратиться к Дельфийскому орakулу, чтобы узнать, в чем секрет их постоянных неудач. Пифия изрекла:

Есть на Аркадской равнине город Тегея,
Могучая сила гонит там ветры в одном направлении.
Там, где слышен удар, где звучит отраженье удара,
Там, где беда порождает беду, —
Там чужая земля хранит Агамемнона сына.
Отыскав его прах, овладеете тотчас Тегеей.

Итак, спартанцам следовало разыскать могилу Ореста, сына аргосского царя Агамемнона, и перенести его кости в Спарту. Но сделать это было совсем непросто. Спартанцам даже пришлось заключить перемирие и послать лазутчиков в Тегею на поиски могилы Ореста. Впрочем, надежды на успех у них не было.

Однажды один из лазутчиков по имени Лих, бродя по улочкам Тегеи, зашел в кузницу. Он долго любовался, как кузнец ковал железо на наковальне. Заметив, что гость заинтересовался его работой, кузнец сказал:

— Тебя удивляет, как податливо в моих руках раскаленное железо? Но ты бы еще не так удивился, если бы увидел то, что видел я однажды своими собственными глазами. Задумал я выкопать у себя во дворе колодец. Копаю, копаю, и вдруг вижу: гроб локтей семь длиной! Я удивился: неужели раньше люди были такие высокие? Поэто-

му-то я не выдержал и открыл гроб. И что же: скелет был такой же длинный, как и гроб! Осмотрев скелет, я закрыл гроб и снова засыпал его землей.

Глаза Лиха сверкнули, но он сдержался, чтобы не выдать себя. Лих вспомнил прорицание оракула, которое он выучил наизусть. Два огромных меха в кузнице — чем не ветры, которые гонит могучая сила в одном направлении? А наковальня и молот — чем не удар и отражение удара? А беда, рождающая беду, — чем не железо, приносящее бесконечные беды несчастным людям? Все ясно! Этот покойник семи локтей длиной не кто другой, как Орест!

Лиху долго пришлось упрашивать кузнеца сдать двор в аренду. Когда ему наконец удалось все уладить, он поселился прямо во дворе и стал копать землю. Копал без усталости днем и ночью. После долгих поисков Лих отыскал гроб с останками Ореста и под покровом ночи вывез его в Спарту.

Через некоторое время спартанцы захватили Тегею. После Креза прибыли в Спарту уже после окончания войны. Лидийский царь одарил спартанцев богатыми дарами и заключил с ними военный союз. Кир не просчитался: и в самом деле в шестом веке до нашей эры, в то время, когда происходили описываемые события, спартанцы были самыми сильными среди эллинов. Афиняне стали могущественными гораздо позже.

Впрочем, союз со Спартой ничего не дал Крезу. Помощь союзников подоспела слишком поздно. Сарды к тому времени были уже захвачены и преданы огню и мечу, а сам Крез, как мы уже знаем, попал в плен к Киру.

Глава 3. КИР, ЦАРЬ ПЕРСИДСКИЙ

Итак, персы покорили лидийцев. Во времена царствования Кира и в последующие десятилетия огромная персидская держава играла значительную роль в истории древнего мира. Поэтому нам будет интересно узнать поподробнее о ее возникновении.

В те очень давние времена, на протяжении целых пятисот лет, в Малой Азии господствовали ассирийцы. Столицей их государства был огромный, необычайно богатый город Вавилон, находившийся в Месопотамии на реке Евфрат. Ассирийцы угнетали другие народы и племена. Первыми против ассирийцев выступили ми-

дяне. Они проявили необычайное мужество в неравной борьбе и завоевали свободу. Примеру мидян последовали другие народы и тоже освободились от ненавистного рабства. Но ассирийцы все еще оставались могущественными и богатыми.

У мидян после освобождения от чужеземного ига наступило безвластие и беззаконие. Жили они разобщенно небольшими селениями. А разве может достичь чего-либо разобщенный народ? Но к счастью, нашелся в Мидии мудрый человек по имени Деиок, убедивший своих сограждан объединиться и построить большой укрепленный город. Мидяне воздвигли город Акбатаны, защитив его семью крепостными стенами. Бастионы первой стены были белые, второй — черные, третьей — красные, четвертой — синие, пятой — оранжевые, шестой — серебряные, а седьмой — золотые. За седьмой стеной мидяне построили дворец и избрали Деиока своим царем.

Пятьдесят лет царствовал над мидянами Деиок. Ни с кем из соседей он не воевал. Был человеком миролюбивым и видел свою цель в объединении и укреплении мидийского государства.

Когда Деиок умер, его корыстолюбивые преемники, стремясь к наживе и обогащению, стали разжигать войны одну за другой. Соседями мидян были персы, и именно их они подчинили себе первыми. И хотя вначале мидяне господствовали над персами, через некоторое время власть перешла в руки персов. Вот послушайте, как это случилось.

У царя Астиага, правнука Деиока, не было наследника. Боги дали ему только одну дочь, которую звали Манданой. Сны же предвещали Астиагу какую-то опасность со стороны дочери. Поэтому царь решил не выдавать Мандану замуж за знатного мидянина. Ведь тот мог отобрать у него трон. Астиаг отдал дочь за перса по имени Камбис, казавшегося ему безопасным человеком. Перс не мог посягать на трон и уж никак не мог стать царем.

Когда же у Манданы родился сын, кошмарные сновидения опять стали мучить Астиага. Они и вынудили царя принять страшное решение. Вызвал он к себе самого преданного ему человека, управляющего дворцом по имени Гарпаг, и отдал ему сына Манданы, обряженного в шитую золотом погребальную одежду.

— Гарпаг! — сказал царь. — Я даю тебе важное поручение. Смотри, выполни его в точности! Возьми младенца Манданы к себе домой и умертви его. Потом похорони, где захочешь. Но только не обманывай меня, а не то тебя постигнет самая страшная кара.

Не осмелился Гарпаг отказаться от царского поручения. Сказав, что его долг служить царю верой и правдой, он скрепя сердце взял приготовленного к смерти младенца и понес к себе домой. О страшном повелении Астиага Гарпаг поведал жене.

— И что же ты собираешься делать? — спросила жена.

— Конечно, не то, что потребовал от меня Астиаг! Царь уже стар, и у него нет наследника. Если же после смерти царя престол перейдет к его дочери, сына которой я умертвлю, разве мне не грозит смертельная опасность? Но не выполнить приказание Астиага я тоже не могу. Ведь и это крайне опасно. Надо искать какой-то выход...

Хорошенько поразмыслив, Гарпаг послал гонца к пастуху Митридату, пасшему коров на горных пастбищах. Непросто было пастуху тотчас явиться на зов управляющего. Именно в тот день должна была родить его жена. Но приказание есть приказание, и Митридат поспешно прибыл к Гарпагу.

— Царь велел тебе, — говорит ему Гарпаг, — взять этого ребенка и оставить в недоступном месте в горах, чтобы он там погиб как можно скорее. Выполнишь царское повеление и сообщишь мне. И не дай тебе бог проболтаться кому-нибудь!

Пастух взял на руки наряженного ребенка и, дрожа от страха, вернулся в свою хижину. Жена в тревоге ожидала мужа. Когда Митридат поведал ей страшную тайну, женщина спросила:

— А чей это ребенок?

— Вначале я думал, — отвечал Митридат, — что это ребенок какого-нибудь раба. Но один из царских слуг под большим секретом сообщил мне, что это сын Манданы, дочери царя!

Тогда жена и говорит:

— Наш ребенок родился мертвым. Так пожелали боги. Давай оставим этого младенца себе. А нашего оденем в богатые одежды царского внука и отнесем в горы... Никто ничего не узнает.

Так и сделали. Через некоторое время во дворце стало известно,

что сына Манданы похитили злоумышленники и бросили в горах на растерзание диким зверям. Самых верных людей послали на поиски ребенка. Те, возвратившись, подтвердили, что сын Манданы действительно погиб... Велико было горе матери. Глубоко скорбели о погибшем мальчишке придворные. Много было толков и пересудов, но мало-помалу все успокоилось и со временем забыли о страшном происшествии.

А тем временем внук Астиага рос в хижине пастуха, даже не подозревая о своем царском происхождении. Ребенку дали имя Кир. Однако Киру не суждено было стать пастухом.

Прошло десять лет. Мальчик рос крепким и здоровым. Он был первым во всем: в работе и в играх. Дети пастухов и дети богачей, приезжавшие на лето в горы, охотно играли с ним, всегда выбирая его царем. Мальчик к этому относился очень серьезно и требовал, чтобы все выполняли его приказания. Однажды сын знатного мидянина во время игры ослушался Кира. Тогда мальчик велел своей «свите» схватить виновного, связать и сам избил его плетью.

Отец избитого мальчика оскорбился: сын какого-то пастуха надругался над его сыном! Он пожаловался царю Астиагу. Царь приказал послать за пастухом и Киром. Митридат явился во дворец, дрожа от страха. Мальчик же был серьезен и невозмутим.

— Как же это ты, негодный мальчишка, сын столь ничтожного человека, осмелился избить мальчика из знатного рода? — в гневе спросил царь.

— Господин! — смело отвечал Кир. — Я наказал его по справедливости. Ведь дети назначили меня царем, как самого достойного. Другие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным. А что мне оставалось делать? Ведь я был царем!

Астиаг никак не ожидал от мальчика такого ответа. Он молчал и смотрел на него с восхищением. Но постепенно восхищение стало сменяться сомнениями: мог ли сын раба быть так горд и так откровенен? А потом, эта осанка, эти благородные черты лица... Разве они не похожи на его собственные? А вдруг это сын Манданы? Да и возраст сходится...

Сомнения все больше и больше одолевали царя. Он приказал всем удалиться. Лишь пастуху было велено остаться у трона.

Испуганный до смерти пастух все поведал царю, и Астиаг в страш-

ном гневе велел тотчас вызвать Гарпага. Управляющий тоже рассказал все, как было, ничего не скрывая. Астиаг притворился, будто очень доволен, что все так обернулось:

— О, как я страдал из-за того, что велел умертвить своего собственного внука! Нелегко мне было переносить ненависть дочери!

На самом же деле Астиаг испугался и не мог успокоиться до тех пор, пока призванные на совет маги не заверили, что его опасения напрасны. Кир не станет царем. Ведь он уже однажды царствовал, пусть и в детской игре. Второй раз, царем взрослых, ему не бывать.

Убедили маги Астиага или нет, но как бы там ни было, замышлять новое убийство царь теперь опасался и решил отослать Кира к его родителям в Персию.

Прошли годы. Возмужавший Кир стал гордостью и надеждой персов. Одну лишь мечту лелеял он в душе: освободить своих соотечественников от тяжкого ига мидян и ненавистного Астиага.

Его замыслы разделяли возненавидевший Астиага Гарпаг и многие другие недовольные своим жестоким царем мидяне. Гарпагу удалось подговорить знатных мидян свергнуть Астиага и возвести на престол Кира. Чтобы сообщить об этом Киру, находившемуся в Персии, Гарпаг придумал вот какую уловку. Он поймал зайца, распорол ему живот и зашил туда письмо. Зайца он отдал своему преданному слуге, который должен был под видом охотника проникнуть в Персию.

«Сын Камбиса! — писал Гарпаг Киру. — Отомсти Астиагу, своему убийце! Ведь он хотел умертвить тебя. Ты жив только благодаря богам и мне. Послушайся меня, и все царство Астиага будет принадлежать тебе. Подними восстание персов и выступи против мидян. Если Астиаг назначит меня военачальником, то я сделаю все для того, чтобы мидийское войско поддержало тебя».

Получив письмо Гарпага, Кир приказал молодым персам вооружиться серпами и явиться к нему. Он велел им за день расчистить большой участок земли, покрытый колючим кустарником. На другой день Кир приказал юношам явиться снова, вымывшись и надев праздничную одежду. Он устроил им роскошный пир. Вечером после пир-

шества Кир спросил молодых персов, какой день им больше понравился — вчерашний, заполненный изнурительным трудом, или сегодняшней, день отдыха и развлечений.

— Вчерашний день не принес нам ничего, кроме усталости, — отвечали персы. — Зато сегодняшний был прекрасен.

— До тех пор, пока вы будете рабами, — сказал Кир, — жизнь ваша будет тяжелой и безрадостной, подобно вчерашнему дню. Настал час обрести свободу! Если вы готовы следовать за мной, вас ожидают радостные дни освобождения!

Кир стал готовить восстание персов против Астиага. Царь, прослышав об этих приготовлениях, призвал весь мидийский народ к оружию. Военачальником он поставил Гарпага, своего тайного врага. Боги ведь помрачили ум Астиага, и он забыл о происках Гарпага. Военачальнику нетрудно было склонить войско на свою сторону. Так Киру без особого труда удалось победить мидян и захватить в плен самого Астиага. Не захотел Кир причинять зло своему деду. Но царской власти он его все-таки лишил. Так Кир освободил персов и стал царем. А позже, победив лидийцев во главе с Крезом, он подчинил себе почти всю Малую Азию. И стали звать Кира Великим Царем.

Когда Кир воевал с Крезом, он обратился за помощью к ионянам и эолийцам — элинам, обитавшим на побережье Малой Азии. Тогда в помощи ему было отказано. Узнав же, что персы захватили Сарды, элины послали к Киру вестников с предложением помощи и дружбы.

— Я расскажу вам басню, — с усмешкой сказал Кир вестникам. — Однажды флейтист пришел на берег моря и принялся играть на флейте веселый мотив, в надежде, что рыба выскочит из воды и начнет танцевать на берегу. Когда из этого ничего не вышло, он закинул в море невод и вытащил много рыбы. Увидев, как рыба бьется в неводе, флейтист сказал: «Сейчас же прекратите! Когда я вам играл, вы и не подумали выйти. Теперь же, когда я вас вытащил на берег, вы вдруг заплясали без музыки!» И вы, элины, поступили точно так же. Убирайтесь-ка вы отсюда подобру-поздорову! Скатертью дорога!

С этими словами Кир прогнал вестников.

Догадались эллины, что их ожидает война, и стали строить укрепления вокруг своих городов. Однако сам Кир не пошел против ионян и эолийцев, а послал Гарпага, который стремился сначала завоевать сказочный Вавилон, а затем пойти войной на богатые земли Египта.

Вавилон был самым большим городом Востока. Слава о его красоте и великолепии шла по всему свету. Город был построен не на холмах, как другие древние города, а в хлебородной долине. Вавилон делила на две большие части глубокая и быстрая река Евфрат, берущая начало в горах Армении и впадающая в Красное море. Именно река сделала земли вокруг Вавилона такими плодоносными, что каждое брошенное в землю зернышко приносило урожай в двести—триста зерен. О таком изобилии в засушливой горной Элладе нельзя было и мечтать.

На равнине легко разбить широкие прямые улицы и красивые площади. Гораздо сложнее и дороже обнести огромный город на равнине укреплениями. Но в этом была острая необходимость, и целые поколения вавилонян трудились не покладая рук, чтобы укрепить свою столицу. Вавилон представлял собой огромный четырехугольник и был окружен глубоким и широким рвом, заполненным речной водой. Добавляя к вынутой из рва земле горячую смолу, жители города делали кирпич, а затем обжигали его в печах. Из готового кирпича вдоль рва построили высокую и широкую крепостную стену. По ней вокруг всего города могла свободно проехать четверка лошадей. Наверху по краям построили два ряда одноэтажных сторожевых башен. Внутри же была возведена еще одна стена, более узкая.

Вам уже известно, что Евфрат делил город на две части. По обоим берегам реки тоже высились стены из обожженных кирпичей. В стенах было столько ворот, сколько и поперечных улиц, ведущих из одной части города в другую. Ворота и ступеньки, спускавшиеся к реке, были медными. В одной части города стоял большой царский дворец, а в другой — святилище Зевса. В центре этого святилища находилась огромная башня в восемь ярусов. Поднимались на башню по наружной винтовой лестнице. Это была знаменитая Вавилонская башня. В последнем ярусе башни размещался небольшой храм. В храме стояло роскошное ложе из чистого золота, а рядом с ним — золотой стол.

Вавилоняне верили, что верховный бог Зевс посещал храм и отдыхал на этом ложе. В городе было немало и других святилищ с золотыми статуями и алтарями. Во время праздников в святилищах сжигали так много талантов¹ ладана, что весь Вавилон благоухал.

Многие цари трудились во славу и процветание Вавилона. Среди них были и две царицы. Старшую звали Семирамида, а младшую — Нитокрис. Они еще больше укрепили городские стены и украсили святилища величественными статуями. Семирамида велела построить на Евфрате мощную плотину и тем самым спасла Вавилон от наводнений. Нитокрис воздвигла вокруг города многие оборонительные сооружения, чтобы затруднить продвижение неприятеля к Вавилону. Сын Нитокрис Лабинет и правил Вавилонией, когда Кир пошел на нее войной и окружил Вавилон.

Если крепость надежно укреплена и имеет достаточные запасы продовольствия, то осада может обернуться бедой тому, кто осаждает город. И в самом деле, Кир оказался в очень трудном положении. Ведь воевать ему пришлось далеко от родины, на чужой земле. Снабжать войско продовольствием здесь было нелегко, а осада затягивалась. Город оставался неприступным. Стража, охранявшая стены Вавилона, легко расправлялась с воинами Кира. Персидское войско несло серьезные потери.

После долгих раздумий Кир пришел к выводу, что в город можно войти только по реке. Но сделать это было непросто из-за стремительного течения. Тогда Кир принял смелое решение. Он велел прорыть огромный канал и направить в него воды Евфрата. Трудиться пришлось долго и упорно. Когда река обмелела и вода достигла колен, войско Кира по ее руслу вступило в Вавилон и заняло окраины.

А у горожан в этот день был праздник, и они беззаботно плясали и веселились. Все верили в то, что их город надежно защищен и недоступен врагу. Когда вавилоняне заметили, что они окружены, было уже поздно. Так был захвачен Киром сказочно богатый Вавилон. Слава о победе персидского царя разнеслась по всему свету.

Кир очень гордился своими подвигами и был уверен, что он и в самом

* * * *

¹ Т а л а н т — единица веса, равная 26,2 кг.

деле избранник богов, и считал себя непревзойденным во всем. Царь жаждал приключений и стремился к новым завоеваниям.

Взоры алчного Кира обратились на север, где за рекой Аракс, что восточнее Каспийского моря, обособленно жил полудикий народ массагетов. Люди эти не пахали и не сеяли. Питались они мясом диких зверей, рыбой и плодами. Плоды эти они собирали летом, а ели зимой. Летом они питались разными кореньями, которые выкапывали из земли. Вина массагеты не знали, но когда усаживались вокруг костра, то бросали в него какие-то странные плоды. Эти плоды, сгорая, издавали пьянящий запах. И массагеты пьянели точно так же, как пьянеют от вина. Затем они пускались в пляс и пели громкие песни. Поклонялись же массагеты Гелиосу, богу Солнца. В то время, о котором мы рассказываем, царицей у массагетов была Томирис, а сын ее — Спаргапис — был предводителем их войска.

Подчинив себе Вавилон, Кир задумал покорить и эту суровую страну. Он решил добиться этого хитростью. Персидский царь отправил послов к царице Томирис и велел объявить, что желает взять ее в жены. Царица гордо отвергла это предложение, не захотев даже повидаться с Киrom. Вот что велела Томирис передать царю: «О персидский царь! Оставь свои коварные намерения. Ведь ты не можешь быть уверен, что все будет так, как ты задумал. Царствуй лучше в своих землях, разве тебе этого мало? Оставь в покое меня и моих подданных! Если же ты не прислушаешься к моим словам и все-таки решишь выступить против нас, знай: мы отойдем в глубь страны на расстояние трехдневного пути и тем самым позволим твоему войску беспрепятственно войти в наши земли. И только после этого сразимся. Если же ты этого не пожелаешь, то допусти нас в свою державу, и мы вступим в бой на твоей земле». Это предложение показалось Киру весьма странным. Большинство его советников сочли за лучшее позволить Томирис с ее войском вступить в Персию. Ведь здесь легче нанести сокрушительный удар. Как нам уже известно, самым мудрым из советников Кира был Крез, всегда сопровождавший царя в его военных походах. Рассказывают, что Крез не поддержал мнение советников. Напомнив царю, что он не бессмертен и что опасно переоценивать свои силы, Крез предложил вступить в страну массагетов и там пойти на хитрость.

А хитрость заключалась вот в чем: надо дать массагетам отступить в глубь страны, но не преследовать их, а послать вслед лишь небольшой отряд. Его задача: не ввязываясь в бой с неприятелем, приготовить богатое угощение для нескольких тысяч человек. Нужно было зажарить много баранов, разложить различные яства, наполнить сосуды вином. Так и сделали.

Отступая, массагеты удивлялись, что их преследует лишь небольшой отряд. Они напали на персов и легко их победили. Увидев в персидском стане ломящиеся под тяжестью самых различных кушаний столы, голодные массагеты набросились на еду и питье. Военачальники и простые воины жадно ели и пили до тех пор, пока не свалились замертво. Тогда персидское войско перешло в стремительное наступление и без труда победило массагетов. Многие были убиты, многие, и среди них мертвецки пьяные военачальники, были захвачены в плен. Был пленен и сын царицы Томирис Спаргапис. Когда хмель вышел из его головы, он от стыда покончил с собой.

Очень опечалилась царица, узнав о случившемся. Но, будучи женщиной суровой и мужественной, самообладания не потеряла. Она отправила к Киру вестника с такими словами: «Кровожадный Кир! Не очень-то гордись достигнутым. Ведь вместо того, чтобы показать свое военное искусство, ты прибег к помощи виноградной лозы и коварно одолел людей, не привыкших к вину. Это вы купаетесь в вине и, лишившись рассудка, строите безумные планы... Послушайся моего доброго совета: уходи подобру-поздорову из моей страны. Если же ты этого не сделаешь, то, клянусь тебе богом Солнца, я утолю твою жажду кровью».

Кир не придавал значения этим гордым словам, ведь это были слова женщины. Томирис подняла свой пострадавший от несправедливости народ и напала на персов. Битва была длительной и жестокой. Искерпав запас стрел, противники бросились друг на друга врукопашную. Вскоре персы оказались в безвыходном положении и были побеждены. Их кости навсегда остались в чужой земле, которую они намеревались покорить. Среди убитых был и сам Кир.

Томирис, скорбная и гордая, решив отомстить за сына, искала среди убитых труп персидского царя, причинившего ей столько зла. Когда она его наконец нашла, то ощутила прилив дикой ярости. Тут-то царица

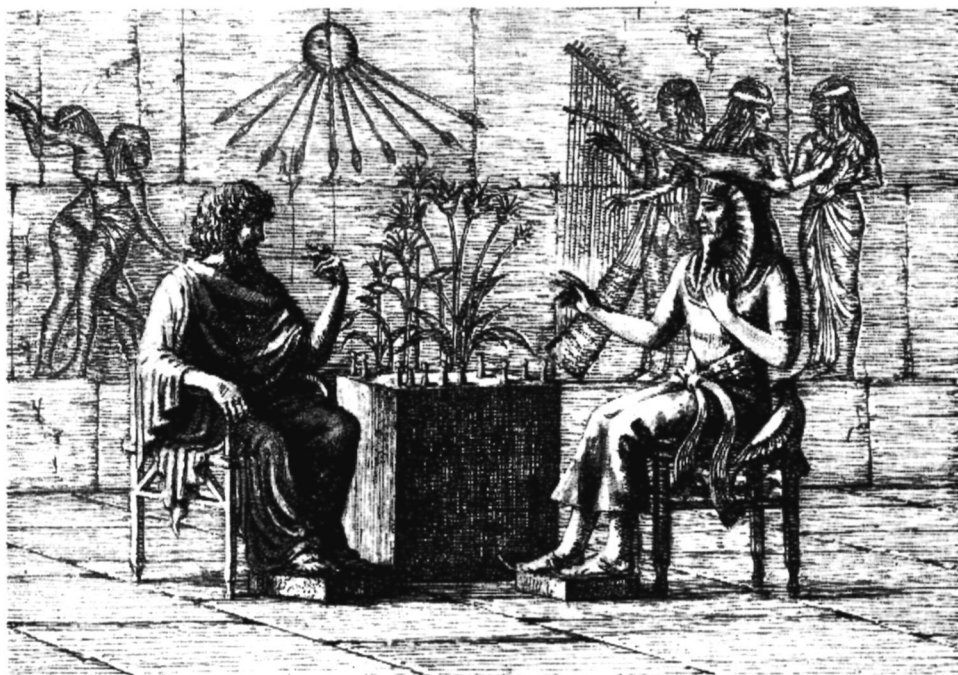
вспомнила клятву, которую она дала богу Солнца. Наполнив большой бурдюк человеческой кровью, Томирис опустила туда голову мертвого Кира.

— Пей же, пей, ненасытный Кир! — кричала царица. — Я обещаю напоить тебя человеческой кровью! Кровью твоих людей!

Таким бесславным был конец великого Кира, который правил персами около тридцати лет, не дав им и дня мирной передышки.

События эти происходили в 529 г. до нашей эры.

Глава 4. АМАСИС И ПОЛИКРАТ

У Кира было два сына — Камбис и Смердис. Камбис, унаследовавший престол, был такой же воинственный, как и его отец. Больше всего на свете ему хотелось завоевать огромное и сказочно богатое царство Египет. Через эту страну протекает могучая река Нил, дарящая ей богатые урожаи и изобилие.

В те годы египетским царем, или фараоном, как называли царей в Египте, был мудрый человек, выходец из простого народа, по случайному стечению обстоятельств оказавшийся на троне. Звали его Амасис. Лишь немногие любили и уважали Амасиса. Большинство не очень-то

считалось с ним. По той простой причине, что был он незнатного рода.

Амасиса это не заботило. Обладая царской властью, он никогда не использовал ее против своих недоброжелателей. Он предпочитал завоевывать их симпатии по-хорошему. Вот послушайте, что однажды придумал Амасис.

Все знали, что у царя есть золотой таз для омовения, в котором сам царь и все его гости омывали ноги. Таз этот Амасис велел расплавить и отлить из него статую бога.

Статую царь приказал установить на самой оживленной площади города. Отовсюду спешили горожане посмотреть на новую статую. Все восхищались ее красотой и почестью, которую царь воздал богу. В один прекрасный день Амасис собрал народ на площади и обратился к нему с такими словами:

— Мне стало известно, что вы с благоговением почитаете вот эту золотую статую бога, которую я велел воздвигнуть. Но никто из вас даже не поинтересовался, из какого именно золота она сделана. Так вот, я открою вам секрет: эта статуя сделана из моего таза для омовения ног! Впрочем, не имеет значения, чем эта статуя была раньше. Важно то, что сейчас это с т а т у я б о г а и ее следует почитать. От вас я жду того же самого. Я ваш царь, и вы должны любить и уважать меня. А кем я был раньше, — не имеет значения.

Так Амасису удалось расположить египтян к себе.

Амасис не выносил этикета и царских почестей. До обеда он обычно усердно занимался государственными делами. Потом пировал в окружении своих лучших друзей. Царю нравилось жить весело и беззаботно. И он очень любил во время застолья беззлобно подшучивать над своими сотрапезниками.

Приближенные Амасиса советовали ему быть благоразумнее и вести себя как подобает царю, а не развлекаться с приятелями, как равный с равными. Но Амасис считал иначе. И однажды на сетования приближенных сказал так:

— Стрелок натягивает тетиву лука и выпускает стрелу только тогда, когда в этом есть необходимость. Ведь если бы тетива была натянута постоянно, она бы непременно лопнула. Так и человек: он должен и работать, и отдыхать. Если человек будет непрерывно заниматься только серьезными делами, не отдыхая и не развлекаясь, то он станет

злобным и раздражительным, а то, чего доброго, может лишиться рас-судка. Ведь известно: делу — время, потехе — час.

В Египте в те времена было много святилищ, больших и знаменитых, маленьких и неприметных. Туда обращались люди с самыми различными просьбами. Случалось, что богов даже просили помочь разыскать потерянные вещи. Египтяне заметили, что Амасис одни святилища очень высоко почитает и заботится о них, а другими пренебрегает и даже не жалуется денег на их содержание. Никто не мог понять, в чем тут дело. Но однажды Амасис сам все объяснил, рассказав приятелям такую историю:

— Когда я еще не сидел на царском троне, а был простолюдином, иногда, во время застолья, чтобы подшутить над друзьями, я прятал их вещи. Подозревая, что это дело моих рук, друзья водили меня по разным святилищам. В одних меня уличали в краже, в других оправдывали. А я знал правду лучше всяких оракулов и поэтому смог проверить, какие из них правдивы, а какие лгут. Теперь же тех оракулов, которые когда-то меня обвиняли, я глубоко почитаю и забочусь об их содержании, потому что знаю: они говорят правду. А тем, которые меня лицемерно оправдывали, я не оказываю никакой поддержки.

Амасис был добрым царем. Он издал немало хороших законов. Во времена его царствования Египет процветал. Как человек мудрый, Амасис прекрасно понимал, что ему следует опасаться персов. Он укрепился в своих опасениях, когда прибыли послы от Камбиса и просили, чтобы он отдал свою дочь в жены молодому персидскому царю.

Амасис оказался в очень затруднительном положении. Ведь как бы он ни поступил, беды не миновать. Если он не отдаст дочь за Камбиса, то война неизбежна. Если отдаст, то Камбис будет плохо с ней обращаться, чтобы вызвать его гнев и развязать войну. Как тут быть? В любом случае недурно было бы выиграть время. Царь велел нарядить в роскошные одежды другую девушку и с богатыми дарами отослал ее как свою дочь в Персию к Камбису.

На какое-то время это отвращало беду. Но рано или поздно обман раскроется. Поэтому царь стал спешно заключать военные союзы, чтобы не оказаться в одиночестве, когда на него пойдут войной полчи-

ща персов. Амасис предпринял и еще кое-что, что с первого взгляда может показаться весьма странным. На самом же деле это говорит о прозорливости Амасиса. Когда умер один похожий на него египтянин, царь велел незаметно похоронить его в усыпальнице, которую он приготовил для себя. И оставил завещание сыну тайно похоронить его как простолюдина в какой-нибудь братской могиле.

И в самом деле, когда некоторое время спустя Камбис победителем вошел в Египет, он велел выбросить из усыпальницы тело умершего к тому времени царя и бичевать его. Не знал Камбис, что тот, кого он велел осквернить, не был Амасисом. С помощью такой уловки Амасису удалось избежать надругательства после смерти.

Одним из союзников и друзей Амасиса был тиран острова Самос эллин Поликрат. Слово «тиран» в те далекие времена не означало «деспот, мучитель», а применялось к людям, захватившим власть, не имея на то законного права. В шестом веке до нашей эры во многих городах Эллады правили тираны.

Так уж случилось, что Поликрату всегда и во всем неизменно сопутствовала удача. В любом деле он преуспевал. Его военные походы всегда увенчивала победа. От победы к победе росло могущество Самоса, который в те времена был одним из самых сильных и богатых эллинских государств.

Блестящие успехи Поликрата встревожили Амасиса. И он решил направить самосскому тирану такое послание:

«Конечно, приятно узнавать, что твой друг и союзник счастлив и что дела у него идут хорошо. Но все же твои постоянные удачи не очень радуют меня. Я ведь знаю: боги завистливы. Поэтому я желаю тебе, как желаю всем своим друзьям, которых люблю и уважаю, чтобы одно удавалось, а другое нет. Я и себе пожелал бы, чтобы мне на моем веку сопутствовали как успехи, так и неудачи. Я еще не встречал такого человека, которому бы все всегда удавалось и с которым бы потом не приключилась беда.

Выслушай мой совет и ради своего же счастья поступи так, как я скажу: самое ценное для тебя постарайся потерять или уничтожить. Эта потеря нарушит твое однообразное счастье, которое, я уверен, к добру не приведет».

Очень удивился Поликрат, прочитав это послание. Как может

человек пойти против своей судьбы? Но чем больше он размышлял, тем больше убеждался в мудрости слов Амасиса. Взгляд его упал на большой изумрудный перстень в золотой оправе, который он носил на среднем пальце. Это было изделие искусного ювелира, и тиран очень им дорожил. Он верил, что именно этот перстень приносит ему удачу. После долгих сомнений Поликрат решил последовать совету Амасиса.

Снарядив большой пятидесятивесельный корабль, он вышел в море со всей своей свитой. Когда корабль достиг середины моря, Поликрат снял любимый перстень, поцеловал и бросил в море. Опечаленный, с низко опущенной головой возвратился царь во дворец.

Вскоре в царские палаты явился рыбак. Он принес в дар Поликрату необыкновенную рыбу огромных размеров.

— Я подумал, царь мой, что такая прекрасная рыба — достойный тебе подарок. Прошу тебя: не откажись принять мой скромный дар.

Поликрат обрадовался столь редкому подарку. Он был в хорошем расположении духа и пригласил рыбака на обед. Представьте себе, как удивились придворные, узнав, что слуги, потроша рыбу, нашли в ее брюхе Поликратов перстень, который он выбросил в море!

Сомнений быть не могло: это боги посылают Поликрату удачу за удачей. Все придворные славил своего царя, самого счастливого в мире человека.

Так Поликратов перстень вошел в историю.

Случившееся еще больше убедило Амасиса в том, что человеку от судьбы не уйти. Он послал на Самос вестника объявить, что разрывает свой союз и дружбу с Поликратом. А поступил так Амасис потому, что не хотел сокрушаться о Поликрате как о друге, когда его постигнет страшная беда. Впрочем, Амасис умер раньше Поликрата, и ему не довелось увидеть трагической кончины своего бывшего приятеля.

Летевшая по свету слава о необыкновенной удачливости Поликрата сделала его дерзким и алчным. Многие могущественные правители возненавидели самосского тирана. Среди них был перс Орет, сатрап, иными словами, правитель Сард, столицы лидийского царства. Орет полагал, что если ему удастся убить Поликрата, то он легко сможет присоединить к персидскому государству процветающий и бо-

гатый Самос. Вступить в открытую войну с Поликратом Орет, однако, побаивался. И, придумав коварный план, он послал на Самос с богатыми дарами верного ему человека. Явился тот к Поликрату и сказал:

— Моему повелителю Орету стало известно, что ты собираешься осуществить великие замыслы — расширить пределы своего государства. И на это ты имеешь, о счастливейший человек, полное право. Ты достоин этого! Орет мог бы тебе помочь. Он не ладит с персами, и ему угрожает смертельная опасность. Сам царь Камбис посягает на его жизнь. Поэтому, если ты спасешь ему жизнь, приютив на Самосе, Орет готов отдать тебе все свои несметные сокровища. Они помогут тебе осуществить твои замыслы. Себе он оставит лишь малую часть своего богатства, чтобы хватило на оставшуюся жизнь. Если же ты не веришь, что он так богат, пошли своего человека в Сарды. Орет покажет ему свои сокровища.

Слепо веря в удачу, корыстолюбивый Поликрат с радостью согласился. Он послал в Сарды Меандрия, самого верного ему человека, чтобы тот убедился, действительно ли Орет так богат, как говорит молва.

Вернувшись обратно, Меандрий сообщил царю, что своими собственными глазами видел в огромных сундуках много-много золота. Он, бедняга, и не подозревал, что коварный перс провел его, наполнив сундуки камнями. Золото лежало только сверху.

Тогда Поликрат сам отправился в Сарды, чтобы обо всем договориться с Оретом. Друзья и прорицатели предостерегали его. Но Поликрат жаждал золота, и ничто не могло его удержать. Когда тиран уже вступил на борт корабля, на берег прибежала его дочь и, горько рыдая, умоляла отца остаться. Очень плохой сон увидела дочь Поликрата: будто отец парит между небом и землей, и Зевс его умывает, а Гелиос утирает.

Всем пренебрег Поликрат и с большой свитой из знатных жителей Самоса, а также рабами отплыл в Сарды. Среди приближенных тирана был Демокед из Кротона, в то время самый известный среди эллинов врач.

Несчастный Поликрат! Не знал он, не ведал, какую кончину ему уготовила коварная судьба! Только он прибыл к Орету, как перс велел схватить и убить его, а затем распять. Так сбылся сон дочери

Поликрата. И в самом деле, Зевс омывал его тело дождями, а Гелиос осушал своими жаркими лучами.

Вот так самого удачливого в мире человека постигла страшная смерть. Часть свиты Поликрата Орет отпустил, а часть оставил в рабстве. Был обращен в рабство и знаменитый Демокед.

Узнав о кончине Поликрата, многие заключили, что хотя Амасис и не был баловнем судьбы, зато он был более проницательным и предвидел, какие беды сулит чрезмерное везение.

Глава 5. БЕЗУМНЫЙ КАМБИС

А теперь снова вернемся к персам. Если вы помните, царем Персии после смерти Кира стал его старший сын Камбис. С детства он страдал тяжким недугом, постепенно приближавшим его к безумию. Тем не менее Камбис добился победы во многих военных походах и установил власть персов не только в Азии, но и в Африке.

Когда Камбис узнал, что Амасис обманул его, прислав вместо своей дочери, которую он пожелал в жены, другую девушку, то сильно разгневался. Вот он — повод для нападения на Египет!

Амасис к тому времени, как мы уже знаем, умер, а его сын Псамме-

нит, который царствовал всего шестой месяц и был неопытным в военном деле, не смог дать отпор Камбису. Персы легко захватили весь Египет. Персидский царь не убил Псамменита. Он предпочел оставить его в живых, чтобы вдоволь поиздеваться над ним. Несмотря на то что Псамменит все-таки был царем, его бросили ко всем остальным пленникам и заставили выполнять самую тяжелую работу.

Однажды, когда пленники, среди которых были знатные египтяне, работали на одной из площадей города, Камбис велел их дочерей, а вместе с ними и царевну, дочь Псамменита, провести через площадь. Разрывалось сердце у отцов от боли, когда они увидели страдания дочерей. Многие рыдали. Псамменит же слезы не проронил. Он опустил голову, сделав вид, будто не узнал свою дочь. На другой день через площадь мимо Псамменита провели вместе с другими юношами из знатных семей его сына. Руки юношей были связаны, рты заткнуты, на шее у каждого была петля. Их вели на казнь. Псамменит опять потупил взор, не признавая своего сына. И опять не проронил ни слезы.

Когда немного погодя Псамменит увидел на площади одного своего старого друга, который раньше преуспевал, но разорился и теперь, как нищий, просил у прохожих милостыню, он бросился к нему, обнял и горько заплакал. Узнав о странном поведении Псамменита, Камбис весьма удивился и велел узнать, почему египетский царь оставался безразличен к горю своих детей и почему его так потрясла беда не родного ему человека.

— Передайте Камбису вот что,— отвечал Псамменит посланникам царя,— несчастья и беды моего дома слишком велики. Не хватит слез, чтобы их оплакать. А горе моего друга, который всегда купался в роскоши, а на старости лет стал нищим и обездоленным, достойно слез.

Эти слова показались Камбису справедливыми. Он стал лучше обращаться с побежденным царем и даже помиловал его сына и дочь.

Камбису и Египта было мало. Теперь он стремился проникнуть в глубины Африки и захватить Эфиопию. Шла молва, что эту богатую страну населяют высокие, красивые люди, живущие до ста — ста пятидесяти лет.

Прежде чем выступить в поход, Камбис решил послать в страну

эфиопов лазутчиков. С этой целью он вызвал из Египта людей из племени ихтиофагов¹, которым был знаком язык эфиопов. Камбис снабдил ихтиофагов богатыми дарами эфиопскому царю. Среди них были пурпурные одежды, золотые ожерелья и браслеты, сосуды с благовониями. Персидский царь велел передать царю эфиопов, что у него самые добрые намерения и что он желает быть его другом и союзником.

Однако эфиопский царь пренебрег дарами Камбиса. Браслеты он принял за оковы, сказав, что в его стране много золота, поэтому такие вещи для пленников и рабов они делают потолще и покрепче. И ведь это было правдой: эфиопы действительно имели очень много золота, а о существовании меди и железа они даже не подозревали.

Услышав заверения ихтиофагов в том, что Камбис желает быть его другом и союзником, эфиопский царь ответил:

— Не потому послал вас ко мне персидский царь с дарами, что желает моей дружбы. А вы пришли в мое царство как лазутчики, чтобы все выведать. Будь Камбис человеком справедливым, довольствовался бы он своей землей и не стремился бы завоевывать чужие, не порабощал бы он людей, не причинивших ему зла. Передайте своему царю: пусть благодарит богов, что эфиопам никогда не приходило в голову идти войной на чужие земли. Ведь тогда и он испытал бы на себе наше могущество. Передайте ему и этот большой лук, а вместе с ним совет: если персы смогут столь легко натянуть лук, как его натягиваю я, то пусть идут войной на нас!

Много чудес увидали лазутчики в стране эфиопов. Больше всего их поразило то, что эфиопы хоронят умерших в гробницах из прозрачного камня. Сначала тело покойника бальзамируют, затем его покрывают гипсом, а потом яркими красками на нем рисуют человека таким, каким он был при жизни. Мумию помещают в большой сосуд из прозрачного камня и целый год хранят в доме. Через год сосуды с мумиями вывозят за город и оставляют там. Так и живут живые рядом с мертвыми.

* * * *

¹ Ихтиофаги — те, что питаются рыбой.

Когда лазутчики, вернувшись из страны эфиопов, обо всем рассказали Камбису, царь страшно разгневался. В неистовстве он бросился натягивать тетиву присланного эфиопским царем лука, но у него ничего не получилось. Единственный из персов, кто смог натянуть тетиву на два пальца, был младший брат Камбиса Смердис. Но за это он поплатился жизнью...

Итак, Камбис решил немедленно выступить в поход против эфиопов.

Совершенно не подготовленное к войне персидское войско двинулось в чужие, неведомые края.

В пути быстро истощились скудные запасы продовольствия. Персы стали убивать и есть выючных животных. Когда все животные были истреблены, воинам пришлось питаться травой и кореньями. Наконец персидское войско вступило в песчаную пустыню. Обезумевшие от голода воины были настолько ужасны, что Камбис опасался, как бы не стали они поедать друг друга. Поэтому царь решил вернуться обратно. Войско распалось, и Камбис, больной и истомленный лишениями, возвратился в Египет.

Во всех бедах и несчастьях Камбис винил теперь своего брата. Никак царь не мог смириться с тем, что Смердис сумел натянуть тетиву эфиопского лука. Его мучила зависть к брату. К тому же однажды ночью Камбис увидел страшный сон: прибывший из Персии гонец объявил, будто Смердис сидит на царском троне, а голова его касается неба. Это уже было чересчур. На рассвете следующего дня царь изгнал брата из Египта, послав вслед за ним Прексаспа, верного ему человека, с заданием тайно убить Смердиса и похоронить его тело в чужой земле. Настиг он его? Убил? Не убил? Никому это точно не известно. Одни уверяют: «Да, убил», другие говорят: «Нет, не убил». Но как бы там ни было, Смердис как сквозь землю провалился.

Безумства Камбиса не знали предела. Он становился все более опасным не только для близких, но и для государства. Все вокруг стали роптать, но открыто выразить свое недовольство побаивались. Камбис опустил даже до того, что осквернил религию египтян. Вот как это получилось.

Среди богов, которым поклонялись египтяне, был бог по имени

Апис. Египтяне верили, что Апис каждые сто лет появляется среди людей в образе красивого черного теленка с белым четырехугольником на лбу. Спину этого священного теленка украшало изображение орла, волосы на хвосте были раздвоены, а под языком был изображен жук.

Рассказывают, что в дни возвращения Камбиса из похода родился именно такой теленок, и все египтяне возликовали. Одевшись в праздничные одежды, они пели и веселились. Ведь Апис всегда приносил в Египет счастье.

Безумный Камбис заподозрил, что египтяне ликуют и веселятся потому, что его поход на Эфиопию закончился неудачей. А тут еще жрецы сообщили царю, что к египтянам в образе теленка явился бог Апис. Камбис отстегал жрецов плетью и велел поймать Аписа и привести к нему.

Сказано — сделано. Как только царь увидел Аписа, то, не помня себя от ярости, выхватил кинжал и хотел вонзить его теленку в живот. Но Апис отпрянул, и царь рассек ему только бедро. Раненого теленка перенесли в храм, где он через несколько дней умер. Это происшествие повергло египтян в глубокий траур, и все ожидали чего-то очень страшного. Бог Апис должен был отомстить!

Из Персии доходили дурные вести... Наконец прибыл гонец и объявил, что в Сузах, персидской столице, вспыхнул мятеж против Камбиса и что новоявленный царь повелевает войску отныне повиноваться только ему. Гонец утверждал, что этим новым царем, захватившим престол, был не кто иной, как родной брат Камбиса Смердис.

Услышав такую весть, Камбис грозно взглянул на Прексаспа, которому было велено убить Смердиса, и закричал:

— Так вот как ты выполнил мое поручение!

Прексасп, дрожа от страха, прошептал, что гонец лжет. Не может быть такого, чтобы в Персии на троне сидел Смердис, ведь он по приказанию Камбиса убил его собственными руками...

Решили подробно расспросить гонца, что же случилось в Сузах и кто велел ему принести такие вести. И вот что выяснилось.

Когда Камбис пошел войной на Египет, то управляющим в своем дворце в Сузах оставил одного мага. Тот, прослышав о тяжком недуге

царя и о его неудачах, решил поднять мятеж. Это маг послал гонца объявить войску, что на престол взошел Смердис. Ведь в Персии еще не знали об убийстве Смердиса и могли поверить, что он в самом деле вернулся и стал царем. Но ни Камбис, ни Прексасп никак не могли понять, откуда все-таки взялся Смердис.

И вдруг они вспомнили, что у поднявшего восстание мага есть брат, очень похожий на брата Камбиса, и что его тоже зовут Смердис. Был он человеком подозрительным и совершал недостойные дела. За это ему в наказание отрезали уши. Все ясно! Маг посадил на трон своего брата! Это был не настоящий Смердис, а лжесмердис.

Внезапно Камбис вспомнил сон: гонец из Персии приносит ему известие, что Смердис восседает на царском троне, головой касаясь неба. Теперь царь понял: боги предвещали ему, что власть захватит лжесмердис. О, как несправедлив он был, подозревая своего несчастного брата, и как жестоко поступил, приказав его убить!

Не помня себя от злости, Камбис решил тотчас выступить в поход на Сузы и покарать лжесмердиса. Он стремительно вскочил на коня, но тут из ножен выпал меч и рассек царю бедро.

Придворные заметили, что рана была на том же самом месте, куда был ранен египетский бог Апис. Все оцепенели от ужаса. Камбис понял, что рана смертельна и что боги неумолимы: он должен умереть. Царь горько рыдал, проклиная себя за свои тяжкие преступления и безумства. Он заклинал персов свергнуть и наказать коварного мага. Через двадцать дней Камбис умер от гангрены. Спасти его было невозможно. Бог Апис, как этого и ожидали египтяне, отомстил ему.

Последняя воля царя, пусть даже безумного, — закон. Но в этой странной истории все было так запутано, что никто не знал, как лучше поступить. Ведь теперь, когда умер Камбис, Прексасп, единственный человек, знавший великую тайну, стал опасаться, что его могут жестоко наказать за убийство Смердиса. Поэтому Прексасп решительно отрицал, что получил от царя приказание убить его брата.

Был ли настоящим Смердисом новый персидский царь? Этого не знал никто. И никто не мог разобраться, где кончается правда, а где начинается ложь. Тогда семеро юношей из знатных персидских семей решили добраться до истины. Они подговорили одну женщину из царского гарема ночью, когда царь будет спать, проверить, есть ли

у него уши. Юноши знали, что у лжесмердиса ушей быть не должно. В те времена персидские цари носили длинные волосы и ушей не было видно. Особа царя считалась священной и неприкосновенной, и поэтому только ночью, во время сна, можно было приподнять волосы, да и то с большими предосторожностями.

Из гарема передали, что у человека, сидящего на царском троне, нет ушей. Тогда юноши, ворвавшись во дворец, убили лжесмердиса.

Детей у Камбиса не было, а Смердис, если он чудом остался в живых, не появлялся. Поэтому на трон решили посадить одного из семи юношей — Дария.

Любопытно то, что когда-то Кир видел сон, будто Дарий, который был сыном его друга Гистаспа, поднялся высоко в небо на больших крыльях. Они отбрасывали огромные тени: одно крыло — на Азию, другое — на Европу. Прошли годы, и сон сбылся, хотя ни Кира, ни его сына уже не было в живых. Дарий был первым персидским царем, предпринявшим попытку подчинить себе Европу, и прежде всего Элладу.

Глава 6. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕМОКЕДА

Однажды Дарий выехал с друзьями на охоту. Неудачно соскочив с коня, он вывихнул ногу. Царь не находил места от нестерпимой боли. Призванные к нему придворные лекари стали вправлять ногу, но безуспешно. Семь дней и ночей Дарий провел без сна в страшных мучениях.

Тогда кто-то из придворных вспомнил о знаменитом эллинском врачевателе Демокее, который вместе с другими приближенными Поликрата находился в плену в Сардах. Дарий велел тотчас послать за ним. Знаменитого врача с трудом отыскивали среди рабов. Он был в рваной одежде, с оковами на руках и ногах.

— Ты умеешь врачевать?— спросил Дарий Демокеду, когда тот предстал перед ним.

Демокеду, желавшему поскорее вернуться на родину, не хотелось признаваться, что он врач. Он опасался, что персы, узнав об этом, никогда не отпустят его в Элладу. Поэтому в ответ на вопрос царя Демокед пробормотал что-то невразумительное, отрицательно мотая головой.

Дарий догадался, что Демокед притворяется, и велел слугам принести плети и разложить их перед пленником. Испугавшись, Демокед поспешил пояснить:

— Немного врачевать я, конечно, умею... Не зря же я когда-то служил у одного врача. От него кое-чему и научился...

И как ни хитрил Демокед, ему все-таки пришлось приняться за лечение Дария.

Целебными снадобьями он смазал опухшую ногу и затем растер ее. Боль утихла, и царь смог наконец уснуть. Когда Дарий заснул покрепче, Демокед очень осторожно, стараясь не причинить царю боли, вправил ему ногу.

Дарий, потерявший уже всякую надежду на выздоровление, очень обрадовался. Он велел больше не надевать на врача железные оковы, а приказал изготовить ему золотые. Это означало, что Дарий оставляет Демокеду у себя навсегда. Демокед осмелился обратиться к царю с такими словами:

— Вот как ты благодаришь меня, царь, за исцеление! Даря мне золотые оковы, ты делаешь меня несчастным вдвойне.

Дарий развеселился и велел отвести Демокеду в свой гарем. Жены царя изо всех сил старались показать, как рады они выздоровлению царя. Каждая из них зачерпывала чашей из огромного сундука золотые монеты и подносила знаменитому врачевателю. Дар был очень щедрым. Даже сопровождавшему Демокеду слуге кое-что перепало. Он подобрал много упавших из чаши золотых монет.

На дарованное богатство Демокед смог купить себе в Сузах прекрасный дом. Ему была оказана величайшая честь обедать с Дарием за одним столом. У Демокеду теперь было все. Не хватало только родной земли. Очень тосковал знаменитый врач и хотел любой ценой вернуться в родные края. Его страшила смерть на чужбине.

Спустя некоторое время тяжкий недуг поразил супругу царя Атоссу, дочь Кира и мать Ксеркса, о котором у нас еще пойдет речь. Рассказывают, что у Атоссы на теле появился нарыв. Женщина стыдливо скрывала его. Но нарыв все увеличивался и очень беспокоил ее. Тогда Атосса обратилась за помощью к Демокеду. Врач пообещал исцелить ее так, чтобы об этом никто не узнал. Но за это Атосса, как только поправится, должна была помочь ему вернуться на родину.

Быстро поправилась Атосса. Своего обещания она не забыла и сделала все, о чем просил Демокед. Улучив удобный момент, Атосса обратилась к Дарию с такими словами:

— О повелитель! Владея таким огромным богатством, ты бездействишь. А было бы не худо умножить его. Ведь наверняка есть земли, которые ты мог бы покорить. Такому властелину, как ты, следует подумать о великих деяниях! Персы должны знать, что их страной правит достойный муж. Это в твоих интересах. Народ будет занят войной и не будет помышлять о мятежах и восстаниях. Ведь ты еще молод. Тебя ждут великие дела и громкая слава!

— Дорогая жена!— отвечал ей Дарий.— Ты словно читаешь мои мысли. Как раз над этим я и размышляю в последнее время. Прежде всего, я намерен пойти в поход против скифов.

— А зачем тебе скифы, царь мой? Ты сможешь захватить их земли, как только этого пожелаешь. Ты должен идти на Элладу. Я много слышана об этой стране и желаю, чтобы женщины из Лаконии, Аргоса, Аттики, Коринфа были моими рабынями. У тебя же есть надежный человек, который лучше всякого другого сообщит тебе подробные сведения о положении дел в Элладе и даст полезные советы.

— Если ты считаешь, что я должен начать с Эллады, то так тому и быть! Но сначала, я полагаю, следует заслать туда лазутчиков и с ними нашего врачевателя. Они разведуют все и сообщат нам полезные сведения. Мы должны все хорошенько обдумать, чтобы не поступить опрометчиво.

На другой день Дарий призвал к себе пятнадцать знатных персов и велел им готовиться к дальнему путешествию. Вместе с Демокедом им предстояло проплыть вдоль побережья всей Эллады. Царь приказал персам не спускать с врача глаз и во что бы то ни стало привезти его обратно.

Дарий послал за Демокедом и, когда тот явился, предложил ему быть проводником у персов и просил показать им всю Элладу, а затем возвратиться назад.

— Тебя ожидает приятное путешествие, — говорил царь своему врачу. — Ты сможешь повидаться со своими близкими. Я позволю тебе отвезти в подарок отцу и братьям все твое состояние. Ведь когда ты вернешься из Эллады, я сделаю тебя еще богаче. Твоим родственникам и друзьям я отправлю корабль с богатыми дарами.

Обрадовался Демокед, услышав такие речи, но сдержался, стараясь скрыть свое волнение. Он не доверял Дарию. А вдруг это всего-навсего испытание? Настораживал врача и разговор о подарках. Демокед стал отказываться под предлогом того, что путешествие утомит его.

— Но если уж ты так настаиваешь, о царь, то пойти против твоей воли я не посмею, — продолжал Демокед. — Брать свое добро в Элладу я не буду. Ведь оно мне непременно понадобится по возвращении. А вот корабль с дарами я возьму с радостью. Дары эти помогут мне в выполнении твоего поручения. Ты можешь не сомневаться: к тебе я вернусь непременно.

Из Суз путешественники двинулись в Финикию, где снарядили свои корабли и отплыли в Элладу. Но в какую Элладу? В те времена эллины обитали вдоль всего побережья Средиземного моря. Их большие, могущественные города были везде: на побережье Малой Азии и Африки, на многочисленных островах, а также на юге Италии. Одним из таких городов на побережье Южной Италии и был Кротон — родина Демокеда.

Осмотрев восточное побережье Средиземного моря и близлежащие острова, персы направились к западному побережью. Они заходили во все гавани и на протяжении нескольких дней собирали там нужные сведения. Затем плыли дальше. В глубь материка персы не осмеливались проникать — это было весьма опасно.

Демокед усердно делал свое дело: все увиденное и услышанное он старательно записывал в толстую книгу. Персам нравилось его трудолюбие и прилежание.

Наконец путешественники достигли берегов Южной Италии и вошли в гавань большого города Таранта. После долгих странствий и приключений Демокед оказался наконец на родной земле: до Кротона было рукой подать. И хитрый эллин решил бежать.

Вот послушайте, как это произошло. Как только персы прибыли в Тарант, Демокед вступил в сговор с царем тарантинцев, который был его старым другом. По его просьбе царь велел снять у персидских кораблей кормила, а самих персов схватить и бросить в темницу. Так Демокед получил возможность бежать. Через несколько дней персов освободили и велели им поскорее убираться.

Не только Демокед потеряли персы. Потеряли они и его путевые записи. Страшно было возвращаться к Дарию с пустыми руками. Поэтому персы на свой страх и риск приняли решение преследовать Демокед и направились в Кротон.

Счастлив был Демокед, что вернулся наконец в родные места. С утра до вечера он бродил по городу и наслаждался свободой. Однажды, когда Демокед прогуливался по рыночной площади, персы схватили его. Им без особого труда удалось выследить беглеца. В одно мгновение Демокед мог потерять все то, к чему так стремился на протяжении многих лет. Он сопротивлялся, кричал, звал на помощь... На крик сбежались горожане и требовали, чтобы персы освободили Демокед.

Персы ни за что не хотели отпускать знаменитого врача, и твердили, что на его арест они имеют полное право. Ведь Демокед — беглый раб персидского царя Дария.

— Если вы его у нас отнимете, — угрожали персы, — то Дарий пойдет войной на Кротон и обратит всех вас в рабство.

Но эти угрозы не смутили эллинов.

Они набросились на врагов и избивали их до тех пор, пока не освободили Демокед.

Персам не осталось ничего другого, как убраться восвояси. Гнев и расправа Дария ожидали их.

Демокед, которому уже ничто не угрожало, прокричал вслед уплывающим персам:

— Низко кланяйтесь Дарию и передайте ему, что я обручился с дочерью Милона! А добро мое пусть оставит себе!

Нужно сказать, что Милон Кротонский был в те времена знаменитым борцом. Слава о нем достигла пределов Персии.

Вот так бесславно закончилось путешествие персов в Элладу. Ничего хорошего из затеи Дария не вышло. Не только персидскому царю, но и другим завоевателям походы на Элладу успеха не принесли.

Глава 7. ЗОПИР, СЫН МЕГАБИЗА

Дария с первых лет царствования преследовали неудачи. Одной из самых крупных было восстание в Вавилоне. Готовилось оно в большой тайне, так что Дарий о нем даже не подозревал. Вавилоняне были уверены, что царь не сможет захватить их неприступную крепость. Они заботились лишь о том, как обеспечить город продовольствием на случай длительной осады.

Было решено в городе оставить только самых нужных людей, а всех остальных жителей выселить за его пределы, чтобы таким образом уменьшить число едоков.

Дарий с отборным войском подошел к стенам Вавилона и окружил его. Но это не очень встревожило вавилонян: съестных припасов у них было предостаточно. По вечерам горожане весело плясали на крепостных стенах и, как могли, издевались над воинами Дария. Вот какая странная была эта война.

Однажды какой-то вавилонянин прокричал пренебрежительно персам с крепостной стены:

— Чего это вы здесь сидите и бездельничаете? Убирайтесь отсюда! Вы сможете захватить Вавилон только тогда, когда ишак родит осленка!

А у ишаков же не бывает потомства! Впрочем, чего только не случается в жизни...

Прошел год и семь месяцев, а крепость оставалась неприступной. Дарий злился и негодовал. Ему было стыдно возвращаться обратно, так и не завоевав Вавилона. Но тут произошло чудо.

Зопир, сын знатного перса Мегабиза, узнал от конюха, что один из его ишаков произвел на свет маленького осленка. Когда Зопир шел посмотреть на этого необыкновенного осленка, то ему вдруг вспомнились слова вавилонянина, и он понял, что час падения Вавилона близок. Подумав, Зопир решил, что будет лучше, если о предзнаменовании он до поры до времени говорить никому не будет. Долго размышлял Зопир, как поступить, чтобы помочь Дарию завоевать Вавилон. Тщеславным человеком был сын Мегабиза и желал, чтобы слава и честь достались ему одному.

И вот послушайте, что придумал Зопир. Он отрезал себе нос, уши, потом безобразно остриг волосы. В довершение всего Зопир приказал своему рабу избить себя плетью до крови.

В таком страшном виде Зопир предстал перед Дарием. Царь пришел в ужас и негодование, увидев сына почтенного перса искалеченным.

— Кто осмелился совершить такое ужасное злодеяние?

— Не ищи виновных, владыка. Это дело моих рук.

— Да ты просто с ума сошел! — воскликнул Дарий.

— Я в своем уме. Если бы я поведал тебе раньше о своих намерениях, боюсь, ты мне не разрешил бы совершить задуманное. Ты бы постарался уберечь меня. Теперь же, когда поправить уже ничего

нельзя, я могу тебе открыть свои замыслы. Очень прошу тебя, мой государь, не откажи в помощи. Все, что я делаю, я делаю из любви к родине.

Дарий слушал юношу с огромным любопытством, не понимая, кто перед ним — безумец или герой. Зопир рассказал ему об ишаке, родившем осленка, и добавил:

— Час настал, мой государь! Вавилон, наконец, падет. Такова воля богов! Но чтобы это произошло, кто-то должен пожертвовать собой. Почему бы не мне совершить это? Вот послушай-ка, какую хитрость я придумал: под видом перебежчика я постараюсь проникнуть в город и потребую, чтобы меня отвели к вавилонским военачальникам. Я заявлю им, что ты — мой враг и что я перебежал к ним, намереваясь бороться против тебя. Чтобы они мне поверили, я должен предстать перед ними таким искалеченным. Только это убедит вавилонян, что я действительно твой заклятый враг. Я буду уверять, что ты якобы своей собственной рукой нанес мне эти увечья.

Дарий смотрел на юношу с восхищением. Он был потрясен храбростью и самоотверженностью Зопира.

— А я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Можешь. Через десять дней, после того как я уйду в город, пошли тысячу человек на штурм ворот, которые называют воротами Семирамиды. Через неделю пошлешь еще две тысячи воинов к воротам Нина, а затем, через двадцать дней, пошлешь четыре тысячи человек к Халдейским воротам. И, наконец, после этого ты поведешь все войско штурмовать остальные ворота. Сделай все, как я тебя прошу, а на меня ты можешь положиться. В нашей победе я уверен.

Зопир не просчитался. Увидев страшно изувеченного человека, вавилоняне поверили, что перед ними действительно враг Дария, и пропустили его в город. Через десять дней Зопир попросил отряд воинов и, возглавив его, повел к воротам Семирамиды. Там он легко окружил и взял в плен тысячу присланных Дарием персидских воинов. Через две недели Зопир захватил еще две тысячи персов у ворот Нина, а через двадцать дней — четыре тысячи у Халдейских ворот.

Вавилоняне ликовали и славили Зомира. Ведь столько времени они не могли взять в плен ни одного перса.

Имя Зомира было у всех на устах. Все осыпали его похвалами и оказывали почести. «Боги послали нам тебя в помощь», — говорили они. Когда же Зомир совершил свой последний подвиг, вавилоняне так обрадовались, что назначили его главным военачальником и комендантом крепости. Так Зомиру удалось получить ключи от города.

Когда же Дарий с оставшимся войском стал штурмовать ворота крепости, Зомир открыл их, и лавина персов ринулась в Вавилон. Они грабили, жгли и убивали.

За самоотверженность и бесстрашие Дарий назначил Зомира пожизненным правителем Вавилона.

Глава 8. КАК ВОЕВАЛИ СКИФЫ

Как мы уже знаем, Дарию не удалось собрать необходимые сведения об Элладе, и он решил осуществить свой первоначальный замысел: выступить против скифов и подчинить их. Никто толком не понимал, зачем царю понадобились земли скифов и почему он решился на такой отчаянный поход, полный опасностей, поджидавших его войско на каждом шагу. Ведь скифская земля была такой далекой, суровой, неизведанной и полной тайн.

Одни утверждали, что Дарий захотел отомстить скифам за их смелые набеги. Ведь они не раз вторгались в его земли и опустошали

их. За сто лет до событий, о которых идет рассказ, скифы вторглись в Азию, дошли до Египта и двадцать восемь лет господствовали над ним.

Другие считали, что Дарий прежде всего руководствовался стремлением расширить пределы персидской державы и подчинить себе северный берег Понта Эвксинского.

Границы земель, в которых обитали скифы, все время менялись. Ведь они преимущественно занимались скотоводством и постоянно кочевали, перевозя свои кибитки с места на место. Земли эти находились вокруг реки Борисфен. Скифия простиралась на огромной территории, достигая Меотийского озера и реки Танаис.

В скифской земле почти нет лесов. До самого горизонта там простирается пустынная степь. По степи протекает много полноводных рек. В них водится разнообразная рыба, а вдоль берегов тянутся обильные посевы и тучные пастбища для скота.

В тех краях суровая зима с метелями и вьюгами длится восемь месяцев. Море и реки замерзают, и скифы ездят по льду на своих повозках. В остальное время там не так холодно, но идут нескончаемые дожди. Часто гремит гром и сверкают молнии. Зимой же грозы бывают крайне редко. Зимние грозы, а также землетрясения у скифов считаются чудом. Любопытно и то, что лошади там привыкли к морозам, а вот мулы и ослы, которые в других краях выносливее лошадей, привыкнуть не могут. Своих выносливых лошадей скифы используют на охоте и в войнах, быстро передвигаясь на большие расстояния. Однако они утверждают, что дальше на север продвинуться невозможно, потому что воздух там наполнен белым пухом, от которого ничего не видно далее четырех шагов. Этот белый пух не что иное, как обильный снег, непрерывно идущий в тех далеких краях.

У скифов, как и у других народов, есть много красивых легенд. Согласно одной из них, сыновья вождя скифского племени после смерти отца никак не могли поделить страну между собой. И вот однажды произошло чудо. С неба на скифскую землю упали плуг, ярмо, топор и чаша. Они были из чистого золота. Первым подошел к дарам старший сын. Едва он приблизился, как дары обьяло пламя, и юноша не осмелился вытащить их из огня. Приблизился тогда

и второй сын, но произошло то же самое. Когда же наконец подошел третий, самый младший, пламя погасло, и он отнес небесные дары к себе домой. Братья догадались, что царствовать должен младший брат. Так боги разрешили спор юношей.

Быт скифов прост и суров. У большинства нет даже котлов для приготовления пищи. Но тем не менее у скифов есть свой необычный и весьма любопытный способ приготовления мяса. Ободрав шкуру животного и отделив мясо от костей, они складывают его в желудок животного и подвешивают над костром, как котел. Вместо дров, которые нелегко найти в степи, поджигают кости. Сухие кости великолепно горят. Таким образом, животное дает и мясо, и огонь, и к тому же... котел.

У скифов есть интересный обычай париться в юртах. Сначала в юрте разжигают костер и раскаляют в нем камни. Затем на раскаленные камни бросают конопляное семя, от него юрта заполняется клубами дыма и пара. От удовольствия скифы хохочут и издают громкие крики.

Скифы не любят учиться у других народов и упорно сторонятся чужеземных обычаев. А если кто и стремится научить их чему-то новому, то с ним обращаются как с врагом. Вот послушайте, какая печальная участь постигла Анахарсиса.

Анахарсис тоже был скифом. Он много путешествовал и долго жил в Элладе. Это был серьезный, мудрый и справедливый человек. Поэтому эллины уважали и почитали его. Когда Анахарсис жил в Афинах, он был близким другом Солона. До конца своих дней Анахарсис мог бы оставаться в Элладе, но предпочел вернуться в Скифию, чтобы передать своему народу полученные им знания и опыт. Но не понравилось скифам, как он по эллинскому обычаю приносит жертвы богине Кибеле, и они убили Анахарсиса стрелой из лука.

Много лет спустя такая же участь постигла скифского царя Скила. Мать его родилась в одном из эллинских городов на эвксинском побережье. От нее Скил научился обычаям эллинов и часто посещал их приморские города. Там он несколько месяцев жил среди эллинов, а затем возвращался в Скифию. Однажды скифы решили проследить за своим царем. Когда же посланные лазутчики донесли

скифам, что их царь облачается в эллинские одежды и принимает участие в празднествах в честь эллинского бога Диониса, они сочли это кощунством и вероломно убили его.

Ну, а теперь вернемся к персам и их царю Дарию. Неумно было выступать против скифов, этих бедных и обездоленных людей. Если бы даже персы и победили скифов, то ничего бы им эта победа не принесла. Но Дарий был упрям и никого не хотел слушать. Он не послушался даже своего брата Артабана, который настойчиво отговаривал царя от этого дальнего и опасного похода.

Во все концы своего огромного царства разослал Дарий вестников и потребовал от подвластных ему народов собрать все необходимое для похода. У одних он потребовал воинов, у других — корабли. Многие народы Азии, хотелось им того или нет, должны были подчиниться приказанию Великого Царя Персии. Среди воинов было немало эллинов с побережья Малой Азии, а также с Ионических и Эгейских островов. Особенно много эллинов было на флоте. И это не случайно: ведь эллины всегда жили у моря и на островах и были искусными мореходами.

Войско и флот направились к Боспорскому проливу¹, где эллин Мандрокл с острова Самос построил по приказанию Дария огромный мост для того, чтобы персы могли перейти из Азии в Европу. Дарий, сидя у переправы на высоком троне, обозревал проходящее войско и радовался. Семьсот тысяч человек, пеших и конных, а также шестьсот кораблей! Царь велел воздвигнуть в этом месте два столба из белого мрамора и начертать на них названия городов, принявших участие в подготовке похода. Огромное персидское войско, перейдя мост через Боспор, а затем пройдя Фракию, подошло к широкой реке, называемой Истром². Она пятью рукавами впадает в Понт Эвксинский. Флот же через Боспорский пролив вошел в Понт Эвксинский и, повернув налево, тоже подошел к устью Истра.

* * * *

¹ Современный Керченский пролив.

² И с т р — так называли древние современный Дунай.

Здесь понадобился еще один мост, чтобы войско смогло переправиться на противоположный берег реки. Когда мост был сооружен, Дарий велел ионянам вместе со своими кораблями остаться в устье Истра. Они должны были охранять мост до возвращения персов. А еще Дарий вручил ионянам длинный ремень с шестьюдесятью узлами и сказал:

— Как только я выступлю против скифов, ежедневно развязывайте по одному узлу. Если все узлы будут развязаны, а я к тому времени не вернусь, то снимайтесь с якоря и плывите обратно на родину.

Персидский царь был уверен, что ему удастся покорить скифов всего за шестьдесят дней.

Так начался поход Дария против скифов в 508 году до нашей эры.

Скифы вскоре узнали о том, что к их землям приближается огромное персидское войско во главе с Дарием. Они понимали, что самостоятельно им персов не одолеть, и обратились за помощью к соседям. Но лишь немногие пожелали помочь скифам. Большинство соседей в помощи отказали.

Тогда на совете скифских вождей было решено, что лучше всего не стремиться победить персов в сражениях, а постараться, избегая столкновений, заманить врага в глубь страны и тем самым истощить его силы и погубить. Скифия была огромной страной, и, чем глубже увлекали бы скифы своих врагов, тем труднее бы становился поход для персов. Ведь в тех заснеженных, суровых краях невозможно было прокормить такое огромное войско.

Скифы погрузили на повозки весь свой нехитрый скарб и с женами и детьми двинулись на восток. Свои силы они разделили на два больших отряда. Один из них остался в засаде, чтобы нанести удар с тыла, когда персы продвинулись вперед достаточно далеко. Другой же отряд все время находился на некотором расстоянии от врага. Не вступая в бой, воины медленно отступали на север, вынуждая персов их преследовать.

Скифы незаметно заманивали неприятеля все дальше и дальше. Они совершали неожиданные и стремительные наскоки на враже-

ское войско лишь тогда, когда видели, что персы утомлены, или когда они останавливались для привала. Эти внезапные нападения ошеломляли персов и изнуряли их. Скифы исчезали так же внезапно, как и появлялись, а разъяренные персы были вынуждены их преследовать. Вот так персы охотились за скифами и не могли их настичь.

Скифы были отличными наездниками. Их лошади удивляли быстротой и выносливостью. А пешее войско персов неотступно следовало за своим царем. Это создавало большие трудности для конницы. Ведь Дарий не позволял своей коннице отрываться от пешего строя.

Итак, настоящих сражений в этой войне не было. Везде после себя скифы оставляли разоренную страну. Они засыпали колодцы и источники камнями, поджигали степь, уничтожали всю растительность, чтобы лошадям персов не досталось никакого корма. Отступление скифов вызывало смятение и страх в соседних землях. Скифы увлекали врага во владения тех племен, которые отказали им в помощи. И эти племена, хотели они того или нет, вынуждены были воевать с персами.

Таким образом, скифам удалось заманить персов к реке Танаис, то есть к Донцу. В то же время скифский отряд, отделившийся ранее и ушедший на север, обошел персидское войско с тыла и вернулся обратно в Скифию.

Когда Дарий и его воины достигли реки Танаис, они были настолько измождены, что валились с ног. Продовольствие давно кончилось. Люди, привыкшие к теплому климату, страдали от жестоких морозов. Свирепствовали болезни. Воины роптали: «Чего мы ищем здесь, на краю света, в этой опустошенной пожарами степи?»

Царь велел расположиться лагерем у большой степной реки Оар, чтобы дать войску возможность отдохнуть. Опасаясь внезапного нападения скифов, Дарий приказал построить вокруг лагеря укрепления — восемь высоких стен. Пока строились укрепления, скифы не появлялись. Не на шутку встревожился Дарий, узнав, что скифы, которых он так упорно преследовал, незаметно обошли его с севера и возвратились в Скифию.

Царю персов пришлось повернуть обратно в надежде настичь наконец врага и дать бой. Когда же персидское войско опять при-

близилось к Скифии, Дарий решил сначала послать гонца к их царю с такими словами: «О ты, самый коварный и хитрый из всех людей, которых я когда-либо знал! Почему ты все время уходишь? Я никак не могу тебя настичь. Если ты не трус, давай сразимся! Если же признаешь, что тебе не сравниться со мной, то пришли мне в дар землю и воду. Это будет означать, что ты покоряешься мне и желаешь вступить в переговоры».

Дарий не мог смириться с тем, что разные народы живут и воюют по-разному.

Послушайте, что ответил Дарию скифский царь:

«Знай же, перс: будет так, как всегда было в этих краях. Ничего не изменится, пусть даже тысячу лет ты пробудешь здесь. Я и раньше никогда не бежал от страха. Не убегаю и теперь. Мы воюем так всегда. Ведь и в мирное время мы кочуем. Тебя никто не звал в наши земли. У нас нет городов. Нам нечего охранять. Единственное наше достояние — это могилы наших предков. Если ты так желаешь сразиться с нами, найди эти могилы и попробуй разрушить их. Тогда ты убедишься, что скифы умеют воевать. Вместо земли и воды, которые ты ожидаешь, я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. Они наверняка придутся тебе по душе. Слишком опрометчиво называешь ты себя нашим владыкой. Дорого ты за это заплатишь!»

Скифы и в самом деле послали дары персидскому царю, но не землю и воду, как требовал он. Они прислали ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы, принимавшие дары, спросили посланцев, что они означают. Те ответили:

— А мы и сами не знаем! Нам ничего не велели передавать на словах. Но нам известно, что вы, персы, достаточно умны и сможете сами истолковать значение этих даров.

Дарий был очень удивлен такими неожиданными дарами. Он решил собрать военный совет, чтобы всем вместе подумать над их смыслом. Сам Дарий так объяснял на совете значение скифских даров:

— Я полагаю, что скифы признают мою власть. В знак покорности они приносят мне землю и воду, как я того пожелал. Ведь мышь живет в земле, значит, это символ земли. Лягушка — символ

воды, потому что она обитает в воде. Птица по быстроте больше всего похожа на коня. А стрелы — не что иное, как военная сила скифов. Именно ее они мне отдают, отказываясь от всякого сопротивления.

Не согласны были участники совета с толкованием Дария, и один из военачальников сказал:

— Я считаю, что скифы не намерены складывать оружие. Этими дарами скифы как бы нам говорят: «Персы, если вы не улетите, как птицы, в небо, если вы, как мыши, не зареетесь в землю или, как лягушки, не спрячетесь в болоте, то вас поразят эти стрелы и унесут на небо ваши души».

Это толкование большинство членов совета сочло более верным. Страх воцарился в персидском лагере. Он змеей заползал в души голодных и изможденных воинов.

Очень удивились персы, когда на другой день утром увидели против своего стана выстроенных в боевом порядке скифов. Они тотчас принялись готовиться к сражению. Впрочем, персы были не вполне уверены, что скифы примут бой. Как знать, может, они опять исчезнут, как исчезали прежде. И опять придется их преследовать.

Когда все было готово к бою, в рядах скифов вдруг появился бегущий заяц. Заметив его, скифы забыли обо всем на свете, смешали ряды и бросились в погоню.

Тогда один из персидских военачальников, тот самый, который правильно объяснил значение скифских даров, осмелился подойти к Дарию:

— Эти люди, Дарий, не только не принимают нас всерьез, но и открыто издеваются над нами. Вместо того чтобы вступить в бой, они охотятся за зайцем. Я не понимаю, чего ты добьешься, покорив этот народ и его земли. Разве ты не видишь, какие они жалкие и ничтожные? Ты лучше подумай, что будет с нами! А вдруг ионяне, которых мы оставили у моста через Истр, не дождавшись нас, уплыли и покинули переправу без охраны? Ведь скифы без труда могли подойти к Истру и разрушить мост. А мы сидим здесь, не подозревая, что происходит за нашей спиной. Если это действительно так,

то мы уже отрезаны от остального мира. Скифы смогут сделать с нами все, что им заблагорассудится!

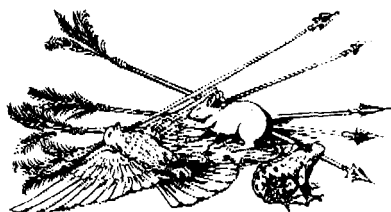
Дарий не на шутку испугался и принял решение уходить с наступлением ночи.

На другой день, увидев, что персы снялись и ушли, скифы сразу сообразили, как им действовать дальше. Они знали кратчайший путь к Истру и на своих быстрых лошадях достигли переправы гораздо раньше персов.

Там скифы попытались убедить ионян, все еще охранявших мост, разрушить его и отплыть на родину. Некоторые из эллинских полководцев, и прежде всего Мильтиад, были согласны поступить так, как им предлагали скифы. Они понимали, что полное поражение Дария может принести освобождение эллинским городам в Малой Азии. Однако большинство, а это были тираны эллинских городов, получившие власть милостью Дария, не соглашались с этим мнением. Они опасались, что если могущество Дария будет сокрушено, то все города предпочтут господству тиранов народное правление.

Самым влиятельным среди тиранов был Гистией, владыка Милета. Ему удалось убедить полководцев в необходимости спасти мост для Дария. Поэтому Дарию вместе с большей частью своего войска удалось переправиться через Истр.

Так бесславно закончился поход персов на Скифию. Огромное семьсоттысячное войско не только не смогло справиться с горсткой скифов, но и чуть само не погибло в этой далекой и суровой стране.

Глава 9. МЯТЕЖНАЯ ИОНИЯ

Плачевно и позорно завершился поход Дария на скифов. Это было первое серьезное поражение персов, до того почти всегда побеждавших на поле битвы. Вернувшись в свою столицу, персидский царь мало-помалу успокоился. «Ничего не поделаешь, в жизни случаются и неудачи, — утешал себя Дарий. — Хорошо, что голова цела! Да и не все еще потеряно...» И стал царь припоминать, кто был ему другом в его скитаниях по далекой Скифии, а кто — врагом. Стал он думать-гадать, кому из многих народов, населявших его огромную державу, можно доверять, а кого нужно опасаться. Стал размышлять, кого следует наказать, а кого — щедро вознаградить.

Два имени не выходили у Дария из головы: Гистией и Мильтиад. Оба полководца возглавляли охрану моста через Истр. Мильтиад согласился на предложение скифов разрушить мост и устроить ему, Дарию, западню. Мало того, он советовал предводителям эллинских отрядов поднять восстание против персов на всем ионийском побережье Малой Азии, чтобы вернуть эллинским городам независимость. Гистией же спас его от верной гибели, не позволив разрушить переправу. Несомненно, Гистией должен получить такое вознаграждение, какое пожелает. А коварный Мильтиад понесет суровое наказание...

И вот персидский царь велел Гистиею прибыть в столицу и предложил просить любое вознаграждение. Хитрый Гистией попросил землю на побережье Фракии, в устье реки Стримон. В этой местности, богатой корабельными лесами и серебряными рудниками, он задумал основать город. Дарий великодушно выполнил просьбу своего спасителя. Почему же Гистией решил строить город во Фракии? Неужели ему было мало Милета, который считался жемчужиной Ионии?

Нужно сказать, что в те времена Милет был не только самым богатым из эллинских городов на побережье Малой Азии. Он был культурным, торговым и промышленным центром всей Ионии. Но не всегда процветал этот город. Примерно за шестьдесят лет до событий, о которых я вам рассказываю, Милет одолевали распри и междоусобицы. На город обрушились все невзгоды, какие только бывают на свете. Отчаявшиеся горожане обратились к жителям острова Парос с просьбой посоветовать, как навести в Милете порядок. Когда паросские послы прибыли в город, они не стали заседать, глубокомысленно рассуждая, какое решение принять, а вышли в окрестности Милета и стали осматривать поля. Увидев хорошо возделанный участок, они записывали имя хозяина. Затем хозяев этих участков собрали и, хотя не знали их вовсе, поставили во главе города.

Ибо, утверждали паросцы, только люди трудолюбивые, рачительные, заботящиеся о своем хозяйстве, будут так же добросовестно заниматься делами города. Достойные архонты¹ сделали Милет

* * * *

¹ Архонты — высшие должностные лица в городах-государствах Древней Греции.

богатым и процветающим. К этому времени тираном Милета был назначен Гистией. Человек он был умный, но чрезвычайно честолюбивый, жаждущий славы и власти. Милет находился на южном побережье Эгейского моря, за островом Самос, напротив острова Лерос. Построив свой город на северном побережье Эгейского моря, во Фракии, у входа в пролив Геллеспонт¹, Гистией значительно умножил бы свое могущество и мог бы даже помышлять о войне против Дария.

Персидские военачальники непрестанно уверяли Дария в том, что он поступил весьма опрометчиво, разрешив Гистиею, столь деятельному и хитрому эллину, строить город на северном побережье. Настанет день, говорили они, когда царю придется дорого расплачиваться за эту ошибку. Так, правдами и неправдами, военачальникам удалось убедить Дария, и он решил хитростью исправить свою оплошность.

Однажды к Гистиею явился посланник царя и обратился к нему с такими словами:

— Дарий считает, что у него нет более преданного человека, чем ты. Кто другой так горячо заботится о нем и живет его интересами? Никто! Поэтому теперь, когда в его голове зреют великие замыслы, царь желает, чтобы ты находился рядом с ним. Он так хочет поведать тебе свои планы! Он так ценит твое мнение!

Поверил или не поверил Гистией этим словам — неизвестно. Но ему не оставалось ничего другого, как отправиться в персидскую столицу к царю.

— Добро пожаловать в мой дом, дорогой Гистией! — приветствовал его Дарий. — Я убедился: высшее благо на земле — мудрый и верный друг. Дело ты доказал мне свою преданность. В искренности твоей я никогда не сомневался. Садись же, Гистией, рядом со мной. Будь моим дорогим гостем и мудрым советчиком!

Немыслимо было отказаться от царского предложения. И не потому, что Гистиею льстило доверие царя, а потому, что это было крайне опасно. Гистией понимал, что Дарий, оказывая ему такие

* * * *

¹ Современные Дарданеллы.

почести, все больше и больше связывает его золотыми путами и умело устраняет от намеченной цели.

На время своего отсутствия Гистией передал правление Милетом своему зятю Аристагору. Дарий же назначил персидским наместником этой области своего брата Артафрена, правителя Сард, в которых, как мы уже знаем, ранее правил лидийский царь Крез.

Рассказывают, что к Аристагору однажды явились аристократы, изгнанные демократами с острова Наксос. Прибывшие стали просить Аристагора помочь им возвратиться на Наксос и захватить власть. Аристагор сообразил, что если он поможет изгнанникам возвратиться на родину, то с их же помощью сможет подчинить себе остров. А затем и другие свободные эгейские острова, на которые еще не ступала нога перса.

— Ваше желание справедливо, — сказал он изгнанникам. — Но у меня нет такого войска, чтобы помочь вам осуществить ваши замыслы. Вот какая незадача! Впрочем, не стоит отчаиваться. У меня есть друг. Это персидский сатрап Артафрен. Я постараюсь уговорить его оказать вам помощь.

— Поступай как знаешь, — ответили наксосцы. — А о деньгах не беспокойся. Все расходы мы возьмем на себя.

Аристагор встретился с Артафреном.

— Хороший остров Наксос, — говорит он ему. — Правда, не большой, но красивый и хлебородный. Там много всяких богатств. А кроме того, Наксос находится недалеко от Ионии. Я прошу тебя, выступи в поход и возврати на этот остров изгнанных аристократов. Расходы я беру на себя, а тебе достанутся богатства и слава. Начав с Наксосу, мы сможем покорить и Парос, и Андрос, а также все Кикладские острова. Ста кораблей, я полагаю, нам будет достаточно.

Глаза Артафрена жадно загорелись. Предвкушая богатую добычу, он пообещал дать двести кораблей и назначил предводителем флота Мегабата.

Этот поход представлял большую опасность для эллинов, обитавших на островах.

Но замыслам Аристагора и Артафрена не суждено было осуществиться. Вот как развивались события.

Когда персидский флот еще находился на острове Хиос, ожидая попутных ветров, Мегабат, обходя однажды сторожевые посты на кораблях, на одном из них не обнаружил стражи. Разгневанный военачальник приказал схватить капитана и связать его. Капитан этот был человеком Аристагора. Узнав о случившемся, Аристагор поднялся на корабль и освободил капитана. Мегабат возмутился и решил отомстить Аристагору. Он задумал сорвать поход, тем самым опорочив Аристагора перед Артафреном. Под покровом ночи Мегабат отправил один из кораблей на Наксос, чтобы сообщить его жителям, что большой персидский флот собирается напасть на остров.

Когда же персы приблизились к острову, то увидели, что наксосцы укрепили свою столицу и хорошо подготовились к осаде. Целых четыре месяца осаждали персы во главе с Мегабатом и Аристагором наксосскую крепость, но так и не смогли ее взять. Аристагор израсходовал все полученные от изгнанников деньги. А как воевать без денег? Захватчикам не оставалось ничего другого, как несолоно хлебавши вернуться обратно.

«Видимо, теперь Артафрен обрушит свой гнев на меня. Скажет, что это я совратил его сладкими и лживыми речами. А Мегабат, конечно же, не преминет подлить масла в огонь. Он не остановится ни перед чем, чтобы только скрыть свою вину». Такие мрачные мысли терзали Аристагора, когда он возвращался из неудачного похода. Велико было его отчаяние... Но надо как-то спасти свою жизнь. «Что же предпринять?.. А что, если поднять восстание? Восстание эллинов всей Ионии против персов! А там будь что будет!»

Не только Аристагора занимала эта мысль. И Гистией помышлял о восстании. С каждым днем он все больше убеждался, что его дерзкие планы обречены на провал. Пока в Ионии будут царить мир и спокойствие, ему придется неотступно находиться при Дарии. А вот если бы эллины подняли восстание против гнета персов, царь мог бы послать его в Ионию навести порядок, и тогда в его власти было бы принимать смелые решения.

Гистией был хитрым и лицемерным человеком. Он тщательно скрывал свои мысли и был очень осторожен в своих речах. Для

того чтобы известить Аристагора о своих намерениях, Гистией решил прибегнуть к хитрой уловке. Он обрил наголо верного слугу и вытатуировал на его голове одно слово. И когда волосы отросли, слуга был послан к Аристагору как живое письмо. Слуга не знал, что написано у него на голове. Аристагору пришлось обрить ему волосы и осмотреть голову. К большому своему удивлению и радости, он прочел на голове слуги слово «восстание».

Теперь, когда и Гистией решился на восстание, события развивались стремительно. Аристагор собрал своих приверженцев. Получив необходимые указания, они разъехались по всем эллинским городам Ионии поднимать восстание. Но вот что удивляло: хотя во главе восстания стояли два тирана, во многих городах повстанцы свергали тиранов и устанавливали демократию. Таково было указание Аристагора и Гистиея. Они стремились задобрить народ и привлечь его на свою сторону.

Поскольку Аристагору был нужен могущественный союзник, он снарядил военный корабль и отправился в Спарту.

И вот сидит Аристагор рядом с царем Спарты Клеоменом и показывает ему медную доску, на которой вырезана карта земли с известными эллинам морями и реками. Показывает карту и говорит:

— Клеомен! Ваши братья ионяне, в жилах которых тоже течет эллинская кровь, поработаны. Это величайший позор и горе! Горе наше, позор наш! Ведь вы предводители всей Эллады. Я призываю вас помочь ионянам освободиться от рабства. Вам нечего опасаться, ими же правят варвары! Они не отличаются мужеством и поэтому не решатся сразиться с вами. Да и вооружению их далеко до вашего. Однако персидская держава богата золотом, серебром, шелковыми одеждами золотого шитья... Стоит лишь вам пожелать, и все это будет ваше. Вот посмотри на карту: здесь во многих землях живут персы. А вот и их столица — город Сузы — со сказочными сокровищами Дария. Зачем же вам воевать за скудную добычу с братьями по крови — мессенцами, аркадцами, аргосцами? Почему бы вам не покорить Азию?

— Красиво говоришь ты, Аристагор! — прервал его Клеомен. — Но главного ты мне так и не сказал: сколько дней пути от побережья Малой Азии до столицы персидского царя?

Замаялся Аристагор, но все-таки был вынужден сказать правду: три месяца. Тогда Клеомен ответил, что его предложения совершенно неприемлемы для спартанцев. Пусть Аристагор берет свою карту и убирается подобру-поздорову.

Тогда Аристагор, перенявший дурные обычаи азиатов, попытался подкупить спартанского царя, предлагая ему большие деньги. Клеомен отказывался, а Аристагор предлагал все настойчивее и набавлял все больше.

— Отец! Чужеземец подкупит тебя, если ты не прогонишь его, — вдруг раздался детский голос.

Это была маленькая восьмилетняя дочь Клеомена, игравшая неподалеку и слышавшая весь этот разговор.

Отрезвел Клеомен и с позором изгнал Аристагора из Спарты. Все его старания оказались тщетными.

В Афинах, куда направился Аристагор прямо из Спарты, настроения были иные. Не так давно здесь сменилась власть. Афиняне изгнали тиранов и установили демократию. Они не любили персов за их жестокий нрав, воинственность и спесь и хорошо помнили, что Гиппий, их последний тиран, неоднократно обращался к персам за помощью и подговаривал их выступить против Афин. Аристагору без особого труда удалось уговорить Народное собрание оказать ему помощь. Через некоторое время афинские корабли подошли к берегам Малой Азии. А войско из Эфеса пошло в глубь страны, вдоль реки Каистр. Переправившись через гору Тмол, афиняне прибыли в Сарды, столицу Лидии. Не встретив никакого сопротивления, они беспрепятственно захватили весь город, кроме акрополя¹, где обосновались персы. Но внезапно загорелся один из старых домов с камышовой крышей. А нужно сказать, что большинство домов в Сардах имели крыши из камыша. Огонь быстро перебросился на другие дома, и его ничем уже нельзя было остановить. Гибельный пожар охватил весь город. Перепуганные жители, боясь сгореть заживо, выскакивали из домов и с воплями и криками бежали к

* * * *

¹ Акрополь — центральная укрепленная часть города.

реке Пактол. Все это произошло так внезапно, что афиняне растерялись, решив, что персидское войско перешло в стремительное наступление, и они в страхе отступили к морю, опасаясь за свои корабли.

Этот поход афинян против персов не увенчался успехом, ведь он не был как следует подготовлен. Афиняне явно поторопились, пообещав Аристагору свою помощь.

Появление афинского войска в Ионии ускорило восстание против персидского гнета в эллинских городах Малой Азии от Кипра до Геллеспонта. Дарий призвал Гистиея к себе.

— Как Аристагор умудрился без твоей помощи поднять мятеж?

Вопрос был коварным, но хитрый Гистией не испугался.

— Твоя это ошибка, царь мой, а также тех, кто убедил тебя удерживать меня здесь, вдали от моря. Будь я в Милете, вся Иония находилась бы под моим надзором, и никто не осмелился бы восставать. Но и теперь только я могу навести порядок в Ионии. Я усмирю взбунтовавшийся народ, поймаю всех предателей и передам их в твои руки. Пошли меня в Милет!

Гистиею удалось уговорить Дария. Но он хорошо понимал, что провести Артафрена так легко, как персидского царя, не удастся.

Когда Гистией из Суз прибыл в Сарды, Артафрен тотчас его спросил:

— Как ты думаешь, почему ионяне подняли мятеж?

— Впервые слышу об этом! — отвечал Гистией с деланным возмущением. — Почему мне не сообщили об этом?!

Артафрен догадался, что Гистией притворяется, и сказал:

— Эту обувь сшил ты, Гистией, а надел ее Аристагор!

Испугавшись, что Артафрен раскрыл его замыслы, Гистией в ту же ночь бежал к морю и попытался возглавить восстание, но безуспешно.

Восставшему народу в эллинских городах было все едино: что свои тираны, что персы. К тиранам не было никакого доверия. Их с позором изгоняли из городов. Аристагор тоже был изгнан из Милета. Он бежал во Фракию, где его в скором времени убили во время одного из походов.

Жители Милета, освободившись от тирании, праздновали победу. И когда Гистией однажды под покровом ночи попытался проникнуть в город, его поймали и выдворили из страны. Тиранин направился на остров Лесбос и уговорил его жителей дать ему корабли. Получив восемь триер, Гистией стал пиратом в Геллеспонтe. Он разбойничал до тех пор, пока не попал в руки Артафрена. Тот жестоко расправился с Гистиеем: распял его на кресте, а голову отослал в Сузы царю Дарию.

Эллины Ионии самоотверженно боролись за свою свободу и независимость. Однако персы были более могущественны. Их войско жестоко подавляло восстание. Военачальники, принимавшие участие в мятеже, были вынуждены скрыться. Покинул Ионию и Мильтиад. Полководец возвратился в родные Афины, но стремление отомстить Дарию не оставляло его.

Из всех ионийских городов наиболее жестоко персы расправились с Милетом. Они победили милетян в морской битве, а затем стали осаждать город с суши и с моря. Сделав подкоп под стенами, персы разграбили и разрушили мятежный город, а уцелевших жителей продали в рабство.

Трагедия Милета была воспринята эллинами как всенародное бедствие. Когда много лет спустя поэт Фриних сочинил драму «Взятие Милета» и поставил ее в афинском театре, потрясенные зрители долго рыдали. Городские власти наказали поэта, заставив уплатить большой штраф за то, что он своим произведением растревожил старые раны и напомнил о тяжелых бедах, постигших афинян и других эллинов.

Афиняне помнили о Милете. Не забывал об Афинах и Дарий. Когда весть о взятии Сард пришла к нему, он схватил лук, натянул тетиву и пустил стрелу в небо:

— Боги! Помогите мне покарать афинян!

И велел царь своему рабу трижды в день напоминать ему за столом:

— Владыка, помни об Афинах!

Глава 10. АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Оставим Дария в гневе и ярости и перенесемся в материковую Элладу, в знаменитые Афины, могущество, богатство и величие которых в V веке до нашей эры росли день ото дня. В это время Афины становятся центром эллинского мира.

Уже известно, каким образом Писистрат взял власть в свои руки и стал тираном Афин. Когда же он умер, власть перешла к его сыновьям, Гиппарху и Гиппию, которых называли Писистратидами.

Однажды ночью, накануне большого праздника Панафиной¹ Гиппарху приснился зловещий сон. Явился ему статный и красивый мужчина, наклонился над ним и сказал: «Будь терпеливым, о лев, сердцем своим, каким бы невыносимым не было то, что ожидает тебя! Нет в этом мире человека, которого бы не постигла страшная кара за его дурные поступки».

Потрясенный Гиппарх вскочил с постели и стал заклинаниями отгонять зловещий сон. Мрачные мысли и страх одолевали его. Но несмотря на это, он пошел на праздник, так как не мог не присутствовать на торжествах. И не подозревал тиран, что на него готовится покушение. Братья Гармодий и Аристокитон, из рода Гефиреев, спрятав мечи под ветками мирта, уже поджидали Гиппарха. Они набросились на тирана и убили его. В схватке телохранителями Гиппарха был убит Гармодий... Так во время праздника Панафиной погибли тиран и тираноубийца.

Афиняне ликовали и славили юношей, спасших город от тирании. Им были воздвигнуты памятники, а народ сложил о них песни.

Брат Гиппарха Гиппий стремился во что бы то ни стало удержать власть, хотя Акрополь, где он скрывался, был уже осажден. Он окружил себя хорошо вооруженной стражей, и афинянам никак не удалось захватить его. Но тут подоспела помощь из Спарты. Спартанцы не очень-то стремились помогать афинянам, разделявшим демократические взгляды. Наоборот, они симпатизировали тиранам. Но накануне этих событий спартанцы получили предсказание Дельфийского оракула, повелевавшее освободить Афины, и не осмелились пойти против воли богов.

Чтобы спасти своих детей, Гиппий попытался тайно вывести их из Акрополя и отправить за пределы страны. Афиняне, однако, задержали детей и поставили перед тираном условие: в течение пяти дней вместе с детьми, которым они не причинили никакого зла, покинуть город. Гиппий вынужден был повиноваться, и афиняне, наконец, смогли отпраздновать полное освобождение города от тирании.

* * * *

¹ Панафиней — всенародное празднество в честь богини Афины. Длилось шесть дней и включало в себя конные и пешие состязания, бег с факелами, соревнования в хоровом пении, декламации и другое.

В жизни Афин началась новая эпоха. Вернулись обратно изгнанные тиранами граждане, и среди них — Алкмеониды, представители старого и знатного рода, которые, находясь в изгнании, всеми силами боролись против Писистратидов. Новые власти провозгласили равенство граждан и свободу слова. Равенство означало, что все без исключения граждане равны перед законом — богачи и бедные, знатного происхождения и простолюдины. Свобода слова предоставляла всем гражданам право безбоязненно высказывать свои мысли и защищать свою точку зрения.

Многие из аристократов, которые раньше осуждали тиранию, горячо поддержали новую политику и перешли на сторону народа. Так, предводителем демократов стал старый аристократ Клисфен из рода Алкмеонидов. Он был великим политиком своего времени и осуществил в Афинах коренные преобразования.

Клисфен был сыном Мегакла, принадлежавшего к роду Алкмеонидов. Мать его звали Агаристой, и с материнской стороны он был внуком тирана, которого тоже звали Клисфеном. Тиран этот правил в находившемся недалеко от Коринфа городе Сикионе. Послушайте, как Мегакл взял себе в жены дочь сикионского тирана. Это весьма забавная история.

Тиран Клисфен жил в Сикионе в роскоши и богатстве. Он был знаменит как олимпийский чемпион. На Олимпийских играх Клисфен одержал победу на четверке коней. Тиран души не чаял в своей дочери Агаристе и помышлял о том, как бы удачно выдать ее замуж. И решил Клисфен, что женихом его дочери должен стать лучший среди всех эллинов-аристократов. Поэтому тиран разослал во все концы Эллады гонцов с такой вестью: «Кто из знатных эллинов считает себя достойным называться зятем Клисфена, может в течение шестидесяти дней прибыть в Сикион. Целый год он будет его гостем и получит все, что пожелает. А в конце года состоится свадьба Агаристы с тем из женихов, которого Клисфен сочтет лучшим из лучших».

Со всех концов Эллады стали прибывать в Сикион женихи. Откуда они только не приезжали! Из Эпира и с Ионических островов, из Южной Италии и Этолии, из Аргоса и Аркадии, из Эритреи, Фессалии и других земель. Из Афин прибыло два жениха — Гиппоклид и Мегакл. Оба они были знатного происхождения. Богатством и красотой

Гиппоклид выделялся среди всех женихов. Он сразу понравился Клисфену, но хитроумный тиран решил испытать всех претендентов на руку его дочери. В течение целого года Клисфен испытывал их волю, ум и характер.

И вот наступил долгожданный день. Клисфен принес в жертву богам сто быков и устроил роскошное пиршество. В конце пира тиран должен был объявить, кого из женихов он выбрал. Тут же должно было состояться и обручение.

После угощения женихи завели разговор о музыке и танцах, продолжая осушать кубки с вином. В самый разгар веселья Гиппоклид приказал принести ему стол, а флейтисту велел играть веселый мотив. Ко всеобщему удивлению, он вскочил на принесенный стол и стал, кривляясь и заливаясь смехом, танцевать лаконские и аттические танцы. Не понравилось это Клисфену, а он уже было приготовился назвать Гиппоклида своим зятем. Но что делать? Пришлось ему сдержаться. Когда же Гиппоклид, встав на голову и высоко задрав ноги, принялся исполнять акробатические трюки, Клисфен не мог больше молчать и закричал:

— О, Гиппоклид! Ты потерял невесту!

У богатого и красивого Гиппоклида был уже готов ответ:

— Что за дело до этого Гиппоклиду?!

С тех пор ответ Гиппоклида ходит по миру как поговорка.

А Клисфен отдал свою дочь другому аристократу из Афин — Мегаклу.

Жители близлежащего города Фивы, а также соседних островов — Эгины и Эвбеи — не могли радоваться, видя, как крепнет могущество Афин. Не нравилось им, что город играет все более значительную роль в жизни Эллады. Много раз они пытались воспрепятствовать процветанию Афин, но идеи демократии были горячо восприняты всеми гражданами, и все считали защиту родного города своим священным долгом, решительно пресекая происки врагов. Поэтому недоброжелатели ничего не смогли добиться.

Расцвет Афин беспокоил также и спартанцев, которые считались первыми среди эллинов. Они ни за что не хотели, чтобы росли могущество и слава противника. Чтобы воспрепятствовать этому, спартанцы

решили осуществить один план. Послав вестника к Геллеспонту, они пригласили в Спарту сбежавшего туда Гиппия. Затем они послали гонцов к союзникам с просьбой прислать своих людей в Спарту на совет. Вот с какими словами обратились спартанцы к собравшимся:

— Мы признаем, что поступили опрометчиво, оказав помощь Афинам в изгнании Гиппия и способствовав тем самым установлению демократии в этом городе. Мы плохо обошлись с нашим верным другом. Мы отдали город на произвол неблагодарного народа, который поднял голову и даже помышляет пойти против Спарты! Пока не поздно, мы должны исправить свою ошибку. Поэтому, уважаемые союзники, мы послали за Гиппием, чтобы с вашей помощью вернуть его в Афины и, уничтожив демократию, восстановить тиранию. Только тогда, когда наш друг будет тираном в Афинах, мы сможем жить в мире и спокойствии.

Большинству посланников не пришлось по душе такие речи. Воцарилось тягостное молчание. Но тут взял слово посланник Коринфа и сказал:

— Поистине земля и небо перевернутся, рыбы выйдут на сушу, а люди войдут в море, если вы, спартанцы, решитесь уничтожить демократию и восстановить тиранию в свободных Афинах. Поистине, нет ничего более несправедливого в мире и более омерзительного, чем тирания. Если вы в самом деле считаете, что городами должны править тираны, то прежде у себя поставьте у власти тирана, а потом уж навязывайте тиранов остальным. Но ведь вы изо всех сил стараетесь, чтобы это зло обошло стороной вашу землю. Желаете его другим! Если бы вы испытали, что такое тирания, как испытали это мы, вы давали бы нам более разумные советы.

Услышав такие слова коринфского посланника, осмелели и представители других городов. Они заявили, что считают замыслы спартанцев недостойными. Так провалились коварные замыслы спартанцев против Афин. Отчаявшийся Гиппий уехал в Персию и, предав родину, перешел в лагерь своих прежних врагов.

Был глубоко прав посланник Коринфа, говоря столь суровые речи о тиранах. Тридцать лет подряд правил Коринфом Кипсел. Он был жестоким правителем. Многих граждан он изгнал, многих убил или

разорил, лишив денег и имущества. После смерти Кипсела престол унаследовал его сын Периандр. Он из года в год становился все кровожаднее и в жестокости превзошел отца. Зверства Периандра не знали предела. Он убил даже свою жену Мелиссу. Когда об этом узнал сын Периандра, то стал замкнутым и молчаливым. Он перестал разговаривать с отцом, убийцей матери, и не отвечал на его вопросы. Периандр в страшном гневе изгнал сына из дома. До конца своей жизни сын не смог простить отцу этот ужасный поступок...

Однажды коринфский тиран послал гонцов к оракулу, находившемуся неподалеку от реки Ахеронт в Эпире, разузнать у мертвых, где спрятан один клад. Посланникам явилась тень Мелиссы.

«Я не открою вам,— сказала тень,— где находится этот клад. Я совершенно нагая и поэтому сильно мерзну. Когда меня хоронили, то не положили вместе со мной достаточно одежд. Да и теми, которые были положены, я не смогла воспользоваться. Ведь они не были сожжены вместе со мной».

Узнав об этом, Периандр велел собрать всех коринфских женщин в храме Геры. Они пришли, нарядившись в красивые одежды, как на праздник. Периандр окружил женщин стражниками и велел раздеться догола, всем без разбора — знатым господам и рабыням. Затем он собрал всю их одежду и сжег, принеся в дар мертвой, безжалостно убитой своей жене Мелиссе, чтобы она не страдала от холода на том свете. Делалось это не из сострадания к Мелиссе, а лишь для того, чтобы она открыла, где находится клад.

Вот каким гнусным и отвратительным человеком был коринфский тиран Периандр.

Глава 11. МАРАФОНСКАЯ БИТВА

У Дария был зять по имени Мардоний. Именно его решил назначить царь главным военачальником в походе персов на Элладу. И не только потому, что он доверял ему больше других, но еще и потому, что хотел дать своему зятю возможность прославиться. Предстоящий поход представлялся спесивым персам приятной прогулкой.

Когда наступила весна, у берегов Малой Азии собралось огромное персидское войско, а также флот. Переправившись через Геллеспонт, полчища персов направились во Фракию и Македонию. На своем пути персы грабили и опустошали эллинские города. Флот же не стал

пересекать Эгейское море, чтобы кратчайшим путем попасть в Элладу, а двигался вдоль побережья Малой Азии на север. Не встретив никакого сопротивления, персы покорили остров Фасос, который в те времена был исключительно богат благодаря своим золотым рудникам. Затем персидский флот, повернув на запад, двинулся вдоль македонских берегов.

Но тут вмешались боги... Когда флот огибал первый мыс полуострова Халкидика, называемый Афоном, на него обрушился страшный ураган. Корабли сталкивались и с треском разламывались. Некоторые корабли были выброшены на берег и сильно пострадали. Часть флота разбилась об афонские утесы. Триста кораблей потеряли персы во время шторма. Это была подлинная катастрофа. В морской пучине погибло двадцать тысяч человек. Никому из терпящих бедствие не удалось выбраться на сушу. Ведь в те времена море кишело хищными рыбами, и невозможно было спастись от их страшных зубов.

Пешему войску тоже был причинен громадный урон. Фракийцы из племени бригов однажды ночью внезапно напали на персидский лагерь. Много воинов было убито, а сам Мардоний был тяжело ранен. Страшные вести о жестоком крушении флота у берегов Афона окончательно сломили его. Собрав уцелевших воинов, Мардоний возвратился в Азию. Так бесславно окончился этот поход персов против Эллады.

Между тем гонцы, посланные за персами в Элладу накануне похода, ездили по эллинским городам, требуя «земли и воды» в знак подчинения Великому Царю персидской державы. Жители некоторых маленьких городов в страхе и смятении изъявили Дарию покорность. Сопротивление огромному персидскому войску казалось им делом безнадежным. Но из большинства эллинских городов, могущественных и гордых, персидские гонцы изгонялись с позором. Некоторые из них исчезли бесследно...

Прошел год. Ничему не научило Дария поражение Мардония. Наоборот, он еще больше утвердился в своих воинственных намерениях. Дарий не мог забыть случившегося. Да и как тут забудешь? Раб ежедневно напоминал ему за столом:

— Владыка! Помни об Афинах!

И если бы только раб... Без устали твердил о том же и Гиппий, бывший афинский тиран. Он бежал в Персию в надежде на то, что Дарий, поработив его соотечественников, вернет ему власть. Вместе с Гиппием был и Демарат, спартанский царь, который был изгнан из Спарты и сбежал к персам.

Большую выгоду рассчитывал Дарий извлечь из междоусобной розни эллинов. Он считал, что именно вражда между различными эллинскими государствами поможет ему легко завоевать всю страну.

Были собраны новое сухопутное войско, новая конница и новый флот из шестисот кораблей. Предводителями войска Дарий назначил мидянина Датиса, а также своего племянника Артафрена, сына того, другого Артафрена, который вам уже известен.

На этот раз войско и конница поднялись на корабли. Вместе с персами плыл в Элладу и Гиппий. Теперь и речи быть не могло о прежнем маршруте. Когда персы вспоминали об Афоне, у них от страха дрожали колени. Отплыв от Самоса, персидский флот направился к Кикладским островам...

Причалив к берегам острова Наксос, персы сожгли дотла его города и разорили его святилища. Жители, спасаясь, бежали в горы. Персы уже не помышляли о том, чтобы подчинить себе эту землю, а стремились отомстить островитянам, разрушая все на своем пути. Затем, покинув Наксос, персидский флот взял курс на Делос.

Что представляет из себя Делос? Это совсем крошечный островок. Однако в истории он играл весьма важную роль. Остров был знаменит и даже считался священным: по преданию, здесь родились великие боги Аполлон и Артемида. Поэтому Делос был местом паломничества всех эллинов, и прежде всего островитян. Здесь устраивались пышные празднества, и тогда святилища наполнялись богатыми приношениями.

К счастью, персы не разорили остров. Побоялись эллинских богов. Полководец Датис в их честь даже воскурил фимиам на большом алтаре. Затем персы двинулись дальше. В пути они заходили в гавани многих островов и набирали войско. А еще подчиняли жителей персидскому царю, брали пленных и заложников...

Как только персы отплыли от Делоса, на острове впервые за всю

его историю произошло страшное землетрясение. Это было не что иное, как знамение богов, предвещавшее бурные события. И случилось многое...

На западном побережье Эвбеи находился большой город Эретрия. И вот к нему приблизился персидский флот. Панический страх охватил жителей города. Одни утверждали, что нужно все бросать и спасаться бегством в горы, другие уверяли, что необходимо сдать город персам, чтобы неприятель его не разрушил. Шесть дней продолжалась осада Эретрии, а на седьмой день ее предали. И предали не какие-нибудь подлые людишки, а двое почтенных горожан, свято веривших, что, предавая город, они спасают его от разорения. Однако предательство не спасло Эретрию. Разорив все святилища, персы предали ее огню и мечу. Жителей города, связанных по рукам и ногам, персы бросали в трюмы своих кораблей. Страшный товар для невольничьих рынков! Как знать, может быть, среди пленников были и те двое предателей. Багряное зарево пожара, плававшее над Эретрией в те страшные ночи, предвещало беду для близлежащей Аттики.

Враг уже совсем близко. Но где он пристанет к берегу? Куда двинется неприятельское войско? Откуда ждать нападения?

Гиппий отлично знал эти места и направил персидский флот в Марафонский залив. Конница, которую персы привезли с собой, могла успешно действовать только на равнинной местности. А флоту необходима была безветренная бухта для надежной стоянки. Марафонский залив и оказался наиболее подходящим местом.

То, что должно было произойти, совсем не походило на обычную войну. Близилось жестокое сражение не на жизнь, а на смерть между двумя мирами. Совсем скоро Запад и Восток сразятся под Марафоном. И станет ясно, кто победитель, а кто побежденный. Восточный деспотизм столкнется со свободолюбием молодой афинской республики, где каждый гражданин в ответе за судьбу и процветание своей родины.

Страх и смятение наполняют сердца эллинов и персов. Нервы у всех напряжены до предела... Гиппию приснилось, будто он спит возле своей мертвой матери. Но сон не ужаснул его. Он истолковал

этот сон так, что вернется в Афины и умрет в объятиях своей великой Матери-Родины.

Когда же Гиппий отдавал приказания, где какому кораблю расположиться в Марафонском заливе, на него вдруг напал такой сильный кашель, что его зубы (а был он уже глубоким старцем) все сразу зашатались. А один даже выпал и упал на песок. Напрасно искал его Гиппий. Зуб так и не нашелся, как будто его поглотила земля. Случившееся сильно огорчило Гиппия.

— Если сама земля против меня, — сказал он, — как же я смогу ее покорить? Мой зуб — единственное, что принадлежит мне здесь.

Смертельная опасность нависла над Афинами. Но граждане города были полны решимости защитить свою свободу и независимость с оружием в руках.

Узнав о высадке персов, афиняне прибегли к помощи скорохода Фидиппида. Это был необыкновенно быстрый скороход. Он мог без усталости шагать много дней подряд, чтобы вовремя доставить срочное сообщение. Афинские стратеги¹ послали Фидиппида в Спарту за помощью. Как на крыльях мчался скороход. Расстояние от Афин до Спарты Фидиппид преодолел необычайно быстро — в два дня.

— Спартанцы! — сказал он, представ перед советом старейшин. — Почему вы бездействуете? Персы вторглись в Аттику, и Афины в опасности! Нет больше Эретрии — она сожжена. Потеряв ее, Эллада стала бедной и беззащитной. Разве вы можете допустить, чтобы наш древний и славный город Афины был поработен варварами?

Тщательно все взвесив, спартанцы решили оказать помощь Афинам. Но как тут быть? Древний закон страны запрещал им выступать в поход до наступления полнолуния. А ждать нужно было бы еще примерно неделю. «Пусть потерпят афиняне немного, пусть сделают все, что могут. Наша помощь придет, как только луна станет полной». Вот так ответили спартанцы на просьбу афинян. Правду ли они говорили, или это была всего лишь отговорка? Как знать... Вернувшись в Афины, Фидиппид в точности передал стратегам безра-

* * * *

¹ Военачальники, ведавшие в Афинах всеми военными делами.

достный ответ спартанцев. Видя, в какое уныние повергли стратегов его слова, Фидиппид стал уверять, что боги не оставят афинян в грозной беде. Ведь когда он бежал в Спарту, то в Аркадии на горе Парфений, что выше Тегеи, в жаркий полдень он вдруг услышал, как кто-то окликнул его зычным голосом:

— Эй, Фидиппид! Спроси-ка у афинян, почему это они пренебрегают мною? Ведь раньше я всегда помогал им, и в этот горький час я их тоже не брошу.

Фидиппид оцепенел от страха. В ярком полуденном свете он вдруг отчетливо увидел перед собой Пана, великого бога Аркадии. Того самого, у которого были козлиные ноги.

И афиняне действительно поверили, что Пан их поддержит в стремительной схватке с персами. Когда миновала беда и жизнь вернулась в старое русло, они воздвигли под Акрополем святилище Пана и ежегодно приносили богу роскошные жертвы, а также устраивали в его честь спортивные состязания.

Десятерых стратегов выбрали афиняне руководить городским ополчением. Каждый из них возглавил военный отряд. Самым опытным среди стратегов был Мильтиад. Он лучше всех знал персов, изучил их нравы и обычаи, их военную тактику и вооружение. Когда он был тираном Херсонесским на Геллеспонте, ему пришлось неоднократно сражаться с персами. Он, как вы помните, участвовал в скифском походе Дария и предложил разрушить мост через Истр. Персы ненавидели Мильтиада. Он тоже презирал их, но никогда не боялся. Долго и упорно охотились персы за Мильтиадом и однажды даже поймали, но полководцу все-таки удалось вырваться из их рук. Тогда персы пленили сына Мильтиада и увезли в Сузы...

Мнения стратегов разделились, а это не предвещало ничего хорошего. Одни предлагали вступить в битву у Марафона, другие были против.

— Нас слишком мало, — говорили первые. — Было бы ошибкой далеко уходить от города. Лучше всего укрыться за городскими стенами и обороняться до тех пор, пока не подоспеет помощь союзников.

Другие стратеги возражали:

— Но тогда в городе начнется голод! Большую часть продоволь-

ствия мы получаем с Эвбеи. После сожжения Эретрии и высадки персов у Марафона все пути отрезаны.

Кроме десяти стратегов, в военном совете принимал участие полемарх, главный военачальник, мнение которого было решающим. Его звали Каллимах. Имя полемарха вошло в историю. И не только потому, что он сделал правильный выбор при голосовании в столь грозный час, но еще и потому, что Каллимах храбро дрался с персами и погиб в бою, защищая свою родину. К нему-то и обратился Мильтиад с такими словами:

— Рассуди, Каллимах! От тебя теперь зависит, быть Аттике поращенной или свободной. Если твой выбор будет верным, имя твое прославится в веках, как и знаменитые имена Гармония и Аристогона. С тех пор как существуют Афины, никогда еще городу не грозила такая неотвратимая опасность. Что же нам делать? Покориться врагам? Ты ведь знаешь, что тогда ожидает всех нас. Вспомни Эретрию, вспомни Гиппия, который привел персов в наши земли. Необходимо спасти Афины, первый город среди всех эллинских городов! Я не боюсь персов. Их много, но они плохо вооружены. Они жестоки и бессердечны. Это рабы по духу. Если только боги не вмешаются и не помогут персам, вот увидишь, мы легко справимся с ними. Но если мы не решимся на битву, страх закрадется в сердца стратегов, и между нами начнется вражда. Действие закаляет людей. Итак, решайся! Все зависит от того, скажешь ты «да» или «нет».

Каллимах был настоящим патриотом и решительным человеком. Поэтому он сказал «да», присоединив свой голос к предложению Мильтиада. Решено было дать бой врагу у Марафона. Вовремя подошла помощь от верных союзников афинян — платейцев, жителей небольшого беотийского городка Платей. Тысяча храбрых воинов — слишком мало для предстоящего грандиозного сражения! Но афиняне и этому радовались. Ведь помощь платейцев была единственной, которую они получили.

Персы выстроили в Марафонской долине свою огромную конницу и неисчислимое сухопутное войско дугой, тылами к морю. Афинян было десять тысяч, а вместе с платейцами — одиннадцать. Кроме того, за воинами следовало около десяти тысяч рабов с легким оружием — луками и пращами.

Стратеги единогласно поручили командование Мильтиаду. Он расположил эллинское войско у подножия горы, которая теперь называется Агрилики, с тем чтобы преградить путь к Афинам, а также чтобы защититься от возможного нападения вражеской конницы. Ведь у афинян конницы не было.

Мильтиад выстроил эллинские отряды в боевую линию с таким расчетом, чтобы она по протяженности была равна персидской. И эта боевая линия тоже имела форму дуги. Но поскольку сил не хватало, Мильтиад вынужден был меньше всего воинов оставить в центре, а основные силы сосредоточить по краям дуги, на левом и правом флангах. Правым флангом командовал Каллимах. На левом фланге выстроились платейцы. На эти фланги и опиралась боевая линия эллинов. Это был как бы легкий мост с мощными опорами. Восемь стадий разделяли эллинов и персов.

Афиняне совершили жертвоприношения, моля богов о помощи. Получив счастливые предзнаменования, воины рвались в бой. И вот наконец раздался боевой клич. Это Мильтиад дал сигнал к наступлению. Стараясь не нарушать свою боевую линию, афиняне сначала быстрым шагом, а затем бегом устремились на неприятеля. Впервые эллины решились сами напасть на персов.

Персы растерялись. Имея численный перевес в десятки раз, они не ожидали, что афиняне первыми вступят в бой. «Что происходит?», «Они что, обезумели?!» — удивлялись персы, видя, с какой одержимостью эллинские отряды мчатся на их боевые порядки. Их объел панический страх.

Персы вынуждены были принять бой. Рев разъяренных воинов и лязг железа разносились над Марафонской долиной. Небо покрылось облаками пыли, вздымаемой бегущими воинами и лошадьми. Воин налетал на воина, копьё скрещивалось с копьём, а щит ударялся о щит. Одни воины неистово кричали, чтобы устрашить неприятеля, другие с предсмертными воплями как подкошенные падали наземь. Одни выпускали из луков свистящие стрелы, другие раскручивали пращи, и тяжелые камни сеяли вокруг смерть. А там, где вспыхивали жаркие рукопашные схватки, преимущество было на стороне хорошо закаленных борьбой и гимнастическими упражнениями эллинов.

Нечеловеческая сила вселилась в афинян. Они сражались ярост-

но и одержимо. И казалось афинянам, что рядом с ними в одном строю сражаются боги и легендарные герои, отозвавшиеся на мольбу о помощи. Им чудились Геракл, у святилища которого расположилось станом афинское войско, а также синеокая богиня Афина, которая была афинянам ближе всех других богов.

Один афинянин по имени Эпизел сражался храбро, как лев. Но вдруг тьма застлала его глаза и он лишился зрения, хотя никто не поразил его ни стрелой, ни мечом. После битвы Эпизел рассказывал своим приятелям:

— В самый разгар боя вдруг предстал передо мною тяжеловооруженный воин огромного роста. Его длинная борода отбросила большую черную тень на мой щит. Этот воин опередил меня и стал рубить персов налево и направо! Не иначе кто-то из богов оказывал нам помощь. Блеск его доспехов и ослепил меня...

Долгое время после битвы крестьяне из Марафона ночью обходили стороной Марафонскую долину. Им слышались лязг оружия, голоса воинов, ржание коней. С гор доносилась тяжелая поступь Аполлона и Артемиды. Они видели, как порой копьё Афины молнией разрывает мрак. Объятые ужасом, крестьяне вслушивались в перекаты громкого саркастического смеха. Не Пана ли?

Как мы уже знаем, численно персы превосходили эллинов в десятки раз. Они легко прорвали их слабый центр и стали преследовать отступающих. На это и рассчитывал Мильтиад. Все дальше и дальше уходили от основных сил прорвавшиеся персы.

В это же время на флангах афинянам удалось обратить персов в бегство. Но они не бросились преследовать бегущих, а сомкнутыми рядами повернулись против неприятеля, углубившегося в центр Марафонской долины. Это были как бы рога быка, которыми теснили противника к морю. Вступил в силу стратегический план Мильтиада.

Левым и правым флангами, этими «рогами быка», афиняне удерживали неприятельские отряды и теснили их все дальше и дальше к морю. И тут Мильтиад решил пойти на хитрость. Он отдал приказание прекратить преследование неприятеля, сомкнуть фланги и вернуться обратно. Так персам, углубившимся в центр Марафонской долины, был нанесен удар с тыла. Они оказались зажатыми

между двумя эллинскими отрядами. В рядах персов началась паника. С криками ужаса и отчаяния, наталкиваясь друг на друга, персы обратились в беспорядочное бегство...

Побросав оружие, воины из последних сил бегут к морю. К кораблям, скорее к кораблям! Бегущих персов преследуют объединившиеся афиняне. Град стрел, копий, камней летит им вдогонку.

Спасения нет, и персы бросаются в море. Преследователи в нерешительности останавливаются на берегу. Что же делать? Враг уходит из рук. И вот, опьяненные победой, воины бросаются в воду, стремясь во что бы то ни стало захватить персидские корабли и удержать их. Кинегир, сын Эвфориона, хватается рукой за корму одного из кораблей. Персы отрубают ему руку. Так рубят канаты, когда корабль уходит в море. Тогда Кинегир хватается за корму другой рукой. Ему отрубают и эту руку...

Так погиб Кинегир, сын Эвфориона, брат великого поэта Эсхила, который тоже принимал участие в сражении при Марафоне. Честь и слава доблестному воину! Так, только так побеждают!

Семь кораблей захватили афиняне. Остальным же удалось поднять паруса...

В Марафонской долине пало шесть тысяч четыреста персов. Афиняне потеряли убитыми сто девяносто два человека, и в их числе Каллимаха и других видных афинских граждан.

С радостной вестью о победе, как на крыльях, мчится в Афины гонец. Старики, женщины и дети ждут не дождутся вестей с Марафона. И вот кто-то показался вдалеке...

— Победа! — крикнул, задыхаясь, окровавленный, покрытый пылью гонец и упал замертво.

В память об этом славном подвиге с тех пор проводятся состязания в марафонском беге на 42 198 метров.

Поднявшись на корабли, персы вовсе не собирались покидать Аттику. Они двинулись вдоль побережья и, обогнув мыс Суний, достигли Фалера, который был тогда гаванью Афин. Персы рассчитывали, что афинское войско еще не вернулось с поля сражения и что им удастся овладеть городом. Но Мильтиад разгадал этот коварный

замысел. Он отдал приказание тотчас оставить лагерь, расположенный у святилища Геракла, и возвращаться в Афины.

Войско подошло к афинскому берегу и остановилось в местности, которая в древности называлась Киносарг. Был разбит лагерь, как и в Марафонской долине, у святилища Геракла.

На другой день персидские корабли подошли к Фалеру и увидели на берегу выстроившихся в боевые порядки афинян. О захвате Афин не могло быть и речи. Датис и Артафрен отдали приказание о возвращении в Азию. Страшен был гнев Дария, но продолжать поход не было никаких сил. И не потому, что войско понесло огромные потери и не могло больше вступить в бой. Просто персы были сломлены. Афины оказались слишком крепким орешком для персидских зубов!

Только когда персидские корабли скрылись за горизонтом, эллины, наконец, по-настоящему порадовались победе и отпраздновали ее. После полнолуния спартанцы, как и обещали, прислали двухтысячный отряд. Никак не могли они поверить, что битва уже состоялась и что афиняне победили без их помощи. Спартанцы попросили разрешения побывать на поле битвы у Марафона и осмотреть захваченные трофеи. Увиденное потрясло спартанцев. Они умели воевать и могли по достоинству оценить то, что произошло в Марафонской долине. Воздав хвалу афинянам, спартанцы возвратились домой. Слишком поздно явились они и разделить лавры победителей уже не могли.

Вот какое сражение произошло при Марафоне 12 сентября 490 года до н. э. Запомните эту одну из самых великих, самых славных дат в мировой истории.

Глава 12. КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Когда в Сузы пришла черная весть о поражении персов при Марафоне, многие опечалились и надели траур, многие огласили город стонами и плачем. И только бессердечный и жестокий Дарий, как и прежде, упорствовал в своем стремлении отомстить афинянам, и гнев его рос день ото дня. Не таких вестей ждал царь из Эллады... Не медля, принялся он за дело: разослал всем народам, населявшим его бескрайнюю державу, свое царское повеление снаряжать новое войско, готовить новую конницу и строить новый флот. На этот раз Дарий потребовал еще больше воинов, кораблей, коней и продоволь-

ственных припасов, чем раньше. Три года длились приготовления к очередному походу на Элладу. В движение пришла вся Азия. Была объявлена всеобщая воинская повинность, народы облагались непомерными налогами. Ведь нужно было как-то покрыть огромные военные расходы...

Между тем против персов подняли восстание египтяне. Дарий стал еще усиленнее готовиться к походу, но никак не мог решить, против кого сначала выступить — против эллинов или же против египтян... Через год после восстания в Египте персидского царя внезапно настигла смерть. Дарий умер, так и не успев покарать упрямых афинян. А ему так этого хотелось!

После кончины Дария царем над персами стал его сын Ксеркс. Это был высокий красивый юноша. Он предпочитал наслаждаться жизнью в праздности и покое царского дворца, поражавшего роскошью и великолепием. Поначалу Ксеркс и не помышлял о военном походе в Европу. Ему было вполне достаточно того, что удалось подавить восстание в Египте. Но царя окружали честолюбивые придворные, жаждавшие подвигов и славы и подстрекавшие его к войне. Стали придворные звать к самолюбию царя.

— Владыка! — обращался к Ксерксу его двоюродный брат Мардоний. — Где это видано — оставлять афинян, причинивших нам столько зла, безнаказанными? Чем тогда ты прославишься? И как подвластные народы будут считаться с нами и уважать нас? О, если бы ты знал, какая прекрасная страна эта Эллада! Только такому царю, как ты, она должна принадлежать...

Мудростью Ксеркс не отличался. Ему без труда можно было внушить что угодно. Царь охотно верил слухам и наговорам и, утратив самообладание, совершал опрометчивые поступки. Потом Ксеркс раскаивался в содеянном, но тем не менее через некоторое время, всплыв, мог опять творить безрассудства.

Так вот, мало того, что Ксеркс задумал выступить в поход против Афин. Считая, что он самый великий в мире царь, Ксеркс пожелал командовать и самой большой в мире армией. И стал царь умножать свое и без того огромное войско...

В один из дней Ксеркс собрал в царских палатах персидских вельмож на совет и обратился к ним с такими словами:

— С тех пор как я на троне, меня больше всего заботит мысль о том, как расширить пределы персидской державы. Я хочу быть достойным моих предков и считаю своим долгом покарать афинян за оскорбление, нанесенное моему отцу. Я уверен, что наш поход на Элладу увенчается успехом. Один эллин, толкователь оракулов, прибывший сюда вместе с Гиппием, утверждает, что сами боги предписывают персидскому царю, преодолев Геллеспонт, объединить Европу с Азией. Я возведу мост через Геллеспонт и опустошу всю Элладу. И если это свершится, то никто из людей, живущих к западу от Эллады, не осмелится восстать против нас. И тогда солнце, совершая свой путь с востока на запад, будет освещать своими лучами страны и народы, принадлежащие мне!

— О могущественнейший владыка! — воскликнул Мардоний. — Ты самый великий из всех прежде бывших и будущих! Слова твои справедливы и прекрасны. Великое благодеяние для нас, что ты не позволишь этим ничтожным эллинам издеваться над нами. Эллины так поглощены междоусобными распрями, что ты легко покоришь Элладу.

Другие же персидские вельможи сидели молча, склонив головы. Никто не осмеливался возразить Мардонию. Но все-таки нашелся один человек, не побоявшийся высказать свое мнение. Это был брат Дария и дядя Ксеркса Артабан.

— И ты туда же, Ксеркс? Я не советовал твоему покойному отцу идти походом на скифов, в столь отдаленные земли. Но он меня не послушал и потерпел позорное поражение. Ты, о царь, желаешь теперь сразиться с эллинами, которые умеют прекрасно воевать и на суше, и на море. Если ты мне не веришь, спроси Датиса и Артафрена. Они тебе расскажут, что им довелось пережить. Ведь если эллины одержат победу в морской битве и разрушат мост через Геллеспонт, что мы будем делать? Разве не то же самое угрожало твоему отцу на Истре? Ты лучше хорошенько поразмысли, прежде чем начинать задуманное. Ни к чему тебе мчаться в Элладу очертя голову. Ведь боги быстро охладят твой пыл. Ты же, Мардоний, перестань болтать об эллинах всякие глупости! Пора тебе прекратить эти недостойные речи. Ты можешь поплатиться за свою болтовню. Того и гляди, твой труп окажется где-нибудь в канаве в Афинах или в Спарте, и его

разорвут злые псы и расклюют черные вороны. И это будет достойным тебе наказанием за то, что ты подстрекаешь царя на войну против Эллады!

— Благодарю богов, Артабан, что ты брат моего отца! Иначе не миновать бы тебе кары за твои вздорные речи. Ты — малодушный трус! Я не возьму тебя в поход на Элладу, а оставляю здесь с женщинами. Ты слышишь: поход состоится! Если я не выступлю против эллинов, они нападут на меня!..

Совет закончился далеко за полночь. Как только Ксеркс остался один, его стали одолевать сомнения. Необъяснимый страх закрадывался в душу, и смятение его все возрастало. Царь теперь сожалел, что оскорбил Артабана, и опасался последствий. И хотя на совете Ксеркс выглядел грозным и неприступным, на самом же деле его утрастили зловещие слова Артабана. А что, если и правда его ожидает беда? Нет, уж лучше не думать об этом...

Измученный тревожными мыслями, царь лег спать. С трудом удалось Ксерксу уснуть. И приснился ему такой сон: статный, красивый мужчина предстал перед ним и промолвил: «Не меняй своего мнения! То, что решил днем, не должно меняться вечером. Смело иди по избранному пути! Ты ведь велел персам собирать войско. Теперь война неминуема».

Сказав это, человек вдруг взлетел в небо и исчез.

Ксеркс не на шутку испугался. Но на другой день он ни словом не обмолвился об этом странном сне. Вновь созвав персидских вельмож на совет, царь сказал:

— Простите меня, вельможи! Я молод и не в меру дерзок. Некоторые из вас прожужжали мне уши, подстрекая меня начать войну. Я сожалею, что так грубо и неуважительно разговаривал вчера с таким почтенным и мудрым мужем, как Артабан. В гневе своем я вел себя недостойно. Будьте покойны: я не пойду в поход на эллинов!

Возрадовались персидские вельможи, услышав такие речи. Ведь новой изнурительной войны они не желали. И только Мардоний, Гиппий и Демарат огорчились, услышав о новом решении царя.

Ночью Ксерксу снова явилось видение.

«Как ты посмел пренебречь моими советами? — сказал призрак. —

Берегись, Ксеркс! В мгновение ока ты можешь потерять славу и могущество!»

В ужасе вскочил царь с ложа. Раньше он опасался, что слова Артабана окажутся справедливыми. Теперь же Ксеркса страшило то, что сбудутся предсказания призрака. А ему так нравится жить без забот и тревог, упиваясь безраздельной властью! И уж совсем не хотелось бы терять трон...

Нерешительный и неопытный Ксеркс не знал, что ему предпринять.

После долгих сомнений царь разбудил одного из слуг и послал его за Артабаном.

— Я обидел тебя, добрый мой Артабан, — сказал царь со слезами на глазах своему дяде, когда тот явился. — Прости меня! Я был не в своем уме... Теперь же я хочу поступить так, как ты считаешь нужным. Но как это сделать, когда дурные сны мучают меня? Это, верно, кто-нибудь из богов посылает мне зловещие видения. Но тогда и тебе этот бог должен повелевать то же самое. Давай немедля все рассудим. Ты оденешь мои царские одежды и сядешь на трон. А отдыхать ты будешь на моем ложе. Посмотрим, какой сон тебе приснится...

— Напрасно ты мучишь себя, дитя мое! — отвечал Ксерксу Артабан. — Не от богов исходят дурные предзнаменования. Сны, которые по ночам витают над людьми, не что иное, как отзвук наших повседневных забот и тревог. Сны порождает наше воображение. Ну, а если это и правда божественное предзнаменование, то зачем же мне облачаться в твои одежды? Чтобы рассердить богов? Впрочем, раз ты настаиваешь, пусть будет по-твоему! Я лягу на твое ложе, и посмотрим, что произойдет. Ну, а пока позволь мне оставаться при своем мнении: нам война не нужна.

И вот Артабан сладко спит на царском ложе. Ксеркс дремлет в соседнем покое. Внезапно душераздирающий крик нарушает ночную тишину. Перепуганный до смерти Артабан вскакивает с ложа и бежит к Ксерксу...

Артабану во сне явился огромного роста мужчина и все пытался

выжечь ему глаза раскаленным железом. Вот что сказал он Артабану: «Это ты всеми силами препятствуешь походу Ксеркса на Элладу? Это ты твердишь, будто тебя больше всех заботит безопасность и благополучие царя? Разве тебе неизвестно, что никто и никогда не должен противиться судьбе? Война между персами и эллинами — это веление Рока. Ксерксу уже известно, что его ждет в случае неповиновения...»

Слушая рассказ Артабана, Ксеркс дрожал от страха. А перепуганный Артабан сбивчиво продолжал:

— Я уже стар, царь мой!.. Чего только не повидал я на своем веку! Не раз довелось мне видеть, как слабые и ничтожные побеждали великих и могущественных. Я стремился для твоей же пользы уберечь тебя от юношеского безрассудства. Но теперь мне нечего сказать. Ведь таково веление богов! Поход на Элладу должен состояться.

На другой день всем жителям Суз стало известно, какие сны приснились Ксерксу и Артабану. Все понимали, что теперь ничто не в силах отвратить поход против эллинов.

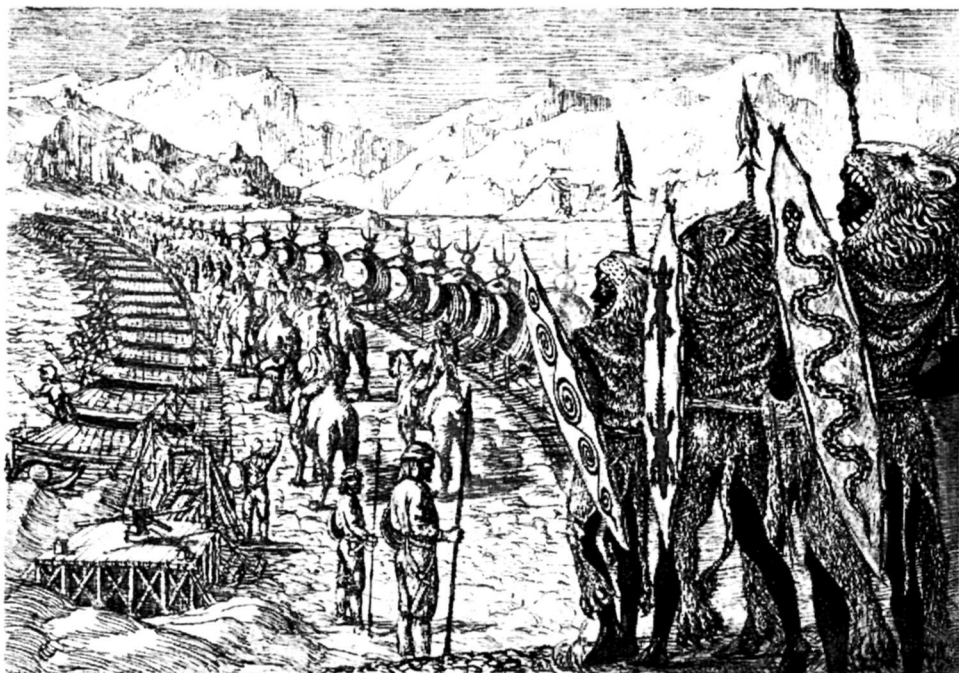
Ксерксу приснился еще один вещий сон. Ему снилось, будто он увенчан оливковой ветвью и что такими же оливковыми ветвями покрылась вся земля. Но внезапно венец исчез с его чела...

Придворные маги поспешили истолковать сон:

— Персидский царь Ксеркс завоюет всю землю! Не останется в мире человека, который бы не покорился его власти!

А воинские отряды все прибывали и прибывали в столицу со всех концов необъятной разноязычной державы.

Глава 13. АЗИЯ ВТОРГАЕТСЯ В ЕВРОПУ

Со времени Марафонской битвы прошло десять лет. Именно десять лет понадобилось персам, чтобы закончить все приготовления к новой войне между двумя мирами — Азией и Европой. Персы уверяли, будто готовились к походу только против афинян, желая им отомстить. Но все понимали: если персы вторгнутся в Европу, порабощения не миновать никому.

До афинян и до других эллинов доносились смутные слухи о приготовлениях в Азии. Но слухи эти были противоречивыми, и потому афиняне порешили послать своих лазутчиков разведать, что же про-

исходит в Персии. Однако лазутчиков схватили и после чудовищных пыток и издевательств осудили на казнь. Но умереть им было не суждено. Сам Ксеркс в последний миг освободил эллинов и разрешил им вернуться на родину. Но прежде дал лазутчикам возможность увидеть воочию, какие огромные силы стягиваются в столицу. Ксеркс знал, что делает. Он полагал, что если афиняне узнают о его несравненном военном превосходстве от своих же людей, то в страхе тотчас сложат оружие и сдадут город без боя. Но персидский царь просчитался...

Готовящийся поход был третьим по счету великим походом персов на Элладу. Первым, если вы помните, был поход Мардония, второй — Датиса и Артафрена, третий же должен был прославить имя Ксеркса. Царь решил следовать по маршруту первого похода. Войску предписывалось через Фракию по суше достичь Пелопоннеса, разоряя и опустошая на своем пути эллинские города. Флоту следовало продвигаться в том же направлении вдоль западного Эгейского побережья.

Поскольку персы еще не забыли о страшном крушении, постигшем их флот около Афона, Ксеркс решил обойти опасный мыс, чтобы избежать подобного бедствия. Он принял очень дерзкое решение. Афонский мыс соединяется с полуостровом Халкидика узким перешейком шириной до шести стадий. Именно здесь Ксеркс велел прорыть канал такой ширины, чтобы по нему свободно могли проплыть рядом две триеры.

Несколько лет понадобилось для осуществления этого сложного замысла. Тысячи рабов различных народностей тяжело трудились под ударами бичей персидских надсмотрщиков. Необходимо было закончить канал как можно быстрее.

А еще требовалось построить мост через Геллеспонт, чтобы по нему сухопутное войско могло переправиться в Европу. В самом узком месте пролива, шириной около восьми стадий, по приказанию Ксеркса выстроили в ряд вплотную друг к другу персидские корабли от малоазийского города Абидоса до противоположного берега. 360 судов понадобилось для сооружения этого плавучего моста. Когда мост

был готов, внезапно разразилась сильная буря и разметала корабли.

Узнав о случившемся, Ксеркс пришел в ярость и отдал приказание покарать Геллеспонт тремястами ударами бича. Люди Ксеркса секли море, приговаривая при этом: «О непокорные воды Геллеспонта! Наш великий владыка карает вас за тот ущерб, который вы нанесли ему, хотя он вас ничем не обидел. Нравится тебе или нет, Геллеспонт, Ксеркс одолеет тебя!»

Вот как было наказано море... Больно ему было или нет — никто не знает. Но так или иначе мост пришлось наводить заново.

Когда в Персию пришла весть, что мост через Геллеспонт сооружен, огромное войско было готово двинуться в путь. Уже наступила весна и можно было выступать. Но тут произошло нечто необыкновенное. Солнце вдруг покинуло свою обитель на небе и куда-то исчезло. Нет-нет, оно не спряталось за облаками, ведь лазурное небо было безоблачным и ясным. Солнце исчезло среди бела дня, и день обратился в ночь.

Ксеркс не на шутку встревожился. Он тотчас потребовал объяснений у придворных магов:

— Что это все значит? Куда девалось солнце?!

Перепуганные маги постарались немедля все истолковать:

— О царь! Не томи тревогой свою душу. Не для нас это знамение. Для врагов наших, эллинов. Страшный, глубокий мрак их ожидает. Ведь эллины по солнцу узнают грядущее. А мы — по луне.

Уверенность опять вернулась к персидскому царю. Он отдал приказание своему войску двигаться к Геллеспонту.

Прибыв в Абидос, Ксеркс поднялся на специально воздвигнутый для него на высоком холме трон из белого мрамора и стал обозревать войско и флот.

Сердце царя затрепетало от радости, когда у своих ног он увидел огромный копошащийся муравейник. Он и не подозревал, что располагает столь огромной силой. Повернувшись к стоявшему рядом дяде Артабану, Ксеркс спросил:

— Скажи мне, Артабан, теперь, когда пред взором твоим представило все это неисчислимое войско и великое множество кораблей, если

бы не сон, ты продолжал бы утверждать, что нам не следует идти войной на Элладу?

— Как было бы хорошо, дитя мое, — вздохнул Артабан, — если бы этот сон, который мы видели оба, имел для нас хорошие последствия! Что я могу тебе сказать? Мне страшно до сих пор... И чем дольше я смотрю на это войско, на твои корабли, тем мне страшнее. И не потому, что мало у тебя войска, а потому что его слишком много...

— Что означают твои речи, Артабан?

— Я объясню тебе... Где, в какой стране, в какой части света есть такая большая гавань, могущая вместить такой огромный флот? А ведь флоту нужен порт, да и не один. Что делать кораблям, если разразится шторм? Куда им деваться? И какая же земля сможет прокормить твое огромное войско?

— Если мы, подобно тебе, Артабан, будем придавать значение всем мелочам и подолгу обсуждать их, мы ничего не успеем совершить на своем веку. Решительность — вот что превыше всего. Не беспокойся, Артабан! Победа будет за нами!

В это самое время к Ксерксу приблизились вельможи и сообщили о необыкновенном происшествии: кобылица родила зайца. Ксеркс долго хохотал, ни придав этому событию никакого значения. Позже многие говорили, что это было дурное предзнаменование. Войско Ксеркса ринулось в Европу как лихой скакун, но ему было суждено спастись бегством, как спасается от охотников заяц.

Всю ночь персы жгли на мосту благовония и устилали его миртовыми ветками. Лишь только стала заниматься заря, Ксеркс совершил возлияние¹ в море из золотой чаши и обратился к небесам с молитвами, чтобы никакие препятствия не помешали ему покорить Европу. Затем персидский царь бросил золотую чашу в море, а вместе с ней — свой царский меч.

Тотчас был отдан приказ к переправе. Это было потрясающее зрелище, которого никогда ранее не видели глаза человека. Впервые в мире было собрано крупнейшее разноплеменное войско — белые,

* * * *

¹ Жертвоприношение.

черные, желтые воины в самых различных одеждах, с различным вооружением, говорившие на самых разных языках и наречиях.

Казалось, вся Азия двинулась на Европу. Во главе выступали персы в пестрых хитонах, чешуйчатых кольчугах и остроносых тирах¹. За ними следовали мидяне, ассирийцы, халдеи в медных шлемах, с дубинами и щитами, бактрийцы с луками и секирами, саки, арии, парфяне, индийцы, арабы в длинных бурнусах², пафлагонцы, фригийцы в островерхих тюрбанах, фракийцы в лисьих шкурах, эфиопы в барсовых и львиных шкурах, с раскрашенными белой и красной краской телами, с луками из веток финиковой пальмы, ливийцы на колесницах и в кожаных одеяниях и несметное количество других племен и народностей. А уже потом двигалась величественная свита, окружавшая Великого Царя Востока Ксеркса. Тысяча отборных всадников и тысяча копьеносцев, увенчанных лавровыми венками, двигались впереди. За ними вели десять священных коней в роскошной сбруе. Дальше восемь белых коней везли священную колесницу Зевса. За ней следовала колесница Ксеркса. За колесницей царя двигалось по тысяче всадников и копьеносцев, а замыкал процессию «отряд бессмертных» — десять тысяч пеших воинов из знатных персидских юношей, составлявших личную охрану Ксеркса. Этих воинов называли «бессмертными» потому, что место павшего воина немедленно занимал другой, не менее достойный, так что число «бессмертных» было всегда не больше и не меньше десяти тысяч.

Семь дней и ночей непрерывно двигалось по мосту через Геллеспонт огромное войско из Азии в Европу. Миллион семьсот тысяч воинов имел Ксеркс лишь в пешем строю. Отдельно следовала конница персов, мидян, бактрийцев и арабов.

А уж кораблям счета не было. Более тысячи двухсот триер было у Ксеркса, а кроме того, свыше трех тысяч транспортных кораблей, нагруженных продовольствием и оружием. На кораблях персидский царь имел около пятисот тысяч воинов. Примерно столько же было слуг, рабов и женщин, следовавших за войском. Если все сложить, то получится, что целых пять миллионов человек вел персидский царь на Элладу. Это было уже не войско. Казалось, все реки Азии

* * * *

¹ Тира — мягкая войлочная шапка.

² Бурнус — плащ из плотной войлочной ткани с капюшоном.

потекли вспять и бурным потоком ринулись в Европу, чтобы затопить ее. Просто невозможно представить, сколько требовалось продовольствия, чтобы прокормить эту огромнейшую армию. Там, где проходили полчища Ксеркса, земля превращалась в пустыню. В реках не хватало воды, чтобы напоить людей и животных.

Бесконечно счастливым и радостным был для Ксеркса тот день, когда он, наконец, смог обозреть свое войско, переправившееся в Европу. Очень хотелось царю, чтобы разделил его радость кто-нибудь из чужеземцев. Он призвал к себе Демарата, спартанского царя-изгнанника.

— Теперь, когда ты увидел воочию все мое могущество, ответь мне, Демарат, осмелятся ли эллины сразиться со мной?

— О царь! Скажи, ты предпочитаешь услышать правду или же то, что приятно тебе?

Ксеркс поспешил лицемерно заявить, что ему нужна только правда. И тогда Демарат сказал:

— Да будет тебе известно, Ксеркс, что бедность всегда была неразлучна с эллинами, как и доблесть. Та доблесть, которая приобретает мудростью и закаляется суровыми законами. Именно эта доблесть и помогает свободолюбивым эллинам бороться и с бедностью, и с тиранией. Ты не должен заблуждаться, полагая, что эллины не смогут одолеть твое могущественное войско. Я не буду говорить о других, скажу только о спартамцах. Неважно, сколько их и какой военной силой они располагают. Об этом можешь меня даже не спрашивать. Будь их всего тысяча или еще меньше, они все равно без страха и сомнений вступят с тобой в бой.

— Глупости говоришь, Демарат! Как может один воин сражаться с целой тысячей? И как могут эллины, которые, как ты утверждаешь, свободны и нет над ними владыки, как могут они сражаться с моими воинами, у которых не только есть владыка, но над которыми с плетью стоят, чтобы они не вздумали оставить поле боя?

— Но и у эллинов есть владыка, которого они почитают. Впрочем, это не человек. Это закон. Он повелевает им при любых обстоятельствах смело идти в бой на врага, чтобы победить или умереть...

Неудержимый хохот Ксеркса прервал слова Демарата. Впрочем, смеяться Ксерксу оставалось недолго...

Бурный людской поток из Азии ворвался в благодатные эллинские земли. Из Фракии персидское войско двинулось в Македонию, из Македонии — в Фессалию, сметая все на своем пути. Это длилось до тех пор, пока доблестные эллины не возвели на пути персов первую преграду и не вступили с ними в неравный бой.

Глава 14. БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ

Как это делалось всегда в тяжелые времена, афиняне послали лучших граждан города спросить Дельфийский оракул. Что посоветует, чем утешит великий бог Аполлон в черные дни грядущей беды? В Дельфах афинские послы принесли богатые жертвы и расположились вокруг священного треножника, на котором сидела пифия. Ее устами Аполлон отвечал вопрошавшим его. Ответ был мрачным и зловещим: «Что вы сидите, несчастные? Бегите на край света, оставив свои дома и свой город! Вижу я, не сносить вам головы. Страшная гибель вас ожидает! Я вижу, как все сущее стирает с лица

земли жестокий бог войны Арей, сопровождающий азиатские полчища... Много башен, много крепостей будет разрушено. Ваши священные храмы, пока невредимые, уже покрылись от страха испариной. Я вижу, как с их кровли струится черная кровь... Грядут страшные разрушения и беды!»

У афинских послов от страха задрожали колени, когда они услышали такое прорицание. Они не решились возвращаться домой с дурными вестями. Поэтому опять вошли в святилище Аполлона и, упав ниц, обратились к богу с такими молитвами:

— Владыка! Как мы можем твое прорицание принести в наш несчастный город? Снизойди к нашим мольбам! Дай нам другое прорицание! А не то нам придется остаться в твоём храме до конца своих дней. Ведь мы должны принести в Афины хоть какую-то надежду!

Тогда прорицательница изрекла отчаявшимся афинянам другой оракул: «Богиня Афина умоляет Зевса смягчить свой гнев. К вам обращаю опять это слово, твердое, как алмаз: лишь когда будут рушиться твердыни, великий отец Афины позволит своей дочери удержать неприступными деревянные стены, которые спасут и вас, и ваших детей. Не сидите сложа руки, не дожидайтесь, пока подойдет неприятель с пешим войском и конницей. Повернувшись к врагу спиной, отступайте! Не пришло еще время с ним сразиться. О священный Саламин! Многие матери оплачут своих сыновей, погибших у твоих берегов или в пору сева, или во время жатвы...»

Ненамного лучше первого был второй оракул. Однако он хоть как-то обнадеживал. Не все в оракуле было понятно послам, но тем не менее они в точности записали изречение и отправились в Афины. Долго пытались афиняне разгадать смысл оракула. Что это за деревянные стены, их последняя надежда? Многие утверждали, что речь идет об Акрополе, который в те давние времена действительно был окружен деревянной стеной. Они-то и предлагали всем жителям города укрыться на Акрополе и дожидаться персов. Но если в этом основной смысл изречения, тогда что имеется в виду дальше? «О священный Саламин! Многие матери оплачут своих сыновей,

погибших у твоих берегов...» Правильно истолковать столь сложный и запутанный оракул могла лишь мудрая голова.

И такой человек нашелся. Это был Фемистокл, молодой политик, который стал играть заметную роль в жизни Афин после Марафонской битвы. Вот как Фемистокл объяснил афинянам смысл оракула:

— Деревянные стены — это наши корабли, то лучшее, чем мы располагаем. Когда персы достигнут Аттики, мы оставим город и поднимемся на боевые суда. Это наша единственная надежда, наша последняя опора... Мы вступим в бой с персами и победим. А упоминаемый в оракуле священный остров Саламин принесет гибель нашим врагам. Их матери оплачут убитых там сыновей.

Большинство граждан поддержало мнение Фемистокла. Лишь немногие не согласились с таким толкованием. Но не нашлось никого, кто бы счел за лучшее сложить оружие и сдаться врагу без боя.

Из всех эллинских городов, которые не были еще покорены персами, собрались послы на перешейке Истм у города Коринфа, чтобы в этот тяжелый и горестный час заключить союз. Было решено положить конец вражде и междоусобице и, прежде всего, прекратить войну Афин с эгинцами.

Помощь из Сикелии¹, Керкиры и Крита, на которую так рассчитывали эллины, не пришла. Но все были полны решимости во что бы то ни стало сразиться с персами. Для первой решающей битвы нужно было выбрать наиболее подходящее место. Ведь небольшому эллинскому войску предстояло сразиться с неисчислимыми вражескими полчищами. Необходимо было отыскать такую местность, которая уже сама по себе являлась бы хорошим убежищем и одновременно неприступным укреплением.

Именно таким местом оказалось Фермопильское ущелье в Фтиотиде². Там горы, почти достигающие моря, разделялись узким проходом, по которому могла проехать только одна повозка. Для того чтобы попасть в Локриду, Беотию или Аттику, непременно нужно

* * * *

¹ С и к е л и я — остров у берегов Италии (современная Сицилия).

² Ф т и о т и д а — южная часть Фессалии.

было проехать через этот проход. Другого пути не было. С запада здесь тянулась обрывистая высокая скала. С востока простирались до самого моря непроходимые болота с теплыми источниками. Поэтому-то эту местность и назвали Фермопилами, что значит «теплые ворота». Преградив узкий коридор Фермопильского ущелья стеной укреплений, эллины могли рассчитывать на то, что им удастся на некоторое время задержать персов. Это и было решено сделать не медля. Кроме того, афиняне послали около 300 боевых кораблей под командованием спартанца Эврибиада в Эвбейский залив к мысу Артемисий, с тем чтобы, если понадобится, воспользоваться их помощью.

Приняв такие решения, эллины тотчас занялись приготовлениями. Медлить было нельзя. А тут еще и боги все усложнили... Полученный из Дельф новый оракул советовал афинянам призвать на помощь... своего зятя. Что это еще за зять такой, который может помочь в столь трудный час? Думали-гадали афиняне и, наконец, вспомнили, что сестру их легендарного царя Тезея Орифию некогда выдали замуж за Борея, бога северных ветров. О, если бы он совершил чудо! Ведь нескончаемая армада персидских кораблей была так же опасна, как и пешее войско. И даже больше того — персидский флот для афинян представлял наиболее серьезную опасность. Поэтому-то афиняне принялись жертвами и молитвами уговаривать своего зятя Борея вмешаться...

Как из проснувшегося вулкана стремительно мчатся вниз потоки раскаленной лавы, так войско Ксеркса обрушилось из Фессалии на другие эллинские земли. Пока никто не осмеливался оказать Ксерксу сопротивление.

Персидский флот, вышедший из гавани у города Фермы, находившегося на месте современных Салоник, достиг побережья Магнесии вблизи острова Скиаф и мыса Артемисий, что севернее острова Эвбеи. Многие корабли причалили к берегу, а те, которым не хватило места, бросили якорь на рейде. Ночь была безветренной, спокойной, и персидские моряки и воины безмятежно спали под ласковый плеск волн.

Однако на рассвете море заволновалось. Что-то происходило в его глубинах. Крепчал северо-восточный ветер... Через некоторое время

разразилась такая свирепая буря, что огромные, тяжелые суда крушились и ломались, подобно ореховой скорлупе. Лишь немногим удалось вытащить свои корабли на берег и спасти их. На некоторых судах обрубали якоря и пытались укрыться в защищенной от ветра бухте. Боевые и грузовые корабли, стоявшие на рейде, разбивались о прибрежные скалы или же, потеряв управление, уплывали в открытое море.

Три дня и три ночи бушевала буря, круша и ломая персидский флот. Подсчитано, что в этом кораблекрушении персы потеряли четыреста боевых кораблей и еще больше транспортных. Однако никто не смог сосчитать, сколько тысяч воинов Ксеркса погибло в морской пучине.

Афиняне, находившиеся со своими кораблями у города Халкиды на Эвбее, увидев, что буря крепчает, тотчас подняли паруса и поплыли к Артемисию, чтобы совершить внезапное нападение на попавших в беду персов. Но напасть они не успели. Ведь как только ветер немного стих и улеглось волнение, персидские корабли двинулись в путь и, обогнув мыс, который теперь называется Триккери, вошли в Пагасейский залив. Здесь они намеревались оправиться от постигшего их несчастья.

Однако эллины не остались без добычи. У Артемисия их ожидала удача. Пятнадцать персидских кораблей, которые двинулись в путь несколько позже остальных, увидев у Артемисия афинский флот, решили, что это их корабли, и поплыли прямо в руки к эллинам. А афиняне только того и ждали. Они подпустили персов поближе, напали на корабли и захватили их. Немного было этих кораблей, но событие это было большое — афинский флот одержал первую победу над персами.

Афиняне торжествовали и славили своего зятя Борея, который действительно совершил чудо. На Артемисии эллины принесли богу северных ветров жертвы, а возвратившись в Афины, воздвигли в его честь храм на реке Илосс.

Нелегкое дело — быстро собрать войско из всех эллинских городов. Как раз в то время в Олимпии проходили Олимпийские игры, и к ним было приковано внимание многих эллинских государств. Поэтому решено было послать к Фермопилам всех тех, кто уже был

готов к походу, а затем, по окончании Олимпийских игр, подослать основные силы.

Спартанцы, прежде чем выступить в поход, обратились за советом к богам и получили ответ Дельфийского оракула. Воины, полные решимости и отваги, вслушивались в суровые слова прорицания: «Граждане Спарты! Либо ваш великий и славный город персы сотрут с лица земли, либо Спарта оплачет смерть своего царя, ведущего род от самого Геракла...»

Затаив дыхание слушали спартанцы эти слова. Царь Леонид, который лишь накануне был назначен военачальником эллинов, воспринял прорицание спокойно и мужественно. Итак, или Спарта будет разрушена и сожжена, чего даже сами боги не желают, или он умрет на поле брани. Таково веление Рока...

Тысячи царей умерли и давно позабыты. Но все знают и чтят царя Леонида. Нет, не потому, что он был царем. А потому, что царь Леонид до конца выполнил свой долг перед родиной...

И вот наконец спартанцы выступили. Триста воинов. Да, всего триста спартанцев во главе с царем Леонидом. Проходя по Пелопоннесу, Леонид присоединял к своему отряду всех тех, кто уже был готов к походу. Но когда эллины достигли Фермопил, в их рядах не насчитывалось даже трех тысяч воинов.

Населявшие эту местность локры и фокийцы, увидев столь многочисленное войско, не на шутку перепугались. Они не знали, что им предпринять: то ли поддержать эллинов и выступить против персов, то ли держаться в стороне.

— Вы не смотрите, что нас так мало, — говорил, обращаясь к ним, Леонид. — Это только наш головной отряд. Основные силы на подходе. С нами весь Пелопоннес! Афиняне вместе с эгинцами охраняют все подступы с моря. Идите с нами! Чего вы опасаетесь? Разве персы боги? Почему мы должны их бояться?

Локры и фокийцы откликнулись на призыв Леонида. Их помощь была очень ценной. Ведь эти племена хорошо воевали и прекрасно знали местность, где эллинам предстояло сразиться с персами. Локры и фокийцы сообщили Леониду о том, что, кроме Фермопильского прохода, существует еще тайная тропа, которая ведет в обход Фермопил. О тропе знали лишь немногие местные жители. Понимая, что об-

ходная тропа таит в себе серьезную опасность, Леонид велел тысячному фокийскому отряду отправиться в горы и охранять ее.

Эллины первыми прибыли к Фермопилам. Но скоро появились персидские полчища и расположились станом к северу от Фермопил. Узнав, что спартанцев так мало, Ксеркс не переставал удивляться: безумцы они или глупцы? На что рассчитывает эта горстка людей? Царь решил послать всадника-лазутчика выведать, любопытства ради, что происходит в стане спартанцев.

У стены, воздвигнутой в Фермопильском ущелье, лазутчик увидел немногих воинов. Сложив копья и мечи у стены, они беззаботно упражнялись в прыжках и метании камней. Некоторые просто грелись на солнце. Другие же мыли головы и, тщательно расчесав волосы, украшали их венками. Как будто они были не на войне, будто не видели, что совсем рядом расположилось огромное азиатское войско.

Заметили спартанцы персидского лазутчика, но не придали его появлению ни малейшего значения и даже позволили спокойно уйти. Уже уезжая, всадник остановил на минуту коня, чтобы еще раз пересчитать эллинов у стены. А вдруг их здесь много? Да нет, всего около трехсот человек...

Возвратившись, лазутчик рассказал Ксерксу, что он увидел.

— Сейчас же приведите ко мне Демарата! — велел царь.

— Если я, о царь, поведаю тебе всю правду, ты опять поднимешь меня на смех, — сказал Демарат. — Давно тебе пора уразуметь, что нам предстоит жаркое сражение. Эти люди полны решимости любой ценой преградить нам путь. И они или добьются этого, или умрут. Таков у спартанцев обычай: всякий раз, идя на смертный бой, они украшают себе головы венками. Спартанские воины ни за что не отступят. Это самые доблестные мужи в Элладе. Скоро ты сам сможешь в этом убедиться!

Ксеркс не понимал Демарата и не верил ему. Да и не мог азиатский царь понять эллинов. Впрочем, скоро ему пришлось убедиться в истинности слов Демарата.

Четыре дня выжидали персы в надежде, что спартанцы и другие эллины обратятся в бегство. Никак не мог поверить Ксеркс, что

эллины будут сопротивляться. Он предпочел бы, чтобы они в страхе бежали, и тогда его полчища беспрепятственно прошли бы по Фермопильскому ущелью. Но эллины и не думали двигаться с места. До каких пор ожидать? На пятый день Ксеркс, обуреваемый гневом, велел мидянам взять дерзких спартанцев живыми.

Мидяне стремительно бросились на эллинов, но встретили яростный отпор. Не то что захватить спартанцев живыми, но даже заставить их отступить, и тем самым открыть проход, не удавалось. В теснине мидяне никак не могли выстроиться в боевой порядок и развернуть все свои силы. Их было много, но они вынуждены были идти на врага узкой, плотной колонной. Поэтому эллины били наверняка. Каждая стрела, каждый пущенный из пращи камень попадали в цель. Идущие в первых рядах мидяне падали замертво. На место павших становились другие, и бой продолжался.

Ксеркс следил за ходом сражения, сидя на троне, установленном на холме. Он даже вскочил от неожиданности, увидев, что мидяне отступили и, не выдержав напора эллинов, обратились в беспорядочное бегство. Позорное отступление мидян обескуражило Ксеркса. Впервые высокомерный владыка Азии с горечью подумал о том, что среди приведенных в Элладу людей слишком мало настоящих воинов.

Спартанцы, как воины опытные, хорошо понимали, что в их отчаянном положении одной храбрости мало. Требовалась еще и смекалка. Преследуя неприятеля, они не выдвигались слишком далеко вперед, на открытую местность, а продолжали удерживать Фермопильский проход, вынуждая персов вновь и вновь идти на них в наступление. Ярости Ксеркса не было предела. Непокорность горстки эллинов страшно оскорбляла персидского царя, и он решил как можно быстрее положить этому конец, приказав вступить в бой «бессмертным». Как я уже рассказывал, «бессмертных» было десять тысяч. С дикими криками и гиканьем они бросились на спартанцев. Но их старания были напрасны. Прекрасная слаженность и хорошая выучка позволяли эллинам сражаться с завидной легкостью. К примеру, спартанцы внезапно все вместе прекращали битву и поворачивались к неприятелю спиной. Персы, думая, что они отступают, начинали их теснить. Но эллины вдруг все разом поворачивались и продолжали безжалостно рубить персов налево и направо. «Бессмертные» несли

огромные потери. Душераздирающие крики и стоны раненых раздавались на склонах гор.

Когда опустились сумерки — ведь бой продолжался с утра до вечера, — ледящий страх стал змеей заползать в сердца персов. Измученные, израненные, сбивая друг друга с ног, они бросились бежать беспорядочной толпой. Персам казалось, что их преследует некая нечеловеческая сила, а не какая-то горстка эллинов.

Лев не боится дикого зверя и бесстрашно бросается на него. Но коварная ядовитая змея может укусить льва. Такой отвратительной змеей, которая исподтишка ужалила спартанского льва, был один местный крестьянин эллинского происхождения, жадный до персидского золота. Его презренное имя, проклятое в веках, было Эфиальт, что в переводе с греческого означает «кошмар». Вы ведь знаете, что самые страшные сновидения мы называем кошмарами. Вот таким кошмаром для спартанцев и для всей Эллады явился Эфиальт.

Когда Ксеркс находился в замешательстве и не знал, что предпринять, предстал перед ним Эфиальт и поведал о тайной тропе, по которой персы могли обойти эллинов с тыла и устроить им ловушку. Так поступают с сильным зверем. Когда его трудно поймать.

На мрачном лице азиатского владыки появилась зловеющая улыбка, когда он услышал столь неожиданную новость. Оставив Эфиальта в лагере, царь приказал ему с наступлением темноты провести персидский отряд по тропе за Фермопилы.

Всю ночь поднимались персы в горы и на рассвете достигли того места, где на страже стояли фокийцы. В предрассветной тишине дозорные внезапно услышали, как шуршит листва под ногами крадущихся воинов. Фокийцы вскочили и бросились к оружию. Персы растерялись. Они не ожидали, что встретят здесь вражеский отряд. А что, если это спартанцы? Одна эта мысль повергла их в ужас. Эфиальт успокоил персов, объяснив, что это отряд фокийцев.

Фокийцы, не подозревая о предательстве, решили, что персы напали на них. Их было мало, и поэтому они решили отступить на вершину горы, чтобы оттуда нанести удар по врагу. Но персы не вступили в бой, а спешно двинулись дальше. Фокийцы не интересовали персов, им нужны были спартанцы.

Над Фермопилами занималась заря. Почтенный старец, прорицатель спартанцев Мегистий из Акарнании, священнодействовал, принося жертвы богам и совершая молитвы. Постепенно его чело омрачалось все больше и больше.

Приметы были плохими.

— Да будет известно тебе, Леонид, — сказал Мегистий, — что если спартанцы останутся здесь, то их ожидает поражение и гибель!

Леониду это было известно. Он не забыл прорицания пифии: или Спарта, или он. Леонид непоколебим. Он неправе жертвовать родной ради своей жизни. Спарта превыше всего!

Вскоре в спартанский лагерь прибежали запыхавшиеся гонцы:

— Нам грозит гибель! Нас предали! Персы спускаются по обходной тропе. Скоро они будут здесь... Мы в ловушке! На нас нападут с двух сторон! Их много, великое множество... Стрелами своими они могут затмить солнце...

Наступила гнетущая тишина. И вдруг раздался насмешливый голос одного из спартанцев:

— Что ж, тем лучше для нас! Пусть персы затмят солнце своими стрелами. Тогда мы будем сражаться в тени!

Леонид хотел спасти как можно больше воинов для будущих сражений. Поэтому эллинам, пришедшим из Пелопоннеса и других земель, царь приказал возвращаться домой. Он же с отрядом решил остаться, чтобы задержать персов как можно дольше. Воины города Феспии не послушались приказания Леонида и остались у Фермопил, чтобы умереть вместе со спартанцами. Прорицатель Мегистий тоже не оставил царя, хотя лучше других знал, какая участь его ожидает...

Ксеркс, выжидал, пока солнце поднимется достаточно высоко, чтобы дать возможность отряду, ушедшему по тайной тропе, зайти в тыл эллинам. Наконец он подал знак начинать. Спартанцы хорошо понимали, что означает для них эта битва в ловушке. Но люди решительные и храбрые всегда находят в себе силы, неведомые людям безвольным и трусливым...

На этот раз спартанцы применили иную тактику. Они решили встретить персов не в Фермопильском ущелье, а у входа в него, на

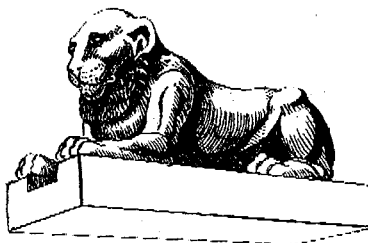
равнине. Как львы, набросились они на врага. Персы были похожи на испуганных лошадей, которые не в силах сдвинуться с места. Военачальники ударами кнутов заставляли их двигаться вперед. Многие воины от страха бросались в море и погибали там. Многие падали, и их давили свои же. Но Ксеркса совсем не интересовало, какие у него потери в живой силе. Он требовал любой ценой продвигаться вперед.

Когда были сломаны копья, спартанцы стали рубить персов мечами. В разгар жестокого боя упал замертво находившийся в первых рядах царь Леонид. Персы бросились к телу убитого и хотели его захватить. Но живой стеной встали спартанцы вокруг своего павшего царя. Четыре раза триста эллинов отражали атаки персов, не давая им прорваться к Фермопилам.

В это время подоспели персы, зашедшие с тыла. Тогда спартанцы, отступив в ущелье и миновав стену, перекрывающую Фермопильский проход, заняли оборону на холме. Так раненый зверь уходит к своему логову. Оружия у них почти не осталось, но спартанцы продолжали сражаться с отчаянной храбростью кинжалами, а то и просто врукопашную. Варвары окружили их со всех сторон и засыпали градом стрел. Тысячи пущенных стрел действительно затмили солнце. Но спартанцы так и не отступили. Все до единого они пали смертью храбрых.

Через много лет, когда персы были изгнаны из Эллады, при входе в Фермопилы эллины воздвигли мраморную статую льва. И начертали на камне:

Путник, пойди и скажи нашим гражданам в Спарте,
Что мы полегли здесь, свой долг выполняя.

Глава 15. ОГОНЬ И МЕЧ

Долго не мог прийти в себя Ксеркс. Мужественное сопротивление горстки эллинов чрезвычайно потрясло его.

Царь велел привести к нему Эфиальта. Ксеркс собирался щедро одарить человека, из-за предательства которого персам удалось одержать победу над спартамцами. Но Эфиальта и след простыл. Когда зашедшие с тыла персы вплотную подошли к спартамцам и началась кровавая сеча, предателя сковал страх, и он трусливо бежал в горы. Позднее эллины объявили Эфиальта разбойником и какой-то человек, встретившийся с ним случайно в горах, убил его как бешеного пса.

Персы еще некоторое время стояли лагерем у Фермопил, хороня погибших, залечивая раны и собираясь с силами для дальнейшего похода в глубь Эллады. И вот тогда подошли к лагерю нищие эллины из Аркадии, которых горькая нужда гнала с места на место. Их тотчас схватили и привели к царю, восседавшему на троне в окружении своей многочисленной свиты.

— Чем занимаются эллины на Пелопоннесе? — спросил Ксеркс.

— Сейчас у них великий праздник — начались Олимпийские игры. Все эллины собрались в Олимпии, чтобы следить за состязаниями.

— А какую награду получает победитель?

— Венок из оливковых ветвей. Это самая высокая честь...

Услышав такие слова, один из персидских военачальников повернулся к стоящему рядом полководцу Мардонию и сказал:

— На войну с кем ты подстрекал нас, Мардоний?! С людьми, которые состязаются не ради выгоды и денег, а ради славы и чести!

Вскоре персы двинулись в путь. Они опасались, что эллины опять преградят им дорогу, укрепившись на наиболее выгодных рубежах. Огромное персидское войско спешно продвигалось вперед и через некоторое время вступило в Беотию. Тем временем посланный в обход большой отряд приближался к Дельфам. Персы намеревались разграбить знаменитое Дельфийское святилище. Они были наслышаны о несметных богатствах, хранящихся в его сокровищницах, и в особенности о ценнейших дарах лидийского царя Креза.

Ужаснулись дельфийцы, узнав, что войско варваров совсем близко. В великом смятении спросили они оракул: закопать ли им в землю священные сокровища или же вывезти в другую страну.

«Нет, — ответила пифия. — Бог Аполлон сам сумеет защитить свое достояние».

Получив такой ответ, жители Дельф стали заботиться о собственном спасении. Спрятав свое имущество в Корикийской пещере, они укрылись на вершинах Парнаса, у подножия которого находилось Дельфийское святилище. В городе остались лишь шестьдесят старцев и жрец-прорицатель, который истолковывал оракулы Аполлона.

А варвары подходили все ближе и ближе... С вершины горного перевала они уже видели великолепный храм Аполлона с мраморными ступенями и роскошной колоннадой.

И тут произошло чудо. Находившееся в храме Аполлона священное оружие, которого никто не должен был касаться, вдруг оказалось на площади перед храмом. Удивленный прорицатель поспешил сообщить оставшимся в Дельфах старцам, что сам бог Аполлон собирается сразиться с врагами. Ведь никого, кто мог бы воспользоваться священным оружием, в городе уже не было.

Дорога к святилищу Аполлона шла мимо небольшого храма богини Афины. Когда персы приблизились к нему, оттуда вдруг слышались громкие вопли и боевой клич, хотя в храме не было ни души. Ударил гром, засверкали молнии, и с вершин Парнаса со страшным грохотом покатались огромные камни, погребая под собой врагов.

Казалось, наступил конец света... И персы не выдержали.

Они обратились в беспорядочное бегство. Ужас охватил персов, когда они увидели, что их преследуют два тяжеловооруженных воина огромного роста... Дельфийцы же спустились с гор и присоединились к преследовавшим. Теперь они ничего не боялись. Ведь им на помощь пришли легендарные герои-гиганты Филак и Автоной, покровительствующие дельфийской земле...

Оставшиеся в живых завоеватели позорно бежали в Беотию. Нога перса так и не ступила в знаменитое святилище Аполлона Дельфийского.

В Беотии войско Ксеркса не встретило никакого сопротивления. Горько говорить об этом, но это чистая правда: в отличие от платейцев, теспийцев и многих других эллинов, самоотверженно сражавшихся против персов, беотийцы добровольно перешли на сторону Ксеркса и помогали ему. Впрочем, не только беотийцы. Настолько сильна была междоусобная вражда между различными эллинскими городами, что и фиванцы, да и жители некоторых других городов, в этот страшный для Эллады час предпочли пойти вместе с врагами против своих соотечественников.

Три месяца прошло с тех пор, как персидское войско, миновав Геллеспонт, ступило на землю Эллады. И за эти три месяца персы прошли путь от Фракии до Беотии, встретив серьезное сопротивление только при Фермопилах...

Ксеркс стремится вперед и вперед. Ему не терпится поскорее исполнить свое давнее желание: опустошить Аттику и предать ненавистные Афины огню и мечу.

И вот персидское войско, минуя Киферон¹, вступает в земли Аттики. Азиатский владыка уже предвкушает, каким казням, пыткам, мучениям он предаст высокомерных и непокорных афинян. Наконец-то! Опять его ждет удача и громкая слава... Как будут все ликовать в далекой Персии, когда станет известно, что он, Ксеркс Персидский, победил спесивых афинян! Впрочем, где же они? Почему никого не видно? Столько времени он в пути, а Аттика пуста... Когда войско вступит в Афины, город, наверное, тоже будет пуст. Что же стряслось? Разверзлась земля и поглотила эллинов? Кто же будет сражаться с персидским войском? И если все афиняне куда-то исчезли, то кого он победит и подчинит себе? Всё это походило на кошмарный сон. Славная победа, которая, казалось, уже была у него в руках, вдруг обернулась песком, утекающим сквозь пальцы...

И необузданная ярость Великого Царя обрушилась на рощи и виноградники, посевы и жилища, храмы и статуи... Огонь и меч по всей стране! Так, чтобы камня на камне не осталось, чтобы ни травинки больше не смогла родить эта ненавистная земля...

Ринувшись в Аттическую долину, полчища Ксеркса плотным кольцом окружили Афины. О, несчастный город! Нет, не богатства твои привлекли сюда завоевателей. Твой непокорный дух пришли они уничтожить...

Как и предполагал Ксеркс, Афины были пусты. И вот почему.

На Акрополе, в подвале древнего храма богини Афины, жила огромная змея, верный спутник богини и страж Акрополя. Каждый месяц ей приносили большую медовую лепешку. Змея поедала ее с огромным аппетитом. Но однажды медовая лепешка осталась нетронутой. Это значило, что богиня Афина покинула Акрополь. Следовательно, прав Фемистокл. Никто не должен оставаться в городе. Все на корабли!

Женщины и дети были отправлены на острова Эгина и Саламин, а также в аргонидский город Трезен. Мужчины поднялись на боевые

* * * *

¹ Гора на границе Беотии и Аттики.

корабли. Фемистокл ведь убеждал афинян, что корабли — это те неодолимые «деревянные стены», которые спасут город от персидского нашествия...

В Афинах остались лишь хранители сокровищницы богини Афины и нищие старцы, которые ни за что не хотели покидать родной город. Они поднялись на Акрополь и завалили бревнами вход в крепость. Старцы считали, что в оракуле под деревянными стенами подразумевались не корабли, а крепостные стены Акрополя.

Персы заняли холм против Акрополя, называемый Ареопагом, и стали осаждать крепость. Они поджигали обмотанные паклей стрелы и посылали в деревянные стены Акрополя, пытаясь поджечь их. Когда из этого ничего не получилось, персы пошли на штурм крепости. Афиняне гасили огонь как могли и, как только варвары приближались, сбрасывали на их головы огромные камни... Прибывший с персами Гиппий, приблизившись на безопасное расстояние, громкими криками старался склонить афинян к сдаче Акрополя. Но осажденные и не думали сдаваться...

Силы персов иссякли, они понесли огромный урон, но крепость оставалась неприступной. Тогда варвары решили зайти с северной стороны, где не было никакой стражи, так как афиняне считали, что по крутым скалам никто не сможет забраться на Акрополь. Здесь персам удалось обнаружить подземный ход — узкий тоннель, ведущий из святилища Аглавры, дочери легендарного царя Афин Кекропа, в крепость.

Этого афиняне никак не ожидали. Увидев, что враги ворвались на Акрополь, некоторые из них в страхе бросились со стен вниз и разбились насмерть, а остальные укрылись в храме богини Афины. Взломав ворота храма, варвары не пощадили убеленных сединами старцев. Уничтожив всех до одного, они бросились к священным сокровищам. Золотые и серебряные кубки, бронзовую утварь, драгоценные доспехи — всё брали персы с собой. А то, что нельзя было унести, варвары крушили и ломали. Акрополь украшало множество великолепных статуй. Все они были сброшены с постаментов и разбиты. Осквернив и разорив храмы Акрополя, персы предали их огню.

Возле храма Эрехтейон росла священная олива. Как утверждает легенда, богиня Афина некогда ударила своим копьём о скалу, и на

этом месте тотчас выросло отягощенное плодами дерево, которое богиня даровала афинянам. В пламени пожара эта олива сгорела. Но уже на следующий день отросток дерева почти на целый аршин показался из земли. Такова была воля богини Афины...

Захватив город, Ксеркс послал гонцов в Сузы к вечно сомневающемуся Артабану с радостной вестью: Великий Царь Персии и всего мира покори́л гордые Афины!

Впрочем, царь забыл упомянуть о том, что в покоренных им Афинах не было афинян.

В то самое время, когда персы осаждали Акрополь, два путника медленно шли по дороге в Афины. Оба они были эллинами, но пришли в Элладу с войском Ксеркса.

Одного из них звали Дикей. Когда в Афинах победила демократия, он, как сторонник Гиппия, был изгнан из города и вместе с тираном отправился в Персию.

Спутником Дикей был уже знакомый нам Демарат, изгнанный царь Спарты. Они шли, тихо переговариваясь, и вдруг услышали позади себя какие-то звуки, которые исходили, казалось, с небес.

Были ли это человеческие голоса, или же это была песня? Путники никак не могли понять. Повернувшись назад, они увидели, как над городом Элевсином медленно поднимается огромное облако пыли.

Дикей и Демарат порешили, что такое облако может поднять огромное пешее войско. Но этого быть не могло: ведь в Аттике не осталось ни души. Персидское войско, разрушив и разорив Элевсин, продвинулось далеко вперед. Кто же это мог быть? Путники терялись в догадках.

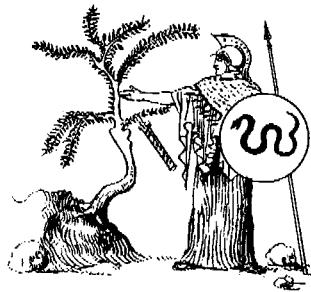
Внезапно Дикей ясно различил слова: «Якхе! Якхе!» Это были слова из гимна афинян.

— Демарат! — воскликнул Дикей, схватив своего спутника за руку. — Большая беда ожидает персов! Не сойти мне с этого места. Аттика ведь пустынна, и совершенно очевидно, что этот священный гимн, который мы слышим, исходит от самих богов. Неведомые силы спешат на помощь эллинам! Грядет месть небожителей за разрушенные и оскверненные персом храмы! Если это черное облако обру-

шится на Пелопоннес, то потерпит бедствие пешее войско Ксеркса, если оно полетит к Саламину, то под угрозой персидский флот.

— Я желаю тебе только добра, Дикей, — сказал в ответ Демарат, — а поэтому советую хранить молчание и никому не говорить о том, что ты видел и слышал. Если твои слова и пророчества дойдут до ушей Ксеркса, тебе не сносить головы. Пусть боги совершат то, что они считают нужным!

Путники пошли дальше. Вскоре они заметили, что облако направляется к Саламину. И опять ясно услышали таинственное: «Якхе! Якхе!»

Глава 16. В ВОДАХ САЛАМИНА

В то время как спартанцы удерживали Фермопилы, эллинский флот, сосредоточившись около мыса Артемисий острова Эвбеи, вступал в короткие стычки с персидским флотом, испытывая силу и выносливость варваров. От этих вылазок флот персов терпел значительный ущерб, но кораблей у них было так много и они были так хорошо оснащены, что до победы над персидским флотом было далеко.

Когда пали Фермопилы, эллинский флот был вынужден отойти южнее и, таким образом, оказался у Саламина. Персидский флот также отошел в воды Аттики и подошел к Фалеру.

Ксеркс получил странное известие: на островах, а также вдоль побережья, где имелись источники с пресной водой и где останавливались корабли, чтобы запастись питьем, персы видели начертанные на скалах эллинские письма, значение которых было непонятно. Это удивляло персов и внушало подозрения. Царь велел эллинам, сопровождавшим его войско, прочесть эти странные письма и объяснить их смысл.

Не только сухопутное войско, но и флот персов состоял, как говорится в пословице, из плодов разных деревьев. Ведь среди прочих народов, которые присоединились к персидскому флоту со своими кораблями, были и эллины-ионяне с поработанных персами островов и побережья Малой Азии.

Ионянам как раз и предназначались непонятные для персов письма. Вот что они гласили:

«Вы поступаете дурно, ионяне, сражаясь со своими братьями и помогая персам завоевать Элладу! Переходите к нам! Если же это слишком сложно, то хотя бы не сражайтесь против нас в час решающей битвы! Слушайте приказания персов, но выполняйте половину из них, выполняйте медленно и неохотно. Помните: вас взрастила земля Эллады, ради вашего же освобождения ведем мы войну с персами!»

Кто же начертал эти слова и с какой целью? Хитроумный и отважный Фемистокл, возглавлявший афинский флот, велел вырезать на скалах эту надпись. Он видел, что персидский флот очень велик, а эллинский — слишком мал. Надо было любой ценой истощить силы врага. Конечно, Фемистокл не тешил себя надеждой, что ионяне тотчас оставят персидский флот и перейдут на сторону эллинов. Но все-таки он отдал приказание начертать обращение. В том, что какая-то польза от этого будет, Фемистокл не сомневался.

Ксеркс, да и его военачальники, засомневались. Они перестали доверять эллинской части своего флота и уже подумывали о том, что будет лучше, если в решающий час сражения эти корабли окажутся подальше. Чем черт не шутит!

Собственно, этого и добивался Фемистокл.

Эллинский флот, сосредоточенный около Саламина, состоял из 380 боевых кораблей. Половину из них — и лучшую половину —

составляли афинские корабли. Однако всем флотом командовал не афинянин Фемистокл, а спартанец Еврибиад, человек робкий и слабовольный. Положение было слишком тяжелым, и афиняне, как настоящие патриоты, уступили спартанцам. Ведь раздоры в командовании порой хуже войны с неприятелем.

Необходимо было не медля решить, давать ли морское сражение, и если да, то в каком месте выгоднее всего. Еврибиад собрал на Саламине военный совет и потребовал от военачальников, чтобы каждый высказал свое мнение. Большинство, а это были военачальники с Пелопоннеса, утверждали, что нужно дать морскую битву у берегов Пелопоннеса, с тем чтобы защитить его. Они настаивали на том, чтобы флот покинул Саламин и поджидал персидский флот у Истма — Коринфского перешейка.

В это самое время прибыл гонец с известием, что персы, вступив в Аттику, разрушили и сожгли Афины. Многих охватил страх. Нашлись малодушные, предложившие тотчас поднять паруса и спасаться бегством. Однако большинство военачальников продолжали утверждать, что необходимо отправиться к Истму и дать там решающее сражение. Наступил вечер, и военачальники отправились на свои корабли, так и не приняв окончательного решения.

Фемистокл, терзаемый сомнениями и мрачными мыслями, не смог уснуть в эту ночь. Он был лучшим военачальником, и под его командованием находились лучшие корабли. Поэтому на Фемистокла легла вся тяжесть ответственности за судьбы Эллады.

Перед глазами военачальника предстали пылающие Афины. Нет больше знаменитого города, он стерт с лица земли... Его жители разбросаны по островам вокруг Саламина... Если флот отсюда уйдет, персы, высадившись на острова, уничтожат всех до единого...

Фемистокл все больше и больше склонялся к мысли, что, поскольку кораблей слишком мало, сражение нужно давать в узком проливе, между берегом Аттики и Саламином, где персы не смогут воспользоваться своим численным превосходством. В открытом море, возле Истма, победить персидский флот не было никакой надежды. Существовала еще одна опасность: эллинский флот, состоящий из представителей различных городов, мог распасться. И Фемистокл решил действовать...

Ночь. Лодка Фемистокла скользит по водной глади, направляясь к кораблю Еврибиада. И вот уже оба военачальника сидят рядом и обсуждают, как одолеть персов. Фемистокл приводит один довод за другим. Еврибиад утвердительно кивает головой.

— Тогда что же ты медлишь? Чего ждешь? — восклицает Фемистокл. — Мы не должны терять ни минуты! Давай не медля отправимся на остров, созовем военачальников на совет и примем решение.

Еврибиад выполнил требование Фемистокла с недовольством.

В полночь, в крошечной тьме, прибывают на остров военачальники. Фемистокл не ждет, пока все соберутся. Каждому он объясняет свой замысел, подробно излагает свои доводы...

Адимант, стратег из Коринфа, был давним врагом Фемистокла и никогда не упускал возможности досадить ему. Так и теперь. Как только Фемистокл принялся объяснять ему свой план, он грубо прервал его:

— На войне, Фемистокл, наказывают тех, кто бросается в бой прежде, чем раздастся боевой клич!

— Верно, — отвечал Фемистокл. — Однако плетущиеся в хвосте не побеждают никогда!

Затем он повернулся к Еврибиаду и громко, чтобы слышали все, сказал:

— Еврибиад! В твоих руках спасение всей Эллады! В наших интересах дать сражение здесь, в узком проливе у Саламина. Чем южнее, чем ближе к своей родине приведешь ты персов, тем быстрее ты откроешь им путь на Пелопоннес!

Еврибиад молчал, раздумывая. Адимант же не размышлял: ненависть толкнула его обратиться к Фемистоклу с такими недостойными речами:

— Не выношу, когда начинают выступать люди, не имеющие родины! Скажи нам сперва, Фемистокл, какое государство ты представляешь? Если таковое, конечно, существует! А уж потом давай советы другим!

Такого оскорбления Фемистокл не мог вынести. Он вскочил со своего места и закричал:

— Это у меня нет родины?! Да, ты прав, Афины преданы огню.

Но если даже нам больше не удастся возродить свой родной город из руин, у нас все равно будет родина! Корабли — вот наше отечество! — Затем, повернувшись к Еврибиаду, Фемистокл гневно продолжал: — Сейчас не время для препирательств! Прими же, командующий, решение! Если флот не останется у Саламина, то мы, взяв своих жен и детей, отправимся к берегам Италии и поселимся там. Когда вы останетесь один на один с персами, вспомните мои слова. Но будет поздно!

Взвесив хорошенько доводы и предостережения Фемистокла, Еврибиад отдал приказание: флоту оставаться в проливе у Саламина. Сражение будет дано здесь.

Но, несмотря на то, что решение было принято, пелопоннесские стратеги стали переговариваться между собой, осуждая Еврибиада. Многие утверждали, что Еврибиад просто-напросто сошел с ума. Афиняне, эгинцы¹ и мегарцы² настаивали на том, что флот должен остаться в водах Саламина. Опять разгорелись жаркие споры. На достижение согласия не было никакой надежды.

Тогда Фемистокл пустился на хитрость. Вместе с ним на корабле находился верный слуга и воспитатель его детей, знавший язык персов. Фемистокл призвал его к себе и объяснил, что следует сделать. Сикинн — так звали этого человека — вначале колебался. Ведь то, что от него требовалось, было так опасно! Но Фемистокл настаивал и не хотел слушать никаких возражений...

Через некоторое время Сикинн незаметно, со многими предосторожностями, отплыл на лодке от Саламина и направился к персидским кораблям. Вот послушайте, с какими словами он обратился к военачальникам варваров:

— Предводитель афинян Фемистокл тайно от других эллинов послал меня к вам. Он желает вам только добра, вам и вашему Великому Царю. Вот что Фемистокл просит вас сообщить, прислушайтесь к его словам: эллины дрожат от страха перед вашей непобедимой армией. Они грызутся между собой и собираются завтра на рассвете отплыть к Пелопоннесу. Для вас это прекрасная возможность на-

* * * *

¹ Жители острова Эгина.

² Жители города Мегар.

пасть на эллинов и разбить их. Не дайте им покинуть Саламин. Ведь пока флот их цел, они представляют для вас серьезную опасность. И пока еще корабли в проливе, захлопните капкан! Как только начнется сражение, эллины передерутся между собой. И тогда вы увидите, кто вам друг, а кто враг. Многие перейдут на вашу сторону. И первым — военачальник афинян Фемистокл!

Персы приняли это сообщение за чистую монету. С наступлением ночи часть персидских кораблей отплыла к Саламину, намереваясь окружить эллинов, заперев оба выхода из пролива. Сикинн же, сделав все так, как его научил Фемистокл, незамеченным вернулся на Саламин.

Вечерело. Совет продолжался. Военачальники никак не могли прийти к единому мнению. Вдруг в палатке, где заседал совет, появился воин и, обращаясь к Фемистоклу, сказал, что какой-то незнакомец желает видеть его. Фемистокл вышел из палатки и, к своему величайшему удивлению, увидел афинянина Аристиды. Аристид был одним из достойнейших афинских граждан, но в последние годы жил в ссылке. Его изгнали из Афин как политического противника Фемистокла. Несмотря на то что с ним поступили несправедливо, Аристид оказался настоящим патриотом и теперь явился, чтобы вместе с другими афинянами сражаться против персов, чтобы словом и делом способствовать спасению Эллады.

— Забудем наши пустые раздоры, Фемистокл, и объединим силы для спасения родины. Я прибыл с Эгины. Пока не стемнело, я не мог попасть к вам. Ведь персидский флот покинул Фалер и перегородил пролив. Нет никаких сомнений: они послали корабли, чтобы перекрыть пролив с другой стороны — возле Мегар и Элевсины. Мы окружены со всех сторон! Путь к отступлению отрезан...

Сердце Фемистокла радостно забилося.

— Спасибо тебе, Аристид, за добрые вести, которые ты мне принес! Я открою тебе одну тайну. Ты же, смотри, не выдавай ее никому. Это я постарался, чтобы персы перекрыли пролив. Теперь пелопоннесские стратеги будут вынуждены сражаться у Саламина!

Когда и другие военачальники узнали, с каким известием прибыл Аристид, они поняли, что изменить уже ничего нельзя...

Персам действительно удалось перекрыть оба выхода из пролива около Саламина. Их корабли протянулись бесконечной вереницей от мыса Киносурь на Саламине до Пирея и Каstellы. Между Саламином и Пиреем лежал небольшой пустынный островок Пситталия. Персы под покровом ночи подплыли к нему и оставили отряд отборных воинов. Этот островок был им необходим. Ведь во время сражения ветер станет гнать к острову потерпевшие бедствие корабли. Если крушение потерпят свои, то воины на острове помогут им спастись. Если же враги — добьют их...

Все приготовления персы вели тайно, чтобы неприятель ничего не заметил.

Эллины тоже спешно готовились к бою. Когда, наконец, все было готово, забрезжил рассвет. Военачальники отправились на свои корабли, чтобы отдать последние распоряжения. И никто из них не знал, что сулит им новый день.

Глава 17. ВПЕРЕД, СЫНЫ ЭЛЛАДЫ!

Рассвело. Наступил день 22 сентября 480 года до нашей эры. Десять лет минуло со дня Марафонской битвы. И вот во второй раз сражение должно решить, кто сильнее: персы или эллины. Но на этот раз не на суше, а на море. Многие воины, сражавшиеся при Марафоне, вновь взяли в руки оружие. И среди них — великий поэт Эсхил.

Первые лучи солнца позолотили водную гладь, горы, корабли. Люди любовались открывшимся им величественным пейзажем. Корабли замерли в неподвижности. Море казалось огромным городом —

столько судов выстроилось на этой узкой полоске воды. Впервые глазам человека открывалось такое неповторимое зрелище.

Спартанцы выстроились на правом фланге. Рядом с ними — эгинцы. Напротив, с вражеской стороны, выстроились ионяне, пришедшие вместе с персами. Афиняне заняли левый фланг, как раз напротив того места, где теперь находится город Керацони.

Прямо перед ними оказались корабли финикийцев — лучшие корабли врага. Фемистокл ободрял своих моряков. В сражении он будет рядом с ними, будет вести их за собой. Им всем вместе суждено или погибнуть, или победить.

Но где же Ксеркс? Персидский царь в это время находился на суше в безопасном месте. Он велел поставить свой золотой трон у подножия горы Эгалеос, напротив Саламина, откуда весь пролив виден как на ладони. Царя окружали телохранители и писцы с толстыми книгами, чтобы во всех подробностях описать предстоящее сражение.

Это было поистине дивное утро. Ни ветерка, ни легчайшего дуновения. Казалось, сама природа затаила дыхание, чтобы не нарушить величественный покой. Но вот раздается золотой триумфальный клич афинского горна. Звучит военный гимн. Скалы и пещеры отзываются гулким эхом. Персов охватывает страх и смятение. Они ведь были уверены, что эллины не станут сражаться с ними, а затеют драку между собой...

С афинских кораблей доносится мерный гул. Он все нарастает, и, наконец, слышится песня, которая вселяет храбрость в сердца и пьянит души:

Дети Эллады, вперед!
Родину, жен и детей своих освободите.
Храмы богов и предков могилы спасите.
Пробил решающий час!

Эллинский флот разом, не нарушая строя, первым сдвинулся с места. Когда же всколыхнулась вся огромная масса персидских кораблей, многие эллинские суда в растерянности замерли.

И вдруг в синем чистом небе, над парусами, эллины увидели призрака женщины. Ее тело было прозрачным, точно паутина, но

голос ее звучал над морем, подобно раскатам грома: «Вперед, мои отважные дети! Не отступайте ни на шаг! Вперед, только вперед!»

И эллинские корабли обрушились на врага. Горгоны¹, украшавшие носы судов, сверкали на солнце, оскалив свои медные зубы. Они, казалось, стремились вгрызться в крутые бока вражеских судов и потопить их.

В узком проливе весла судов то и дело цеплялись друг за друга и ломались, корабли сталкивались боками. Эллыны пытались зацепить вражеские суда крючьями. Когда им это удавалось, то, подтянув персидский корабль к своему, они ловко перебирались на «территорию» врага. И тогда уже схватка шла врукопашную, как на суше. Пораженные стрелами и копьями, варвары падали в море и, не умея плавать, тонули под килями кораблей. Лазурное море постепенно окрашивалось в красный цвет. Волны выбрасывали на остров трупы погибших и корабельные обломки.

Море вспенилось от великого множества движущихся кораблей. Все усилия эллинов сейчас были направлены на то, чтобы, не нарушая боевой порядок, всем вместе вытолкнуть вражеский флот прочь из пролива. Труднее всех пришлось афинянам на левом фланге. Поскольку они ближе всех находились к аттическому побережью, на их головы дождем сыпались стрелы вражеского пешего войска, расположившегося на берегу. Но афиняне не двинулись с места. Необходимо было во что бы то ни стало помешать врагам прорваться и окружить эллинский флот.

В узком проливе персы не смогли воспользоваться своим численным превосходством. Их тяжелые, неповоротливые суда беспорядочно теснились, сталкивались и даже топили друг друга. Под ударами волн многие корабли сильно накренялись, и эллыны тотчас таранили их.

Видя это, Ксеркс то и дело вскакивал со своего трона. Горечь терзала его сердце, боль угнетала душу. Черные вести приносили царю. Море поглотило многих знатных персов. Не удалось спастись и брату Ксеркса Ариабигну. Могила на дне моря выпала на долю персидского военачальника в битве у Саламина.

* * * *

¹ Горгона — изображение головы женщины-чудовища с высунутым языком, оскаленными зубами и волосами-змеями.

Эллины же, оказавшись в море, плавали, как дельфины, и находили спасение на суше. Кровавое сражение длилось много часов подряд. И вот, наконец, вражеский строй дрогнул. Корабли, составлявшие первую линию, со сломанными снастями повернулись кормой к эллинским кораблям и попытались спастись бегством. Дальше, как можно дальше от этого кровавого водоворота в проливе! Но они наталкивались на свои же корабли во второй линии и топили их. Точно в беспамятстве, персидские суда бодали друг друга. А афиняне продолжали сеять вокруг себя смерть и разрушение. Эгинцы же поджидали вырвавшиеся из общей массы вражеские корабли и топили их.

Вот вдогонку за богато украшенным персидским кораблем стремительно бросается легкое эллинское судно. Ксеркс цепенеет от ужаса. Ведь это корабль Артемисии, царицы Галикарнаса! Неужели ее захватят живой? А вдруг потопят корабль!

Но Артемисия была хитра и решила обвести вокруг пальца эллинского кормчего, который осмелился преследовать ее. Всей своей массой корабль Артемисии налетел на первый попавшийся персидский корабль и потопил его. Кормчий эллинского судна прекратил погоню, решив, что он совершил ошибку и преследовал свое, эллинское судно. А Ксеркс заключил, что Артемисия потопила эллинский корабль. К радости примешивалась горечь. Повернувшись к своим приближенным, царь сказал:

— Мои мужчины превратились в женщин, а женщины стали мужчинами!

Темнота сгущалась, а смятение и паника в стане персов все возрастали. Это произвело впечатление на ионян: многие из них прислушались к призыву Фемистокла и лишь делали вид, что продолжают борьбу. Эллины же сражались все более решительно и все упорнее теснили вражескую армаду. Несчастные персы не могли больше сопротивляться, их силы иссякли. Наконец они обратились в беспорядочное бегство. Вдогонку персам летел дождь стрел, копий, камней. Когда эллины настигали уходящий персидский корабль, то не медля топили его. Даже гребцы, у которых не было оружия, бились

веслами. Так бьют огромных рыб, когда те неожиданно стаей показываются около корабля.

В паническом бегстве персы забыли об отряде, оставленном на пустынном острове Пситалия. Отряд этот составляли две тысячи отборных воинов из самых знатных персидских семей. Афиняне во главе с Аристидом высадились на острове, окружили их и уничтожили. По-другому и быть не могло, ведь днем, во время сражения, эти персы причинили эллинам много вреда, обстреливая с суши их корабли.

Уцелевшие персидские суда около полуночи собрались у Фалера. Если бы сейчас кто-нибудь увидел этот флот, то ни за что бы не поверил, что это та величественная армада, которая гордо отплыла от берегов Малой Азии, чтобы покорить эллинов. Флот уменьшился больше, чем вполовину. Но и среди уцелевших кораблей было немало серьезно поврежденных. К тому же среди персов начались раздоры. Один военачальник винил другого... Только Ксеркс ни в чем не был виноват. И чтобы в это поверили другие и, прежде всего, чтобы убедить самого себя, царь подверг страшным наказаниям многих своих стратегов.

Змее обрубили хвост, но ей не переломили хребет. У Ксеркса еще оставалось огромное пешее войско, да и кораблей было немало. Одного только не было у персов — храбрых сердец!

Великий Царь Востока чувствовал страшную усталость. Страх и сомнения одолевали его. Тщетно Ксеркс пытался заглушить голос, который то и дело говорил ему:

«Что будет, если эллины разрушат мост через Геллеспонт? Как ты вернешься в Азию? Что ты предпримешь, запертый здесь, в Элладе, где все ополчилось против тебя и разят со всех сторон твое войско? Отправись в Азию по Эгейскому морю? И не думай об этом! И не мечтай! Они нападут на тебя и в море! Что будет с тобой? Что будет?!»

И вот Ксеркс отдал приказание, которое подсказал ему страх:

— Флот должен немедленно покинуть Фалер и отправиться к Геллеспонту охранять мост!

Сказано — сделано. Эллины еще некоторое время преследовали персов. Но они не поспевали за ними: когда спасаешься, бежишь гораздо быстрее.

В Сузы, далекую персидскую столицу, одним осенним утром прибыл всадник. Галопом проскакал он по узким улицам и широким площадям города, и звонкий стук копыт звучал как приглашение горожанам выйти из домов. Все тут же высыпали на площадь — посмотреть на всадника и послушать новые вести. Многие сразу узнали вестника самого царя. Лицо его светилось радостью. Не слезая с коня, он привстал на стременах и крикнул толпе:

— Многие лета нашему великому государю! Великое известие принес я вам, персы! Неверных Афин, которые принесли нам столько бед, больше не существует! Наше войско камня на камне не оставило от этого города. Никогда больше Афинам не восстать из пепла! Персы умеют мстить! Многие лета нашему великому государю, Ксерксу-завоевателю!

Хвастливые и напыщенные речи... А ведь война еще не кончилась! Но народ возликовал. Все поверили, что войне настал конец и что в скором времени их родные, прославив свои имена, вернутся домой. Улицы украсили миртовыми ветками, на каждом углу курили благовония и приносили богам благодарственные жертвы. А затем три дня подряд — пиры, праздники, веселье...

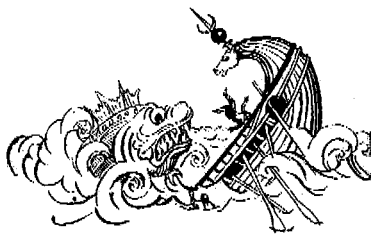
Не успели еще засохнуть миртовые ветки, как уже другой всадник появился в Сузах. Холодная испарина покрывала его лоб, а голос и вовсе пропал, точно камень застрял в глотке и мешал говорить. Спешился усталый всадник и попросил воды. Старики, женщины, дети окружили его и не спускали с него вопрошающих глаз: «Ради всего святого, скажи нам, что случилось?!»

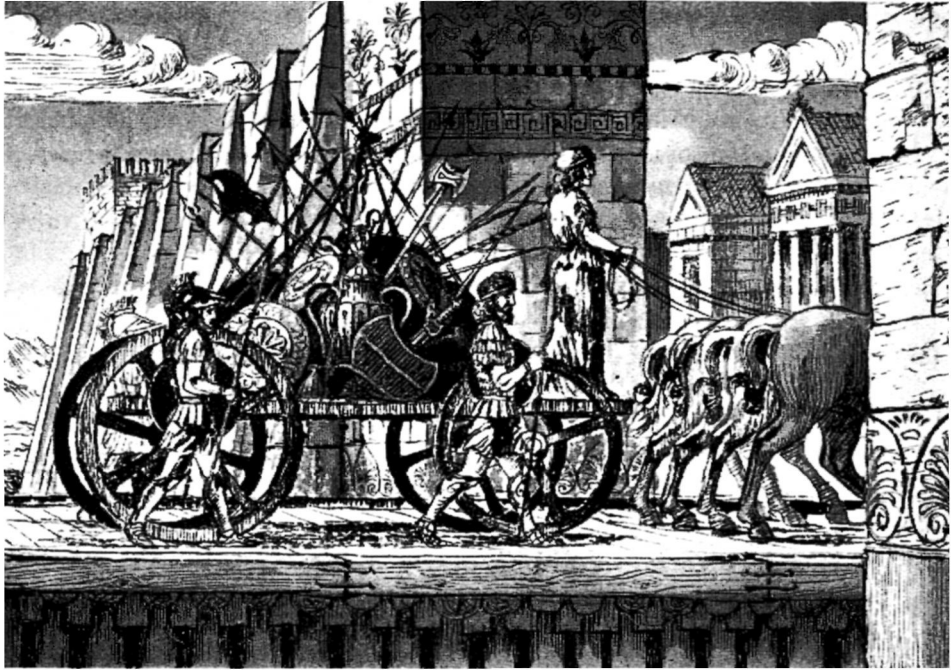
— Беда! — наконец прохрипел гонец, и глаза его затуманились слезами. — Наша великая славная армада потоплена в водах Саламина. Самые храбрые, самые знатные персы или погребены на дне моря, или нашли свою смерть на пустынном острове Пситталия. Сколько матерей и жен оплачут их, сколько женщин оденут черные одежды! А царь наш, как преследуемый зверь, возвращается назад. Не знаю,

удастся ли ему добраться до Суз, ибо путь его лежит через вражеские земли...

Персы стали рвать на себе одежды, царапать лицо, терзать грудь.

Проклятый Саламин! Сколько сыновей, мужей, отцов ты истребил! Рыдания и вопли оглашают пустынные улицы Суз. Плач стоит и в хижине нищего, и в царском дворце...

Глава 18. СРАЖЕНИЕ ПРИ ПЛАТЕЯХ

Отсылая флот к Геллеспонту, Ксеркс думал и о том, как бы сбежать самому. Теперь он считал, что его присутствие на родине просто необходимо. Ведь ждут разрешения тысячи важных государственных дел! Но царю было стыдно открыто сознаться в своей бессилии. Впрочем, Мардоний догадался о замысле Ксеркса и поспешил на помощь своему трусливому царю:

— Многие из подвластных тебе народов, о царь, вели себя недостойно при Саламине. Но беда не в этом. Беда в том, что мы привели с собой в Элладу слишком большое войско и не смогли им как следует

управлять. Нам не нужно так много воинов. Я полагаю, будет лучше, если ты с большей частью войска вернешься в Персию. Мне же ты оставишь триста тысяч отборных воинов, и я останусь здесь еще на несколько месяцев. Я обещаю тебе, что подчиню всю Элладу и пришлю тебе радостные вести, которые прославят тебя в Сузах. Ты уже достиг, чего желал: покарал Афины. Остальное — моя забота. Не следует тебе, о царь, заниматься этим. Не царское это дело...

Превосходно! В конце концов, сам Мардоний лез из кожи вон, чтобы состоялся этот поход. Пусть теперь сам ищет выход. А если не найдет, вся тяжкая ответственность за поражение ляжет на его плечи.

Царь намеревался отомстить Мардонию за все сразу.

Через сорок пять дней Ксеркс со своим войском достиг Геллеспонта. Чем дальше он уходил от Аттики, тем сильнее его терзал страх. А вдруг эллины уже перекрыли ему дорогу? Войско сильно страдало от столь поспешного отступления. К тому же начиналась зима. А на пути высокие горы и быстрые реки... Не знал Ксеркс, что ожидает его войско в пути, как не знал, что ждет его на родине.

Запасы продовольствия давно кончились, и многие воины умирали от голода. Персы принялись грабить. Они разоряли посевы и сады. Но разве могут так насытиться тысячи и тысячи людей? Те воины, которые не могли добыть себе пищу, ели траву. А когда и трава кончилась, наступил черед древесной коры... Там, где проходило персидское войско, оставалась голая, опустошенная земля.

Через некоторое время в войске начали свирепствовать болезни, и смерть уносила воинов одного за другим. Ксерксу до всех этих бед и несчастий не было никакого дела: он торопился домой. Царь безжалостно оставлял больных воинов в чужих городах на поругание врагу. Так значительная часть персидского войска рассеялась по Румелии, Фессалии и Македонии. Ксеркс не думал, что станет с теми, кого он бросил. Его заботило только одно: как быстрее возвратиться в Персию...

Наконец Ксеркс с жалкими остатками войска достиг Геллеспонта. Но моста уже не было. Его разрушила сильная буря. К счастью, здесь царя дожидались персидские корабли, приплывшие за ним из Азии.

...Мардовий с трехсоттысячным войском остался в Элладе. Наступила зима, и он, не имея возможности прокормить воинов в опустошенной Аттике, отошел зимовать в Фессалию. Зима прошла спокойно. Но как только началась весна, Мардоний отправил особое посольство к афинянам, пытаясь перетянуть их на свою сторону. Пелопоннесцы, проведав об этом, страшно обеспокоились. Если они потеряют афинян и их могущественный флот, их военная мощь будет сильно подорвана. Они тоже не медля отрядили своих послов в Афины. И вот на лежащей в руинах афинской Агоре¹ собралось Народное собрание. Слово берет посол Мардония:

— Переходите на нашу сторону, афиняне! Хватит вам воевать с Великим Персидским Царем, чья сила неисчислима и чья власть простирается на весь мир. О чем вы думаете? Разве вы сможете когда-нибудь победить его? Разве вы не видите, какое войско стоит за ним? А если будет побеждено это войско, за ним придет второе, третье... Ныне вам предоставляется прекрасная возможность заключить с Ксерксом мир, потому что велика его милость и снисходительность.

Вот какое послание прислал царь Мардонию:

«Если афиняне согласятся примкнуть к нам, тогда они получат безраздельное владение и свою страну, и любую другую, которую пожелают. Мы поднимем из руин их город, отстроим заново храмы, которые мы разрушили, и возместим нанесенный ущерб. Я, как царь милостивый, прощаю афинянам все, что они совершили. С меня будет довольно того, что они перейдут на нашу сторону».

Затем к афинянам с речью обратился спартаец:

— Афиняне! Вы не сможете совершить того, что вам предлагают варвары, ибо это будет гнусным предательством. Никто из эллинов не пошел бы на такое, а вы тем более не пойдете. С древних времен вы боретесь за освобождение других народов. Разве теперь вы станете помогать варварам в их стремлении поработить ваших братьев? Мы знаем, что вы стеснены обстоятельствами — ведь ваш город разрушен. Второй год подряд вы не сможете собрать урожая с этой скудной земли. Будет справедливо, если мы разделим с вами это бремя на весь период войны: возьмем на себя обязанность кормить ваших жен

* * * *

¹ Агора — площадь, на которой проходили Народные собрания.

и детей. Поверьте нашим словам! Не слушайте персов! У варваров нет ни чести, ни совести!

Последним от имени афинян говорил Аристид, обращаясь поочередно то к одному, то к другому послу. Он говорил прямо и мудро:

— Нам известно, что сила ваша, персы, велика. Но мы любим свободу и будем защищать ее до последней капли крови! Напрасны ваши уговоры! Передайте Ксерксу, что пока солнце совершает свой каждодневный путь с востока на запад, союзу между нами не бывать. Наши надежды мы возлагаем на богов наших. На богов, чьи храмы он осквернил и чьи статуи разрушил. Боги взывают к мести!

А вы, пелопоннесцы, почему вы оказались так малодушны и смогли предположить, что мы перейдем на сторону персов? Разве вы не знаете, что афинян нельзя подкупить золотом всей земли? Ведь в наших жилах течет одна кровь, мы говорим на одном языке, верим в одних и тех же богов, совершаем одни и те же обряды. Как же мы можем стать предателями? Даже если останется на земле только один афинянин, запомните, он никогда не станет союзником Ксеркса.

Спасибо вам, наши союзники-пелопоннесцы, за вашу доброту, спасибо за то, что вы так любезно согласились кормить наших жен и детей. Но мы постараемся никому не быть в тягость и добывать себе самим на пропитание. Знайте: нас ожидает новая война. Ведь мы отвергаем требования неприятеля. И на этот раз вам не удастся отсидеться на Пелопоннесе, оставив города союзников на произвол судьбы и врагам на разорение. Если вы хотите быть нашими союзниками, это не должно повториться. Прежде чем Мардоний вторгнется в Аттику, нам необходимо собраться всем вместе в Беотии и устроить ему ловушку.

Снова наступило лето. Июль 479 года до нашей эры. С нетерпением ждут афиняне спартанцев и войско из Пелопоннеса. Но что-то никого не видно. Союзники запаздывают. Опасаются афиняне, что персы снова вероломно вторгнутся в Аттику... Во второй раз им приходится отплывать к Саламину и отправлять своих жен и детей на острова...

Афиняне не ошиблись. Мардоний вновь вторгся в Аттику и беспощадно разрушил в Афинах то, что еще оставалось целым. Когда же он узнал, что эллинское войско, наконец, движется ему навстречу,

то спешно покинул Аттику и направился в Беотию. Основной силой персов была конница. А коннице, как вы знаете, для успешных действий нужна равнинная местность. Именно такие равнины и были в Беотии, в Аттике же их не было. Кроме того, Фивы и другие беотийские города были давними врагами афинян и поэтому поддерживали персов. Таким образом, Мардоний чувствовал себя в Беотии гораздо увереннее.

Персы расположились лагерем на равнине, недалеко от маленькой речушки Асоп. Напротив высилась гора Киферон. Эллы выступили из Мегариды¹, и, чтобы попасть в Беотию, им необходимо было сначала переправиться через Киферон. Там-то их и поджидали персы, чтобы не дать углубиться в беотийскую землю. Почти посередине равнины построили персы еще один, деревянный лагерь, с тем чтобы укрыться в нем в случае крайней необходимости. У подножия Киферона раскинулись Платеи. Это был очень красивый город, но персы разорили и опустошили его, потому что Платеи, а также Феспии не приняли сторону персов, а сражались на стороне эллинов.

Триста тысяч персов... И вместе с ними фиванцы и другие, пришедшие вместе с варварами убивать своих братьев. Эллинов же было не более ста тысяч. Командовал войском эллинов спартанский царь Павсаний. Стратегом афинян был Аристид.

Эллы засели в каменистых отрогах Киферона и не спускались на равнину, чтобы не вступать в бой с конницей. Только мегарцы, составлявшие авангард эллинского войска, разбили лагерь на равнине. Мардоний решил не давать эллинам ни минуты передышки и послал в наступление свою конницу.

Храбро сражались мегарцы, но их положение становилось все труднее, и, неся тяжелейшие потери, они отправили к Павсанию гонца с просьбой о помощи. Триста лучших афинских лучников, искусных стрелков, бросились на помощь мегарцам. Они рассредоточились и стали поражать вражеских всадников одного за другим, а также их лошадей.

Вот мчится гордая лошадь в золотой сбруе и расшитой упряжи. Гордая, как царица: видно, знатный воин сидит в ее седле. Но вдруг отравленная стрела впивается в живот лошади, и невыносимая боль

* * * *

¹ Область напротив Саламина, пограничная с Аттикой.

пронзает ее. Взвилась гордочка на дыбы, опрокинулась на спину, придавив собой седока...

Набросились эллины на неприятеля и прикончили его копьями. Это был не кто-нибудь, а сам Масистий, предводитель персидских всадников, отличавшийся редкостной силой и красотой. Как только варвары заметили, что потеряли своего военачальника, их охватила страшная паника. Они точно лишились всей своей силы и воли к победе. Повернув лошадей, персы обратились в позорное бегство. Пешие заставили бежать конных!

Оплакивают персы гибель Масистия, остригают себе волосы, обрезают конские гривы... Вся равнина оглашается стонами и плачем. Военачальники тревожатся. Дурные предчувствия мучают их. Многие предлагают покинуть равнину и закрыться в Фиванской крепости. Но Мардоний настаивает на том, чтобы сражение состоялось именно здесь.

Эллинское войско покидает стоянку и отходит несколько западнее. Воинам нужна вода, а только там можно найти подходящий источник. Выстраиваются боевые порядки: спартанцы занимают правый фланг, афиняне — левый, остальные эллины выстраиваются в середине.

Прямо перед спартанцами выстроились персы, перед афинянами — фиванцы. Их разделяет всего лишь речушка Асоп. Спартанцы считают, что лучше напротив персов стоять афинянам: ведь они уже сражались с ними у Марафона. Эллины меняются местами. Но и Мардоний перестраивает свои войска: персы ни за что не хотят сражаться с афинянами. Тогда эллины вновь меняются местами. Мардоний делает то же самое...

Вот так, стоя друг против друга, эллины и персы провели десять долгих дней, не решаясь начать сражение. Жертвы, которые были принесены богам, не сулили победы ни одной, ни другой стороне. Пророчество говорило, что жестоко поплатится тот, кто вздумает первым перейти реку...

На одиннадцатый день, на рассвете, эллины вновь перестроили свои ряды. Отряды, стоявшие в центре, поднялись немного выше, на

холмы. Мардоний, увидев эти перемещения, решил, что эллины испугались предстоящего сражения и уходят. «Или сейчас, или никогда», — решил он. Не слушая больше никаких предсказаний и пророчеств, Мардоний отдает войску приказание тотчас перейти реку и преследовать эллинов. Правда, в момент наступления персов, эллины оказались разобщены — не все успели занять новые позиции. Дальше от всех находились афиняне. Но и персы, полагая, что эллины уходят, начали наступление в большом беспорядке.

Персы лавиной ринулись на спартанцев, и им без труда удалось их окружить. Однако вступать со спартанцами в рукопашную схватку они не решались. Отойдя на некоторое расстояние, персы выстроились перед эллинами тесным строем. Затем выставили перед собой щиты; получилось как бы подвижное заграждение, так что другие персы под прикрытием щитов могли обстреливать спартанцев.

Положение спартанцев было отчаянным, и они призвали на помощь афинян. Афиняне бросились к ним, но наперерез им ринулись пятьдесят тысяч фиванцев и много других врагов, так что им пришлось остановиться и отражать яростный натиск противника.

И тогда спартанцы решили прорвать вражеское кольцо. Собрав последние силы, они ринулись на персов и пробили брешь в щитовом заграждении. Начался упорный рукопашный бой, в котором один спартанец сражался против десяти персов. В это время в бой вступил сам Мардоний со своей личной стражей, состоявшей из тысячи отборных персидских воинов.

Мардоний сражается верхом на своем белом коне, выделяясь среди других. Один из спартанцев зорко следит за его движениями и прикидывает на глаз, какое расстояние их разделяет. Вот он отвязывает свою пращу, вкладывает большой кусок свинца и с силой посылает его в Мардония. Свинец попадает в голову персу, тот падает с коня... Через несколько мгновений Мардоний испускает дух, а персы каменеют на месте от неожиданности...

И вот вся огромная масса вражеского войска отхлынула и обратилась в бегство. Снова начинается стремительная погоня. У персов остается единственная надежда — выстроенные заблаговременно

укрепления. Персы устремляются к ним и запираются в деревянных стенах.

Спартанцы достигают укреплений, осаждают их. Через некоторое время приходят на помощь афиняне, которые победили и рассеяли фиванцев. Теперь все эллины вместе штурмуют деревянную крепость персов и наконец овладевают ею. Отчаянные вопли оглашают равнину, персидская кровь обильно орошает плодородную беотийскую землю...

Из трехсот тысяч воинов, которых оставил Ксеркс Мардонию, только трем тысячам удалось спастись из деревянной крепости. И еще спаслись те, кто убежал в горы. Остальные же нашли свою гибель на земле, которую пришли завоевать. И с ними — их предводитель Мардоний. Это был их позорный конец. Это была окончательная победа эллинов.

Победители первым делом похоронили своих доблестно погибших воинов. Каждый город хоронил своих граждан в отдельной братской могиле. Было решено вновь отстроить Платеи и провозгласить эту землю священной и неприкосновенной.

Много дней понадобилось эллинам, чтобы собрать все трофеи. Ведь персы привезли с собой несметные богатства: золотые и серебряные столы, позолоченные ложа для стратегов, богато украшенное золотом оружие, золотые чаши для питья, браслеты, кольца, диадемы... Из этой добычи большая часть была посвящена богам и их храмам. Остальное эллины поделили между собой.

Дельфийскому оракулу победители посвятили огромный золотой треножник, поддерживаемый бронзовой колонной в виде трех переплетенных змей. На изгибах змеиных тел были начертаны названия эллинских городов, сражавшихся против персов. И в первой колонке — Спарта, Афины, Коринф¹.

Когда Павсаний вошел в шатер Мардония и увидел золотую и серебряную утварь, которую тот всюду возил за собой, а также золотые столы, за которыми, возлежа на пестрых коврах, трапезничали пер-

* * * *

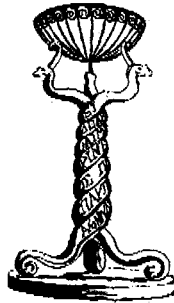
¹ В IV веке треножник был увезен из Дельф императором Константином в Византию. Его выставили на ипподроме среди других достопримечательностей. Обломок бронзовой колонны до сих пор находится на ипподроме в Стамбуле.

сы, то призвал к себе плененных персидских поваров и велел им приготовить такой обед, какой они обычно готовили своему хозяину. Затем, призвав своих слуг, Павсаний приказал им приготовить спартанский обед. Такой, какой они готовили ему каждый день. Первый обед был очень обильным и изысканным. На столе не доставало разве что птичьего молока. Второй был почти нищенским — немного жидкого бульона и зелень.

Собрал тогда Павсаний всех эллинских стратегов и сказал:

— Смотрите, как живут эти люди! И подивитесь их глупости: имея все блага мира, они пришли из Азии, чтобы отнять у нас столь жалкие крохи...

После непродолжительного отдыха эллины стали собираться домой. Выступив в путь, они подошли к Фивам и жестоко покарали эллинов-предателей, помогавших персам. Затем эллины по-братски простились и отправились каждый к себе на родину.

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А в т о н ó й — в греческой мифологии герой-гигант, покровительствующий дельфийской земле.

А г а м é м н о н — в греческой мифологии царь Микен и Аргоса, вождь греков в Троянской войне.

А г а р í с т а — дочь сикионского тирана Клисфена, супруга Мегакла Алкмеонида.

А г л á в р а — в греческой мифологии дочь афинского царя Кекропа.

А д и м á н т — коринфский стратег.

А л к м е о н í д ы — старый афинский род, боровшийся против Писистратидов.

А м á с и с — египетский царь (569—526 гг. до н. э.).

А н а х á р с и с — скифский царь, перенявший греческие обычаи.

А п и с — в мифологии египтян священный теленок с белым четырехугольным пятном на лбу.

А п о л л ó н — в греческой мифологии бог света.

А р é й (А р é с) — в греческой мифологии бог войны.

А р и а б í г н — сын Дария, брат Ксеркса, один из главнокомандующих персидским флотом.

А р и с т а г ó р — зять Гистиея, тиран Милета.

А р и с т í д — афинский стратег.

А р и с т о г и т ó н — из рода Гефиреев, знаменитый «тираноубийца»; вместе с братом Гармодием убил афинского тирана Гиппарха.

А р т а б á н — сын Гистаспа, брат Дария, дядя Ксеркса.

А р т а ф р é н — брат Дария, правитель Сард и Милета.

Артафрэн — племянник Дария, сын Артафрена, персидский полководец.
Артемйда — в греческой мифологии владычица зверей, богиня растительности и плодородия.

Артемисия — царица Галикарнаса, принимавшая участие в Саламинском сражении на стороне персов.

Астиаг — правнук Деиока, царь мидян, свергнутый Киrom.

Атис — сын Креза, погибший на охоте от копья с отравленным наконечником.

Атосса — дочь Кира, супруга Дария, мать Ксеркса.

Афина — в греческой мифологии богиня наук, искусства и ремесел. Покровительствовала Афинам, в ее честь устраивался праздник Панафиней.

Биант — греческий мудрец.

Битон — юноша из Аргоса; по словам Солона, самый счастливый в мире человек.

Борей — в греческой мифологии бог северных ветров.

Гармодий — из рода Гефиреев, знаменитый «тираноубийца»; вместе с братом Аристогином убил афинского тирана Гиппарха.

Гарпаг — мидянин, управляющий дворцом Гастиага, перешедший на сторону Кира.

Гелиос — в греческой мифологии бог солнца.

Гера — в греческой мифологии супруга верховного бога Зевса.

Геракл — в греческой мифологии герой, совершивший двенадцать знаменитых подвигов.

Гиппарх — сын Писистрата, афинский тиран, убитый Гармодием и Аристогином.

Гиппий — сын Писистрата, афинский тиран.

Гипоклид — афинянин, один из женихов Агаристы.

Гистасп — отец Дария.

Гистиэй — тиран Милета.

Дарий — сын Гистаспа, персидский царь.

Датис — мидянин, персидский полководец.

Деиок — основатель мидийского царства.

Демарат — спартанский царь-изгнанник, бежавший к персам.

Демокэд — знаменитый врач из Кротона.

Дикей — изгнанный из Афин сторонник Гиппия; возвратился в Атику вместе с Демаратом.

Дионис — в греческой мифологии бог растительности, виноградарства и виноделия.

Еврибид — спартанец; командовал греческим флотом у мыса Артемисий (о. Евбея).

Евфорион — отец Кинегера и Эскила.

Зевс — в греческой мифологии верховный олимпийский бог.

Зопир — сын Мегабиза, помогший Дарию хитростью взять Вавилон.

Каллимáх — полемарх в Марафонской битве.

Камбис — муж Манданы, отец Кира, персидский царь (660—640 гг. до н. э.).

Камбис — старший сын Кира, персидский царь (529—522 гг. до н. э.).

Кекроп — в греческой мифологии первый царь Афин, отец Аглавры.

Кибела — в греческой мифологии богиня плодородия.

Кинегир — сын Евфориона, афинянин, брат знаменитого поэта Эскила.

Кипсел — отец Периандра, коринфский тиран.

Кир — сын Камбиса и Манданы, основатель персидского государства.

Клеобис — юноша из Аргоса; по словам Солона, самый счастливый в мире человек.

Клеомен — спартанский царь.

Клисфен — тиран Сикиона.

Клисфен — сын Мегакла, внук Клисфена Сикионского, видный афинский политик.

Крез — царь Лидии.

Ксеркс — сын Дария и Атоссы, персидский царь.

Лабинет — сын Нитокрис, царь Вавилонии.

Леонид — спартанский царь, геройски погибший во главе трехсот спартанцев при Фермопилах.

Ликург — афинский политик.

Лих — спартанский лазутчик, нашедший в Тегее останки Ореста и перевезший их в Спарту.

М а н д á н а — дочь мидийского царя Астиага, жена Камбиса, мать Кира.

М а н д р ó к л — самосец, строитель моста через Боспор, по которому Дарий повел свои войска из Азии в Европу.

М а р д ó н и й — зять Дария, персидский полководец.

М а с í с т и й — предводитель персидских конников, убитый в битве при Платеях.

М е á н д р и й — приближенный Поликрата, посланный им к Орету.

М е г а б á т — племянник Дария, назначенный предводителем персидского флота.

М е г á к л — отец Алкмеона, родоначальник афинского рода Алкмеонидов.

М е г á к л — афинянин, сын Алкмеона, зять Клисфена Сикионского.

М е г í с т и й — прорицатель из Акарнании в отряде Леонида при Фермопилах.

М е л и с с а — жена коринфского тирана Периандра, убитая им.

М и л ó н К р о т ó н с к и й — борец, шестикратный победитель Олимпийских игр.

М и л ь т и á д — сын Кимона, афинский стратег.

М и т р а д á т — пастух, воспитавший Кира.

Н í т о к р и с — вавилонская царица.

О р é с т — сын аргосского и микенского царя Агамемнона.

О р é т — сатрап Сард при Кире и Камбисе.

О р í ф и я — в греческой мифологии дочь Эреффея, сестра Тезея, супруга Борея.

П а в с á н и й — спартанский царь, возглавлявший греческое войско в сражении при Платеях.

П а н — в греческой мифологии бог лесов и рощ. Обычно изображался весь покрытый шерстью, с рогами, кривым носом, козлиными ногами и хвостом.

П е р и á н д р — сын Кипсела, тиран Коринфа.

П и с и с т р á т — знаменитый афинский тиран.

П и с и с т р а т í д ы — сыновья и потомки Писистрата.

П о л и к р á т — тиран острова Самос.

Прексáсп — знатный перс, которому Камбис велел убить своего брата Смердиса.

Пса́мменийт — сын Амасиса, египетский царь.

Са́ндáнис — лидиец, уговаривавший Креза не идти войной на персов.

Се́мирамída — вавилонская царица.

Сики́нн — верный слуга Фемистокла и воспитатель его детей.

Ски́л — скифский царь, принявший греческие обычаи.

Сме́рдис — сын Кира, младший брат Камбиса, убитый по его приказанию.

Соло́н — греческий мудрец.

Спа́ргáпис — сын царицы Томирис, предводитель массагетов; был пленен Ки́ром.

Тезе́й (Тесе́й) — в греческой мифологии сын Эгея, брат Орифии, царь Афин.

Телл — афинянин, по мнению Солона, самый счастливый в мире человек.

То́мирис — царица массагетов, победившая Кира.

Фа́лес Миле́тский — знаменитый греческий мудрец.

Фемистóкл — афинский политик.

Фидиппíд — афинский скороход, посланный в Спарту перед Марафонской битвой.

Фíлак — в греческой мифологии герой-гигант, покровительствующий дельфийской земле.

Фíя — красавица, изображавшая по приказанию Писистрата богиню Афину.

Фрíних — знаменитый трагический поэт.

Эпизе́л — афинянин, лишившийся зрения во время Марафонской битвы.

Эсхíл — сын Евфориона, брат Кинегира, знаменитый трагический поэт. Участник Марафонской битвы и Саламинского сражения.

Эфиáльт — изменник, предавший отряд Леонида при Фермопилах.

О Г Л А В Л Е Н И Е

***В. Соколюк.* О деяниях славных и удивления достойных 3**

Глава 1. КРЕЗ, ЦАРЬ ЛИДИЙСКИЙ 15

Глава 2. КРЕЗ ИЩЕТ СОЮЗНИКОВ 25

Глава 3. КИР, ЦАРЬ ПЕРСИДСКИЙ 29

Глава 4. АМАСИС И ПОЛИКРАТ 40

Глава 5. БЕЗУМНЫЙ КАМБИС 47

Глава 6. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕМОКЕДА 54

Глава 7. ЗОПИР, СЫН МЕГАВИЗА 60

Глава 8. КАК ВОЕВАЛИ СКИФЫ 64

Глава 9. МЯТЕЖНАЯ ИОНИЯ 73

Глава 10. АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ 82

Глава 11. МАРАФОНСКАЯ БИТВА 88

Глава 12. КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ 99

Глава 13. АЗИЯ ВТОРГАЕТСЯ В ЕВРОПУ 105

Глава 14. БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ 112

Глава 15. ОГОНЬ И МЕЧ 123

Глава 16. В ВОДАХ САЛАМИНА 130

ГЛАВА 17. ВПЕРЕД, СЫНЫ ЭЛЛАДЫ! 137

Глава 18. СРАЖЕНИЕ ПРИ ПЛАТЯХ 144

Словарь собственных имен 153

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Яннис Милиадис

ИСТОРИИ ИЗ ГЕРОДОТА

ИБ № 6075

Ответственный редактор

Н. С. ДРОЗДОВА

Художественный редактор

Н. И. КОМАРОВА

Технические редакторы

С. Г. МАРКОВИЧ и Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректоры

Ж. Ю. РУМЯНЦЕВА и Н. Г. ХУДЯКОВА

Сдано в набор 16.02.82.

Подписано к печати 11.01.83.

Формат 70×90¹/₁₆.

Бумага офс. № 1.

Шрифт школьный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,7.

Усл. кр.-отг. 12,88. Уч.-изд. л. 8,08.

Тираж 100 000 экз.

Заказ № 1536. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Детская литература»

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств,

полиграфии

и книжной торговли.

Москва, Центр,

М. Черкасский пер., 1.

Калининский

ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинат детской литературы

им. 50-летия СССР

Росглавполиграфпрома

Госкомиздата РСФСР,

Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, 125047, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Миллиадис Я.

М60 История из Геродота / Пер. с новогреч. и предисл. В. Соколюка; Художн. М. Неверов. М.: Дет. лит., 1982.— 158 с., ил.

В пер.: 60 к.

Переложение для детей с древнегреческого эпизодов из сочинений «отца истории» Геродота, сделанное современным греческим ученым и писателем Яннисом Миллиадисом.

Рассказывая юным читателям о нашествии персов на Грецию, о Скифии, о Марафонской битве, о сражении у Фермопил и других событиях, автор создает яркую картину жизни античного мира.

М 480302020000—077 425-82
M101(03)82

И(Греч.)

